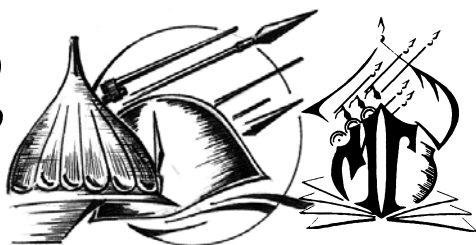

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2020

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто сладостно Россию ненавидит?	3
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Запад против русской цивилизации	70
Иван БУКАРЕВ. Миграционная политика в подражание США	134

ПРОЗА

Сергей ПЫЛЁВ. Фермер. Повесть	16
Геннадий КАРПУНИН. Душа подневольная. Рассказ	86
Андрей НЕКЛЮДОВ. Аист. Рассказ	140

ПОЭЗИЯ

Сергей ПАНФЁРОВ. Память воды. Стихи	57
Андрей ФРОЛОВ. Родины усталые глаза. Стихи	63
Валентина КОРКИНА. Как птицы. Стихи	123
Владимир БОЛЬШАКОВ. Над обрывом. Стихи	129
Валерий ЛАТЫНИН. Колыбель для грядущих героев. Переводы из сербской классической поэзии	154

РУССКИЙ ВОПРОС

Валентина ШТРАУС. Русский народ и Конституция	161
--	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Алексей МУХИН. **На кого направлено этническое оружие** 169

СИМВОЛ ВЕРЫ

Алексей ЩИПКОВ. **Пандемия и новая сакральность** 175

Мария МОНОМЕНОВА. **Убить Бога** 182

СУДЬБЫ

Яна МАНСУРОВА. **Песня реки** 186

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Геннадий СУЗДАЛЕВ. **Слава** 202

Вячеслав БОГДАНОВ. **Я пришел в эту степь... Стихи** 204

ЛАРЕЦ

Иван БУНИН. **Золотое дно. Рассказ** 210

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Максим ПОТЕМКИН. **Битва при Молодях** 216

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Великие мужи России** 219

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Михаил ШЕГЛОВ. **А существует ли республика Татарстан?** 228

Игорь КОПЫЛОВ. **Цель коронабесия** 230

Владимир КОРНИЛОВ. **Польша превращает палачей в героев** 232

Валерий ФИЛИМОНОВ. **Вирусы — оружие террористов** 235

Геннадий САЗОНОВ. **«Милый друг» дорогих россиян** 239

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение** 241

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. **Тот свет, который вечен. О книге духовной лирики Валерия Хатюшина «Вино и хлеб»** 255

КТО СЛАДОСТНО РОССИЮ НЕНАВИДИТ?

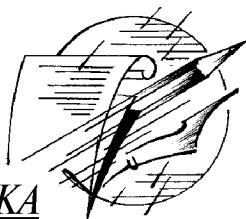
Как сладостно — отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!

Владимир Печерин (1807—1885)

Гармоничное развитие общества и государства возможно лишь при условии толерантности по отношению к инакомыслящим. Преследование за взгляды ведет к популяризации этих взглядов. Но не было ни одного тоталитарного режима, где бы это понимали и действовали соответственно.

В свое время Мао Цзэдун провозгласил: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соревнуются сто учений». Другое дело, что, выступив с этим мудрым призывом на расширенном совещании ЦК КПК 28 апреля 1956 г., Мао ровно через десять лет объявил «культурную революцию» (Постановление ЦК КПК 8 августа 1966 г.) и выкорчевал все негодные ему цветы и учения, расцветшие за это время с его провокационного разрешения.

Запретный плод сладок. Запрещенные Пастернак и Солженицын, Синявский и Зиновьев, Рой Медведев и Виктор Некрасов ходили по рукам, несмотря на то, что хранение и распространение публикаций самиздата сурово каралось по советским законам. В результате в советском обществе, не говоря уже о других соцстранах, возник тот феномен, который описан английским писателем Джорджем Оруэлл-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лом в его фантастическом романе «1984-й», гениальной пародии на «реальный социализм». Это — «двоемыслие», которое поразило советскую интеллигенцию, служившую власти, держа при этом фигу в кармане. В романе Оруэлла двоемыслие относилось к категории «преступномыслие» и жестоко каралось.

В СССР 5-е управление КГБ во главе с генералом Бобковым активно выявляло «преступно мыслящих» и выдавало им «путевки» в «психушки», в тюрьмы и куда реже — на выезд за границу. Естественно, что Запад принялся их активно поддерживать и выращивать профессиональных диссидентов от литературы вроде Анатолия Гладилина, обосновавшегося после выезда во Францию на радиостанции ЦРУ «Свобода», и от политики вроде Елены Боннэр, перековавшей академика Сахарова из «отца советской водородной бомбы» в отца советского диссидентства. Опасность профессионального диссидентства вполне сравнима с деятельностью «пятой колонны» внутри осажденной крепости. А Россия веками находится в этом состоянии, что не могло не сказаться на менталитете ее правителей независимо от ее социального строя и ее граждан. И те, и другие были бы рады распахнуть свои двери и сердца навстречу и Востоку, и Западу, но все такого рода попытки на протяжении всей нашей многотысячелетней истории воспринимались как слабость и использовались для подрыва России изнутри. Может быть, именно поэтому у многих в нашей стране существует устойчивая аллергия на инакомыслие, а в среде интеллигенции — почти наркотическое к нему пристрастие.

Советские лидеры, увы, после Сталина не отличались высоким интеллектом. Даже и невысоким. Они не почувствовали ветра перемен в отличие от своих западных коллег. Когда в 60-е годы практически во всех развитых капстранах грянула студенческая революция, ее сначала попытались подавить привычными полицейскими методами, а затем стали действовать по французскому принципу: «Если ты не можешь разгромить их — присоединись к ним». В результате президент Франции Шарль де Голль, вместо того чтобы давить танками баррикады восставших студентов по всей Франции, требовавших демократических перемен, ушел в отставку, а в США перестали реагировать на буйные манифестации новых левых, хиппи и битников и постепенно стали реализовывать их новаторские требования демократизации общества, производства и образования. В конечном итоге бунт на Западе интегрировали, капитализм, получив свежую кровь и мозги бунтующей молодежи, сумел продлить свой жизненный срок, отпущенный ему историей, и так рванул вперед в своем технологическом и промышленном развитии, что Советскому Союзу и все-

му соцлагерю уже было его не догнать. Отвергнув все призы-вы к демократизации советского общества, СССР впал в длительный застой, из которого его могла вывести перестройка, если бы ее осуществили подлинные советские патриоты, а не социал-предатели во главе с Горбачевым.

Эти исторические уроки сегодня необходимо не только учитывать, но и тщательно изучать, чтобы избежать повторения пройденного и не превратить диалог с гражданским обществом с его современными диссидентами в диктаторский монолог власти в духе Ивана Грозного или Сталина. И тут очень важно не переступить ту грань, за которой возврата к диалогу уже быть не может.

«Грань между оппозиционерами и пятой колонной, она внутренняя, ее трудно увидеть внешне. В чем она заключается? Оппозиционер, — говорил Владимир Путин, — даже очень жесткий, в конечном итоге до конца борется за интересы своей родины, а пятая колонна — это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, и их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей» (пресс-конференция 18.12.2014). Вроде бы и правильная постановка вопроса. Однако наша история показывает, что подобные формулировки могут быть использованы для обвинения в шпионаже, подрывных действий и прочих преступлений в чуждых нам интересах против кого угодно — как против реальных шпионов и диверсантов, так и против лояльных, но инакомыслящих граждан (см. 58 статью УК РФ, разделы 58-1, 58-3, 58-10) времен товарища Сталина. В те времена никто не имел права ни на ошибку, ни на инакомыслие. Известно, какой трагедией это обернулось. Мы не можем более рисковать судьбой нации, которая и так потеряла в XX веке десятки миллионов своих граждан в войнах, революциях и в ходе геноцида русского народа по имени Красный террор.

Противостояние власти и гражданского общества имеет перманентный характер и во многом напоминает динамику костра, который может сутками тлеть, но при сильном ветре загорится ярким пламенем. Эта динамика прослеживается во всех бунтах, восстаниях и революциях. Напомню некоторые факты из нашей истории. Еще в январе 1917 года, сидя в Швейцарии за столиком в своем любимом кафе с соратниками-эмигрантами, В.И. Ленин посетовал на индифферентность масс к большевистской пропаганде и сказал, что в ближайшие 20 лет революции в России ожидать не стоит. Через несколько недель после этого его предсказания грянула Февральская революция. Пала монархия. Уже в апреле В.И. Ленин со своими ближайшими соратниками, в основном евре-

ями, ехал через Германию в запломбированном вагоне, зафрахтованном на деньги немецкого генштаба. Когда по прибытии в Петроград Ленин выступил на броневике со своими «Апрельскими тезисами», которые он нацарапал по дороге, большевиков еще никто не воспринимал всерьез. Но подул ветер истории. Из Америки на пароходе с оружием, зафрахтованном еврейским банкиром Якобом Шиффом, который в 1918-м щедро заплатил Якову Свердлову за убийство царя и его семьи, прибыл Троцкий со своими еврейскими боевиками. И в октябре они уже захватили власть. А затем запылала вся Россия в пожаре Гражданской войны...

В современном российском обществе тлеющие огоньки недовольства не гаснут, на что есть немало причин. Это прежде всего вопиющее социальное неравенство: 3% населения России владеют 90% национального богатства страны. Это — роскошь нуворишей и коррумпированных чиновников с их заграничными виллами, яхтами, а в России — дворцами и многогектарными усадьбами. Это — нищета населения, безработица, развал систем здравоохранения и образования, гибель моногородов, повсеместное бездорожье, рост цен и т.д. Подуй ветерок и...

Судьба любого общества зависит от того, что швейцарский психолог Карл Густав Юнг (1875—1961), соратник Зигмунда Фрейда, назвал коллективным бессознательным, которое представляет собой одну из форм бессознательного, единую для общества в целом. Под словом «коллективное» Юнг подразумевал отнюдь не проблемы общественного порядка, а совокупность универсальных личностных проблем, которые могут возникать перед человеком во все времена. В реальной жизни человек воспринимает всё происходящее в его стране и во всем мире не через призму своих политических взглядов, а в парадигме «хорошо—плохо», «по совести, по справедливости, по-божески», «по-людски — не по-людски», «по-нашему — не по-нашему» и т.д. До поры это коллективное бессознательное политически нейтрально, как динамит без бикфордова шнура. Оппозиция в любом обществе играет роль этого шнура. Поджигают его профессиональные взрывники общественного порядка. Вопреки Юнгу.

В СССР всё так и произошло. Диссиденты, поначалу — единицы, затем — сотни, воздействовали на общественный климат страны, предложив более гуманный по сравнению с догмами партократии альтернативный взгляд на порядок вещей. Утверждая ценность человеческой жизни, они выступали за реализацию тех гражданских прав, соблюдать которые обещал лично генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев, подписавший Хельсинкский акт от имени СССР. В своей пра-

возащитной деятельности они не призывали к демонтажу коммунизма, но выдвигали интеллектуальную и гуманистическую альтернативу советскому строю. На Западе на них возлагали надежду как на жуков-точильщиков, которые рано или поздно подточат изнутри основы советского строя, и он рухнет. И он таки рухнул, хотя под его обломками погибли и те, кто его расшатывал.

Власть и оппозиция

От того, как воспринимает власть выступления оппозиции против нее, зависит прежде всего то, как общество относится к власти. И власть, и оппозиция уверяют своих сограждан в том, что действуют в их интересах. Этим власть оправдывает репрессии против оппозиции, даже самые жестокие, а оппозиция — свои протестные выступления, в том числе самые погромные. От того, в чью пользу будет решен этот спор, зависит судьба и власти, и оппозиции, которая в открытом противостоянии с властью использует методы активной политической борьбы, а при отсутствии таких возможностей прибегает к диссидентству, готовя массы к тому моменту, когда наступит «последний, решительный бой» в форме государственного переворота или революции.

Феномен диссидентства в этой связи приобретает особое значение. В первую очередь для интеллигенции, которая в силу своей социальной природы и выступает его носителем. Считается, что впервые подвергать сомнению общепринятые истины и политику власть предрежащих вменил в обязанность интеллигенции один из кумиров американских новых левых 60-х годов, известный «битник» и поэт Лоуренс Ферлингетти. Он так сформулировал роль креативного класса в современном мире: «Первоочередной вклад интеллигенции — это диссидентство». Отсюда и производное слово — «диссиденты».

Несогласные и инакомыслящие между тем существовали всегда. Их девизом могла бы стать известная фраза Галилео Галилея «А все-таки она вертится!» Диссидентство — это не отрицание. Скорее отрицание отрицания, сомнение в сомнении. К неверию в прописные истины интеллигенцию побуждает сама ее социальная природа. При этом подлинно интеллигентные люди никогда не посягали на веру в Бога, существование которого воспринимается верующими как непреложная Истина. А провозглашенное в Писании «единомыслие» (см. Первое Послание к Коринфянам) понимали как солидарность единомышленников-христиан, но не как безусловную и всеобщую поддержку существующего режима.

В обычной же жизни сомнение — это неременная составная познания, метод поиска истины. Только глупцы не подвержены сомнениям. И только тоталитарные режимы отказывают людям в праве на сомнение и в свободомыслии. Первой их жертвой становится интеллигенция. «Интеллигенты должны быть сразу красными и обученными, — требовал Мао Цзэдун. — Чтобы быть красными, они должны полностью перестроить свои умы, преобразовав свое буржуазное мировоззрение. Им не нужно читать много книг...» (выступление на Верховном государственном совещании 13 октября 1957 г.).

Мудрые правители, однако, понимают, что истина не в крайностях, а где-то посередине, и потому, принимая жизненно важные решения, выслушивают различные точки зрения по одному и тому же вопросу. «Мудрость лучше силы, — учит нас Книга книг. — Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми. Мудрость лучше воинских орудий...» (Екклесиаст. 9: 16-18). Только лишённые мудрости упорно считают, что сила государства заключается в единомыслии подданных и в подавлении инакомыслия. Тем не менее редкая власть терпит инакомыслие.

И если на вече в Новгороде или во Владимиро-Суздальской и Галицкой землях несогласное меньшинство можно было просто переорать и утвердить таким образом мнение большинства, то по мере укрепления Русского государства и центральной власти искоренение инакомыслия становилось в России заботой государственной. Не случайно же император Николай I взял на себя обязанность главного цензора произведений Александра Сергеевича Пушкина, опасного для власти диссидента того времени!

С тех пор цензура укоренилась в России надолго и была официально запрещена только после развала СССР, приобретя, правда, форму негласного надзора за всем, что публикуется и говорится от газет, издательств, журналов и информационных агентств до социальных сетей.

В те годы, когда в СССР движение диссидентов только формировалось, автор двух вариантов советского гимна и одного российского Сергей Михалков осудил их как идеологических противников, а присуждение Солженицыну Нобелевской премии (1970 г.) назвал очередной политической провокацией, направленной против советской литературы. Объективно С. Михалков был, как оказалось, прав. «Классовое чутьё» его не подвело. Как недавно выяснилось, операцией по присуждению Нобелевской премии Пастернаку за его роман «Доктор Живаго», который я считаю откровенно слабым, занималось

Центральное разведуправление США, в чём в начале 2015 года — столько лет спустя! — признались наконец руководители этого шпионского ведомства, вскрыв архивы того времени. Конечно, о таком «участии» в его судьбе не знали ни сам Пастернак, ни его тогдашние критики. Уверен, что узнай об этом Пастернак, он не пережил бы такого позора. А его между тем обвинили в том, что он сыграл на руку врагу.

В наши дни сын С. Михалкова, известный кинорежиссер Никита Михалков, заявил буквально следующее: «*Предательская природа* (выделено мной. — В.Б.) российского диссидента — предмет особого изучения для историков». В ряде своих выступлений на эту тему Никита Сергеевич решительно заклеил диссидентство: «Я уважаю людей, которые высказывают свою точку зрения, но принципиально не приемлю диссидентства. Диссидентство — это отрицание. Только те, которые объединяются вокруг «да», могут что-то создать. Предлагайте, а не просто отрицайте, стоя в третьей позиции и глядя со стороны холодным взглядом Чаадаева. Вспомните Грибоедова, который говорил о декабристах: колебания умов, ни в чем не твердых... Противостояние возникло с момента, когда пагубная идея эгалите, фратерните и так далее, как бацилла, стала разъедать нутро. Братство? Конечно! Свобода? Да! Но — в рамках закона. Равенство? Но оно недостижимо, это иллюзия, обман. Равенства не может и не должно быть. Даже Христос говорил: «Много званных, но мало избранных». Равенство — это когда я заработал и живу в доме, а ты бомжуешь под мостом. А потом протрезвеешь, придешь ко мне с топориком и скажешь: как так, у тебя всё есть, а у меня ничего? Из чего возникло противостояние интеллигенции начальству? Из того, что интеллигенция живет в дерьме, а начальство — в шоколаде».

Удивительно, как классовая солидарность российских буржуинов от интеллигенции оборачивается ненавистью не только к диссидентам, но и к неимущим. Вроде бы интеллигентный человек, выдающийся режиссер и обличитель сталинизма (см. фильмы «Утомленные солнцем», «Предстояние», «Цитадель»), по сути дела, повторяет откровения светской куклы Божены Рынской и телеведущей Алены Водонаевой, обзвавших неимущих россиян «быдлом».

Как человек верующий, православный Михалков должен был бы знать, что под «избранными» Спаситель имел в виду не начальство, не аристократию и богатых людей, а своих последователей. Что же касается равенства, то не грех было бы нашему режиссеру, «утомленному солнцем» славы и обласканному высшим российским начальством, перечитать

Священное Писание, где была дана формула равенства: «Ни Эллина, ни Иудея». Так, Апостол Павел в Послании к Галатам (гл. 3, ст. 27-28) говорил: «Все вы, во Христа крестившись, во Христа облелись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». Все люди, согласно этому учению, равны перед Богом.

Не только Декларация независимости США объявила «самоочевидной истиной» то, что «все люди сотворены равными». И в статье 29 Конституции РФ записано: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова», и «запрещается пропаганда социального превосходства». Увы, такой пропагандой с утра до вечера занимается наше телевидение, не говоря уже о глянцевого журналах. И тут Михалков не одинок. Конечно, сытое бытие определяет и сытое сознание, порождает нежелание каких-либо перемен, способных отнять что-то у сытых, чтобы накормить голодных.

Советские диссиденты не были революционерами и не посягали на цековские пайки и спецраспределители партийного и советского начальства, к которым была приписана вся семья Михалковых. И нынешние их последователи не призывают всё отнять и поделить. Дело-то совсем в другом...

Советские диссиденты посягнули на «святыя святых» советского общества: не признали монополию КПСС на истину, посмели заявить, что эта партия только по ее собственной характеристике представляет собой «ум, честь и совесть нашей эпохи», что уже само по себе противоречило здравому смыслу. Отец и сын Михалковы, однако, в этом не сомневались. «Если я верю, что решения власти вызваны искренним желанием сделать стране лучше, я готов ее понять и вместе с ней нести все тяготы», — говорит Никита Михалков. А вот диссиденты осмелились этому возразить еще в тоталитарные советские времена, напоминая, что благими намерениями вымощен путь в ад. И они оказались правы. Ни чести, ни ума, ни совести не оказалось у руководства КПСС, по вине которого распался Советский Союз.

Еще в XIX веке русская интеллигенция потешалась над попытками царедворцев угодить государю и ввести в России монополию высочайшей власти на истину. В 1863 г. в журнале «Современник» под псевдонимом Козьма Прутков был напечатан «Проект: о введении единомыслия в России», где были такие слова: «Собственное» мнение!.. Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? На чем основано?». Не этот ли трактат вдохновил Никиту Михалкова на его слова о высшей правоте власти?

«Как прослойка», используем ленинский термин, между правящим классом и остальным населением интеллигенция может поддерживать интересы и тех и других. Небольшая ее часть находится на содержании правящего класса либо пользуется подачками власти, обеспечивающей ей определенные привилегии, большая — зарабатывает себе на жизнь нелегким трудом и поэтому объективно разделяет интересы трудового населения, выступает в его защиту против власти, хотя при этом всегда готова переметнуться туда, где больше платят. Эта двойственность, так или иначе, приводит интеллигенцию к предательству либо тех, либо других. Классический тому пример — роль интеллигенции, прежде всего творческой, в укреплении советской власти, а затем в развале Советского Союза и далее в поддержке Ельцина и Путина. Трансформация поддерживающих власть и противостоящих власти не затронула только патриотическую интеллигенцию. Они не запятали себя ни лизоблюдством и угодничеством партийным боссам, ни предательством. Лучшие ее представители как до 1917 года, так и после выступали, даже в эмиграции, с позиций защиты интересов России как общей исторической Родины, а не с позиций симпатий или антипатий к той или иной власти и ее идеологической ориентации. Диссидентствующая интеллигенция, которая прислуживала власти, но держала фигу в кармане во все времена, шла не раз, исходя из собственных шкурных интересов, по пути предательства не только подкармливавшей ее власти, но и национальных интересов России.

Наиболее ярко это проявилось с началом перестройки в СССР, после прихода к власти Михаила Горбачева, который, по его собственному признанию, прозвучавшему в его выступлении в израильском кнессете, едва ли не с детских лет готовился к тому, чтобы развалить Советский Союз и покончить с коммунизмом, и именно для этого пробирался к руководству КПСС. Почувяв «родную душу» в этом предателе Советской Родины, записные проповедники «советского патриотизма», годами скрывавшие свое настоящее обличье, как по команде, вывернули мундиры наизнанку и из красных превратились в черных, как сажа. Так, одним из самых оголтелых антисоветчиков стал главный редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич, автор столь же подобострастных, сколь и бездарных поэм о Ленине:

*Он рядом с нами —
другом и вождем.
Он учит нас — и учимся прилежно:*

*Так с Лениным
Мы к Ленину идем.
И в этом — наша сила и надежда...*

Коротич — классический Иуда периода перестройки, печатавший из номера в номер свои «разоблачения» Ленина, Сталина, героев Гражданской и Отечественной войн, да и всей советской власти, при которой он и сделал свою карьеру и немалые деньги. Конечно, он не решился бы на подобную мерзость никогда, если бы его не поощрял всячески Иуда рангом выше — шеф Агитпропа и член Политбюро социал-предатель А.Н. Яковлев. Покровители Коротича в США еще до развала СССР оценили его предательские услуги, как когда-то литовский князь отблагодарил Курбского. Ему вручили премию Вейнталья (1987, Вашингтон, округ Колумбия, Джорджтаунский университет), а американский журнал *World Press Review* присвоил ему звание «Зарубежный редактор года» за 1988 год. В США, куда он эмигрировал в 1991 году, его обеспечили всем, что положено предателям высокого ранга. Заодно он воспользовался и деньгами родной «незалежной», где стал издавать свой русофобский журнал. После развала СССР многие коллеги Коротича пошли в услужение к социал-предателю Ельцину.

Была и есть другая русская интеллигенция. Расстрел Белого дома единодушно осудила Русская партия — те писатели, ученые и политики России, которые последовательно выступали с позиций русского патриотизма еще в советские времена. В наше время число ее последователей выросло значительно.

Но вот что интересно. Вскоре после того, как Ельцин ввел в России танковую демократию, самые известные советские диссиденты, обосновавшиеся во Франции и Германии: Владимир Максимов — главный редактор эмигрантского журнала «Континент», философ, социолог и писатель Александр Зиновьев, Андрей Синявский и его жена Мария Розанова, диссидент-марксист Абовин-Егидес и писатель Эдуард Лимонов, выступили не только с осуждением этого варварства, но и заклеили позором своих прежних единомышленников, поддержавших Ельцина в письме 42-х «интеллектуалов» на его имя, подписанном в том числе Булатом Окуджавой, Беллой Ахмадуллиной и др., в котором те буквально умоляли жестоко покарать защитников Дома Советов. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что после этого их диссидентского демарша уже в постсоветской России они все стали авторами «Правды», где я регулярно публиковал мои с ними ин-

тервью из Франции, а Максимов выступал со своими статьями, обличая ельцинских временщиков. Произошло то же самое, что на вечеру у Зинаиды Гиппиус в ее «Зеленой лампе» в Париже в 1927 году. Встав перед судьбоносным выбором «С кем вы?», они выбрали Россию.

Культурная революция, совершённая в России большевиками, показала, что в этом своем качестве интеллигенция может быть в высшей степени полезной для государства. А может быть и смертельно опасной. В ходе перестройки при Горбачеве антикоммунистически настроенные агенты влияния оказали на наше общество эффект всепроникающего метастаза, погубившего в конечном итоге советское государство. Конечно, такой горький исторический опыт, трагедия русского народа, потерявшего 25 млн. этнических русских, вычеркнутых в одну ночь из числа граждан России, заставляют с особой осторожностью относиться к диссидентству и его покровителям на Западе и сегодня. Обжегшись на молоке, дуют на воду. Во многом поэтому меры Путина по предотвращению экспорта в Россию «цветных революций» оправданы. Но где проходит грань между митингами несистемной оппозиции на Болотной площади и «болотной революцией» в России, едва не обернувшейся майданом у стен Кремля? Одной предосторожностью тут не обойтись, если не ответить на один вечный вопрос: кто виноват в наших бедах — внешний враг либо мы сами?

На этот вопрос, как ни странно, нет однозначного ответа даже у нынешнего руководства России. Президент В.В. Путин сказал: «Политика сдерживания придумана не вчера. Она проводится в отношении нашей страны многие-многие годы — всегда, можно сказать, десятилетиями, если не столетиями. Словом, всякий раз, когда кто-то считает, что Россия стала слишком сильной, самостоятельной, эти инструменты включаются немедленно» (из послания Федеральному собранию 4 декабря 2014 г.). Однако буквально на следующий день на встрече с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) Путин в ответ на утверждение Эллы Памфиловой, что на Россию оказывается давление «со всех сторон», заявил: «Никто нас не давит, так, пытаются поддавливать. И уж точно совершенно не со всех сторон — у них и руки короткие, чтоб со всех сторон обхватить». А 18 декабря Путин вновь возвращается к теме враждебного окружения и сообщает, что Вашингтон с союзниками пытаются убить русского медведя (подразумевается ядерное оружие России) и сделать из него чучело.

Путин то публично унижает оппозицию, именуя ее участников «бандерлогами», то, наоборот, с ней заигрывает. Пра-

возащитные НКО российские народные избранники единодушно низвели в категорию иностранных агентов, а Путин на упомянутой выше встрече с членами СПЧ признал, что с этим все-таки перегнули палку.

После третьего вступления Путина в должность президента в 2012 г. и особенно после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. диссидентство как старое, так и новое, возродившееся в виде единодушно антипутинской оппозиции, вновь впало в немилость у власть предержащих. На словах власти к оппозиции относятся терпимо, но до определенной черты...

Председатель Госдумы Вячеслав Володин, которого считают идеологом путинизма и главным архитектором его культа личности, очень четко эту черту обозначил. В октябре 2014 года на заседании международного клуба «Валдай» Володин на вопрос о действиях санкций против РФ заявил, что россияне хорошо понимают, что «атаки на Путина — это атаки на Россию», «Нет Путина — нет России сегодня». В расшифровке этот афоризм Володина не нуждается: Путин вне критики, и баста. Говоря об оппозиции, Володин допускает, что она имеет право на существование в сегодняшней России, но хочет, чтобы все несогласные были все-таки «национально ориентированы». Как нам пояснили из Кремля, оппозиционеры не должны ставить под сомнение самостоятельность, суверенитет страны и национальные интересы страны, должны выступать с позиций патриотизма. И с этим нельзя не согласиться.

Дело только в том, как понимать патриотизм. Рядом с моим домом некие оборотистые дельцы, бойко торгующие футболками с изображением Путина, разместили рекламу: «Смени свою футболку на патриотичную». Некоторые кремлевские идеологи из валдайского клуба, к сожалению, рассматривают русский патриотизм примерно в таком же примитивном ключе: «Если ты за Путина, ты патриот. Если ты его критикуешь, то ты агент влияния, национал-предатель и «пятая колонна». А как может быть иначе, если Путин — это Россия?» Короче — меняй футболку.

Несистемная прозападная «болотная оппозиция» — по сути дела, «пятая колонна», постепенно теряет свои прежние позиции. Не имея поддержки в народе, она существует в основном за счет финансирования через различные фонды — вроде фонда сиониста Сороса и связанные с ЦРУ «правозащитные» центры, и в результате вырождается, а ее приверженцы всё больше напоминают змагаров. Это словечко, заимствованное из белорусского языка эквивалентно русскому слову «борец», но в политике так называют профессиональных протестантов сектантского типа, различных мар-

гиналов, участвующих в любых акциях протеста ради протеста. Это наглядно продемонстрировал состоявшийся в Москве 29 февраля сего года «марш Немцова», который, как писала «Экспресс газета», оказался «парадом уродов». «Митинг оппозиции в Москве, — отмечала газета, — это собрание представителей ЛГБТ сообщества (флагов ЛГБТ на митинге было больше, чем всех остальных), активно-пассивных гомиков, педофилов, укронацистов, городских сумасшедших, змагаров и прочих асоциальных элементов. Выяснилось, что у лидеров оппозиции практически нет сторонников, и они вынуждены правдами и неправдами привлекать всякий сброд для создания массовости протеста, приглашая «демонстрантов» из регионов России и даже из стран ближнего зарубежья — Украины и Белоруссии. Оказалось, что микробов в организме страны совсем немного. По крайней мере, гораздо меньше заявленного числа в 30 тысяч».

Возможен ли сегодня диалог гражданского общества с властью, пойдет ли на это несистемная оппозиция либо попытается организовать свой майдан, чтобы захватить власть? Такой поворот событий, как показывают евромайдан и последовавшие за ним события на Украине, был бы чрезвычайно опасным для судеб России, ибо на этот раз западные «благжелатели» не упустили бы шанса разгромить ее окончательно. Пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков в интервью телеканалу «РЕН ТВ» заявил, что в России якобы существует «креативное и свободное общество», а потому «введение единомыслия абсолютно невозможно» и власть в РФ, осознавая это, не собирается «зажимать критику». «Критика была, есть и будет», — сказал Песков, приглашая оппозицию к диалогу. Что ж, посмотрим.

К сожалению, Путина окружают фарисеи и безверные лицемеры. Узок круг его сподвижников, которые пока не смогли показать способности к сплочению нации на базе русского патриотизма в политических сражениях. Они не сложились в ту элиту, которая умеет создавать коллективный надличностный разум, определяющий пути жизни народа и пути к величию нашей Родины. Именно на эту недоэлилу президент опирался до недавнего времени, отталкивая от себя русские патриотические силы в угоду своему прозападному компрадорскому окружению завязтых космополитов, среди которых как раз и базируется та самая «пятая колонна», уже совершившая майданный государственный переворот на Украине.

ФЕРМЕР

ПОВЕСТЬ

Посвящается Валентину Новикову

1

Осенью 1982-го собрался Валентин проведать на Украине одного из своих братьев, Николая, — старшего за ним по годам. Тот уже лет пять как осел в совхозе «Заря коммунизма» под Ворошиловградом, ныне опять Луганском. Это не за горами за долами. Что до Воронежа от их села Парижская Коммуна, что до Луганска — один километраж: примерно две сотни. Для новенькой белоснежной тольяттинской «копейки» Валентина с мотором итальянской сборки это было не расстояние вовсе.

Но ни удочки не взял с собой тогда в поездку Валентин, ни ружьё бельгийское, пятазарядное. Одним словом, явно не отдыхать ехал после бессменной маяты летней страды. Валентин точно сбежал туда: вдруг пошли вразнос их ещё недавно родственные лады с Алексеем Тарасовым, председателем «Родины». Оба они «парижанские», женаты на сёстрах. Оба окончили один сельхозтехникум, Берёзовский, правда, с разницей в десять лет.

Валентин после восьмилетки не смог учиться дальше, хотя и обна-

ПРОЗА

руживал при хорошем поведении отличные знания по всем предметам. Судьба так определила, что ему и этих знаний достаточно, а есть для него дело поважней — стать старшим в семье и поднимать на ноги четверых братьев да двух сестёр. Отец, Семён Ильич, в свои двадцать два года вернулся с войны тяжелораненый, «раскуроченный», как он себя называл, имея в виду фронтową потерю ноги и руки. Болел батя, не работал, но, правда, сделал Богу, царю и себе семерых детей, прежде чем умереть, да оставил в наследство корявую избу под крышей из гнилой соломы и трофейный немецкий мотоцикл «Сахара». Мать, Мария Ивановна, одна не сладила бы с таким отрядом детишек на трудодни свекловичницы. Отец тогда уже не вставал. Порой просто нечего было есть. Так что свидетельство Валентина об окончании восьмилетки с ярко-красным гербом РСФСР мать со слезами бережно повесила в рамке под стеклом в горнице — на бревенчатой стене слева от иконостаса. На том учёба его и остановилась тогда...

Ещё в восьмом классе, в последней четверти, на излёте зимы, подался Валентин на механизаторский всеобуч: к ним в Парижскую Коммуну приезжали преподаватели СПТУ из райцентра. Трактористов в колхозе «Родина» не хватало. К концу весны он сдал экзамен на механизатора, а летом его забрали в тракторный отряд прицепщиком. С первых дней пацан среди мужиков не потерялся: сказалась твёрдая отцовская трудовая закалка. Ибо первая заповедь Семёна Ильича была такой: «Крестьянин — от слова «крест». И нести нам его через всю жизнь. А с ним на спине не забалуешь!»

Первое время отец, пока и вторая нога у него не отгнила по пах, кое-как управлялся в страду на комбайне, — Валентин на подхвате всегда подле был. До сих пор свято чтит он эти свои полевые университеты. Когда и ныне, по какому-то случаю придётся вдруг вспомнить Корнилову то время, так он тотчас судорожно вздохнёт, руки на затылок замком резко кинет. Помощником на тогдашнем комбайне СК-4 не так-то просто было работать. Во-первых, надо раньше отца прийти, чтобы агрегат прошпринцевать вручную. Во-вторых, ещё и заправить ручным насосом двести литров солярки. А какво закачать такой объём пацану в тринадцать лет?! А все удобства комбайна — зонтик над головой от дождя и солнца да металлический ящик вместо сиденья, которым почти никогда не пользовались: управляли техникой, стоя на мостике. По-капитански! Отец в работе всегда был очень строг. Отец есть отец. Он и спросит, он и пожалеет.

К осени Валентину дали раздолбанный гусеничный ДТ-54 ещё послевоенной сборки, но — Сталинградский! Из тех

краев, где отца раскурочила фашистская мина. А тут ещё прочитал он очерк в газете «Правда» про знаменитого кубанского механизатора Героя Соцтруда Владимира Первицкого. «Притяженье земли». И по школьной привычке химическим карандашом, старательно слюнявя, выписал из него самые важные строки в особой важности тетрадку с ярко-синей клеёнчатой обложкой, украшенной гербом СССР — таким любимым, праздничным и добрым.

Одним словом, вот тогда и включилась в Вальке на полную мощность родовая корниловская суть. И он, шестнадцатилетний пацан, с напарником тех же годков, ни много ни мало, записались в последователи Первицкого — решили выращивать кукурузу его новаторским методом!

А через пару лет повзрослевшие мальчишки первый раз увидели большой город — их привезли в Воронеж на слёт передовых механизаторов, наградили в музыкальном театре Почётными грамотами и гордым званием «Ударников коммунистического труда». Как-никак парни вырастили по 50 с лишним рекордных центнеров с гектара хрущёвской «царицы полей».

Осенью 65-го Валю провожали в армию всем селом с почестями героя. Служил водителем в Москве. В особого назначения мотострелковой дивизии Держинского МВД СССР. Краснознамённой, элитной. А когда вернулся сержант Корнилов весной через три года, — так сразу отца похоронил. При нём Семён Ильич десять дней только пожил. И за это время ни слова не сказал сыну — сил не было. Лишь растерянно улыбнулся в самый последний момент у него на руках.

Нехороший запах гангрены надолго остался в избе. По крайней мере, Валентин, пока её не снесли, всегда его чувствовал: чёрный, жирный и какой-то злобный.

— Вот тогда, после смерти бати, и свалилась на мои плечи вся семья... — стеснённо проговорил он.

Четыре брата: каждый через год, начиная с 51-го, когда отец чуток оклемался от ран на какое-то время: Николай, Алексей, Юрка и младший, восьмилеток, Никита, в честь тогдашнего руководителя страны Никиты Сергеевича Хрущёва, гордо объявившего, что это поколение советских людей будет жить при коммунизме, «за работу, товарищи!» За парнями следом прибыли в этот мир сестрицы Анна и Нина. Кстати, Нину родители тоже хотели назвать, как и его, Валентиной. Но только в честь первой женщины-космонавта Терешковой. Валентин и Валентина.

Как-то в середине лета вызвал демобилизованного Корнилова новый председатель колхоза «Родина» Алексей Кириллович Тарасов, ещё недавно первый секретарь райкома комсомола. Партия взяла его на заметку как перспективный номенклатурный кадр и приступила к обкатке в сферах власти. Руководить — не рукой водить. Тут и внешний вид многое значит. А в этом плане Алексей Кириллович был весьма природой предназначен для элитных должностей: роста сугубо статного, чуть ли не величественного, но, при всём при том, весь из себя резвый, и с глазом бдительно зорким, прирождённо начальственным оком.

— Пойдёшь, Валя, ко мне личным водителем? — голосом будущего партийно-хозяйственного небожителя предложил Корнилову Алексей Кириллович.

— Пойду... — взволнованно вздохнул Валентин. — А ездить на чём будем?

— На «газике».

— Шестьдесят седьмом?

— На «козле» пусть парторг ездит. Мне из области вчера пригнали новенький шестьдесят девятый.

— Армейский?!

— Точно, Валя.

— Так я уже видел его! Только подумал, что это какой-нибудь высокий начальник из области промчался по нашей Парижской Коммуне. Машина — ух! Привод полный? Четыре на четыре?

— А то! И зарплатой не обижу. Знаю, ты теперь старший мужик в семье. Первый кормилец. Тянешь на себе целую ораву мал мала меньше. Не обижу.

Валентин благодарно вздохнул. Слово «зарплата» тогда на селе было ещё непривычным, точно из области иной, недостижимо счастливой жизни.

— А если паспорт мне для чего потребуется, выдадите? — вдруг смело сказал Валентин, так как этот документ на руки колхозникам просто так не отдавали из строго назначенного ему места хранения — сейф председателя.

— Договоримся. Только работай хорошо. Как и служил!

Валентин хватко взял под козырёк. Пружинистая ладонь чуть ли не присвистнула в воздухе.

Быть личным водителем председателя колхоза — это особое дело со всеми вытекающими разными обстоятельствами. Валентин в них вписался. Армейская закалка помогла. Как-никак служил он в Москве в полку оперативного назначения. Окончил курсы сержантского состава. А держать

язык за зубами их с первых салабонных дней отцы-командиры научили. Одним словом, молодой председатель Тарасов с таким водителем мог при необходимости позволить себе надрататься в хлам и быть сокрыто доставленным и переданным на попечение разъярённой супруге Виктории; мог без страха и упрёка навещать «полюбовниц» как в своей Парижской Коммуне, так и в райцентре, а позже и в самом Воронеже, где обрёл себе особой стати пассиву из балетных солисток музыкального театра — Ангелину Юрьеву.

Однажды через свою машину Корнилов едва не устроил настоящие «кулачки» с главным инженером Мишкой Селивановым на майском полевом стане. Тот без всякой задней мысли принародно, при обществе рассеявшихся пообедавший на апрельской младенческой травке механизаторов, назвал «бобик» Валентина «козлом».

3

Как-то на склоне лета Валентин в очередной раз поджигал «хозяина» у райкома партии возле белоснежного гипсового Ильича. Тот, словно уличный гаишник-регулировщик, на историческом перекрёстке указывал всем проезд и проход в светлое коммунистическое будущее с золотыми уни-тазами.

В это время в кабину его «газона» с подскока ловко вписался однорукий Кравченко, Сергей Васильевич, секретарь парткома «Родины»: ещё не старый дядька лет сорока. Свежевыбрит до блеска с розоватым оттенком, «шибает» от него только что принятыми на грудь классическими ста граммами водки и, более того, — одеколоном дерзко зелёного цвета с приклатнённо шипящим названием «Шипр», которым его голову только что с помощью груши щедро «полили» в районной парикмахерской.

В общем, подсел Сергей Васильевич возле Корнилова и молчит, положив на колени свою единственную, выдавшую виды, мужицкую руку, левую, а другую ему в сорок шестом голодном на поле, когда он с дружкой Коляном на свой страх и риск по сумеркам колоски собирал пшеничные, — немецкая мина-лягушка с корнем вырвала.

— Учиться бы тебе надо дальше... — душевно глянул в глаза председательского шофёра Сергей Васильевич, хмыкнул и начал обшлёпывать себя в поисках пачки «Беломора».

Наконец нашёл, зарядил рот папиросиной, но курить не стал. Так и продержал в руках зажжённую спичку, медленно её проворачивая, чтобы вся ровно обгорела в аккуратном, ласковом пламени.

— Как тебе с Тарасовым?.. — сказал Кравченко, давая понять своей товарищеской интонацией, что он ждёт от Валентина не исповедь или донос на начальство, а как бы сделал зачин для толкового разговора за жизнь.

— Бывает хуже... — усмехнулся Валентин. — Если прямо: буду жалеть, если заберут моего Кириллыча наверх. А вместо него придёт какой-нибудь хмырь.

— Вроде меня? — прищурился Кравченко.

— Ну что вы, Сергей Васильевич... — уважительно, умно вздохнул Корнилов.

— Ладно, парень, я о другом хотел с тобой потолковать... — сосредоточенно прищурился партсекретарь. — Боюсь вот чего... Голова у тебя ещё свежая, не спился, не успел. А в колхозе одна забава — самогон да драка. Вот и всё наше сельское развлечение. Но ты в этом ещё не увяз по полной. Только боюсь, достаточно скоро и ты сойдёшь с рельсов.

— Где наша не пропадала... — себе на уме хмыкнул Валентин.

— Одним словом, учиться тебе надо! Скажем, в Берёзовском сельскохозяйственном техникуме. Очень приличное учебное заведение. Агрономом станешь или ветеринаром!

Валентин машинально оглядел свои руки, словно оценивал, на что они годны.

— И попрёшь на всех парах вперёд и выше! — объявил Кравченко. — В партию вступишь. Далее институт осилишь.

— Семья на мне, Сергей Васильевич! — строго отозвался Валентин. — Шестеро спиногрызов. Мал мала меньше. Я им за отца.

— Так мать же ещё жива, слава Богу..

— Куда ей одной?!

— Ты раньше деньги часто видел? — искоса поглядел на него Кравченко.

— Иногда, в кино...

— А теперь у тебя самого в руках имеется утверждённая государством законная ежемесячная заработная плата! — с партийной гордостью пафосно проговорил Сергей Васильевич. — Шестьдесят рублей?

— Семьдесят три!.. — улыбнулся Валентин.

— Вот! Вот и будешь семье деньгами помогать! Я добьюсь, колхоз их тебе оставит на время учёбы. Плюс в техникуме стипендию положат. И весьма неплохую. Это точно! Сорок пять целковых. Если выбьешься в отличники.

— Если надо, выбьюсь, Сергей Васильевич!.. — построжел Корнилов.

— Молодцом! Вот так, значит, товарищ Валя. Коммунистическая партия идёт навстречу чаяниям трудового крестья-

янского класса. Потому что она сама — плоть от плоти народной.

Валентин деловито улыбнулся, словно вдруг заглянул на миг в свою новую большую светлую жизнь.

— Алексей Кириллович не отпустит... — вдруг сказал он тихо, почти обречённо.

— Этот вопрос я беру на себя. Партии нужны достойные молодые кадры. Не дрейфь... Дай пять! Улыбка шесть на девять! — он влепил своей единственной ладонью в подставленную встречно ладонь Валентина с такой хлёткостью, что и особая армейская подготовка не помогла тому удержаться: Корнилов отлетел на спинку кресла.

— Сила силу ломит... — мальчишески засмеялся Сергей Васильевич. — В общем, прямо сегодня к вечеру выбери момент и подступи к Кириллычу: отпуская, мол, меня на вольные хлеба учиться, и всё тут. Без дураков. Хотя погоди. Давай лучше ты завтра возьмёшь его на абордаж. А я с ним сегодня сам неназойливо проведу подготовительную беседу. С точки зрения партийного видения жизни. И помни, Валька, мы рождены, чтоб сказку сделать былью. А построение в нашей стране светлого коммунистического завтра ещё никто не отменил. И не посмеет!

Прищурился бедово:

— Хотя и скинули заразу Хруща, но мы все как один под знаменем марксизма-ленинизма продолжаем бодро шагать стройными плотными рядами навстречу заре коммунизма... И всё шагаем, шагаем... Уже подмётки стёрлись...

Ночь не спал Валентин: на крыльце с матерью просидели рядком, молча. Да что там: они оба ни разу не пошевелились. Лишь под утро, когда вызрела вокруг такая ядрёная роса, что хоть пей её с листа, Мария Ивановна сходила в дом за старым шерстяным одеялом. Валентину показалось, что оно пахнет его детством. Это был унылый запах бедности.

Предраассветное небо закупорила сплошная мрачная туча: такая чёрная, что это даже нельзя было назвать цветом. Точно раззявилась гигантская безбрежная дыра в никуда. И в ней понизу медленно нагушался сине-розовый свет подхлотившего, подпиравшего из глубины Солнца. Но осилит ли оно грузную тучу?

— Ехай, сынок. Сдюжим... — вдруг сказала матушка, шепотком.

В тот же день Алексей Кириллович безо всякого подмахнул заявление своего водителя и широким жестом протянул ему заранее приготовленный заветный паспорт.

— С этой минуты ты, Валентин Семёнович, полноценный гражданин СССР! Без бумажки — я букашка, а с бумажкой — человек. Не помнишь, чьи это слова? Кажется, Маяковский? Есенин вряд ли...

— Не помню, Алексей Кириллович... — мучительно-виновато проговорил Корнилов с такой вдруг внезапной отчуждённостью, словно его уже здесь не было.

— Вперёд, заре навстречу... Через три года жду тебя назад! — прощаясь, напомнил председатель. — И не забывай, что мне нужны сейчас в первую очередь знающие ветеринары. Животноводство в стране на глазах разваливается...

Выйдя в коридор, Валентин вдруг пустился вприсядку, ловко топоча каблуками по гуляющим доскам, и яростно нахлестывая руками голенища шегольски сияющих, надраенных гуталином, офицерских парадно-выходных хромовых сапог.

В коридоре правления с утра было полно народу, явившегося за разнарядкой: не сговариваясь, все принялись подбадривать Валентина аплодисментами, как говорится, не жалея ладоней. А соседская Люся, его одноклассница, секретарь правления и младшая сестра жены Тарасова Виктории, вдруг выскочила перед ним наперёд и закружилась, брызгая озорной дробью каблучков.

4

Вот на этой плясунье Люсе и женился через три года в семьдесят третьем Валентин Корнилов, окончив на отлично ветфак Берёзовского сельскохозяйственного техникума. Правда, там, ещё до первой сессии, он было запал на однокурсницу из Козловки — соседнего с их Парижской Коммуной большого села, когда-то волостного центра. Да что-то не заладилось. Или за усердной учебной упустили они свои чувства? Правда, мать Валентина такому их охлаждению только рада оказалась. Тех, кто жил в Парижской Коммуне, козловцы называли «москалями», а «парижане» козловцев — «хохлами». Так вот Мария Ивановна ещё девчонкой туда к ним в среднюю школу ходила, а тамошние мальчишки за то, что она не умела и не хотела на их языке балакать, косы её в разные стороны тянули и заставляли повторять за ними: «Та чего тебе треба? А шо ты собэраеся робыть? Иды корову выгонэ. Он пастух батогом уже хлыще». И вообще если кто из «парижан» женился на девушке из Козловки, то такую семью у них называли «перевёртнями», и такие семьи были исключением.

Кстати, за всё время учёбы в Берёзовском техникуме у Корнилова по всем предметам ни одной «четвёрки» не было:

настырно, дерзко учился, лучше всех — с отрывом! Из библиотеки не вылезал. Ни разу в кино не ходил. Преподаватели на него нарадоваться не могли, а он, со своей стороны, восхищённо заглядывал им в рот, ловя каждое зёрнышко новых знаний. Ему так нравилось учиться, что когда их возили в Воронеж укреплять знания по экономике и ветеринарии в тамошнем СХИ, он в свободное время по собственной инициативе посещал вовсе не обязательные для него лекции по сельхозмашинам и механизмам, а также экономике, философии и истории. Учился он по решению общего собрания колхоза «Родина» с сохранением зарплаты. Итак, это 73 целковых. Для сельских условий со своим огородом вполне неплохая сумма, если учесть, что городской инженер тогда в общей массовости 100 рубликов получал, редко более. Итак, 73 водительские, да к ним 45 — стипендия отличника: итого немалые по тем временам 128 чистыми, — так как с Валентиной, как учащегося, никакие налоги не взимались. Нормально, в общем, вышло. Жить можно. Итого. А чтобы ещё и матери помогать, подрабатывал Валентин упёрто: в гараже техникума стояли четыре грузовика и на них никто практически не ездил — шофера здесь быстро увольнялись, потому что зарплата небольшая. Так вот выбрал Валентин себе грузовик любимой марки, с круглой крышей кабины — ГАЗ-51, и на нём с негласного разрешения директора привозил преподавателям и прочим сотрудникам за сходную плату то уголь, то дрова или сено. А когда вскоре стал он ко всему внештатным инспектором ГАИ, так ему и вовсе разные всякие пути-дороги нараспашку открылись в полной доступности дополнительного приработка. Так что Корниловы и без Валентина ни дня не голодали, матушка Мария Ивановна ни разу не плакала над безотцовщиной — одним словом, злым языкам не к чему было придаться.

«Всё у нас как у людей! — приезжая на каникулы домой и от порога придиричиво оглядевшись в избе, каждый раз гордо объявлял Валентин. — Хотя надо бы телевизор прикупить! И хорошей марки. Не какой-нибудь КВН, а тот же «Рекорд». Наш, воронежский. Такой в техникуме у директора в кабинете стоит. Изображение — класс!»

Через три года вернулся Валентин в колхоз «Родина» молодым специалистом с «красным» дипломом: с виду — точно областной проверяющий прибыл с проверкой. Костюм кофейный югославский, английский дипломат с секретными золотистыми замочками и модные с чёрно-белыми острыми носками туфли. Шёл от автобусной остановки под руку с Люсей, уже законной женой. Шагом степенным, деловым,

каким только и идут в светлое будущее. Всем бабам запомнилось тогдашнее Люсино американское длинное платье с чёрным бархатным лифом. Чуть ли не всё село сбежалось на эту молодую пару посмотреть: так хороша была она, будто это здесь и сейчас какое-то интересное кино снимали про образцовую советскую семью. Того и гляди, что из правления выйдет с букетом для молодых сам знаменитый Михаил Ульянов или Николай Рыбников.

Накануне свадьбы Мария Ивановна робко предложила Вале и Люсеньке венчаться, но молодые её как не слышали. Попробовала настоять — отмахнулись. Когда стала на колени с этой просьбой — расхохотались. Такое веселье устроилось враз, что Ниночка, самая младшенькая, уписалась. Однако это всех ещё больше позабавило.

— Религия, мамочка, — с ласковой внушительностью заговорил Валентин, — нужна несчастным, забитым людям. Кому бедность душу выела. Ибо религия есть опиум для народа. Мы же, советское общество, — передовая, великая формация счастливых граждан. Космос — наш, атом — наш. Мир во всём мире СССР отстоит, ни перед какой капиталистической гнидой не дрогнет. А ты — венчаться... Прости, мама... Да и замок на твоей церкви висит ржавый. Потом же входить в неё страшно. Когда её построили? При царе Горохе три века назад? Вся покосилась. Того и гляди купол на головы прихожанам сядет. Я видел, что поп ваш, как ему туда входить, так крестится у ворот раз за разом. И все ваши богомольные старухи точно так же. От страха!

— Это, миленький, так полагается, чтобы у врат храмовых осенить себя крестным знаменем... — вздохнула Мария Ивановна. — А церковка у нас славная, во имя Михаила Архангела, тёплая, с живым колоколом. Уважьте старуху, бестолочи. И отец ваш порадуетса там... Я вчера его во сне видела. Такой молоденький! И почему-то в ярком таком белом костюме, какого у него отродясь не было... И все руки-ноги на месте. Перекрестил меня...

И поплёлса Валентин с просьбой о венчании «до батюшки».

Гуляли три дня, во дворе, на свежем воздухе; когда настраивался дождь, натягивали брезент и санные кожухи. Не приглашённые «парижане», навалившись на изгородь вокруг двора Корниловых, внимательно обзревали свадьбу и обсуждали самые заметные личности. Им время от времени подносили выпить и закусить. Пели гости и зрители все вместе, но врзлёт.

Заглавный тост председателя обе стороны встретили хлёткими аплодисментами:

— В знаменательное время связали свои судьбы наши дорогие Валентин и Люся. Семимильными шагами создается развитый социализм! Американские империалисты с позором изгнаны из братского Вьетнама. Наш «Луноход» первым в мире прокладывает пути-дороги по полям космической соседки! Первую пахоту там начал! И на Марсе будут яблони цвести... А вчера наш горячо любимый Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев на встрече с американским президентом торжественно заявил, что холодная война между нашими странами закончена победой мирных чаяний и надежд! Русского счастья молодым! По-нашему говоря, мир вам да любовь! И детишек куча!

Валентин при этих словах умно, сдержанно вздохнул.

— Когда космические лучи бороздят бесконечные просторы галактической Вселенной!.. — следом начал свой тост Валентинов тесть Фёдор Илларионович Лымарь, главный экономист колхоза, но так-таки не договорил. Эти слова ему очень нравились сами по себе. Было в них что-то по-особенному величественное, масштабное. А что говорить дальше, он не знал. Фёдор Илларионович видел мир в цифрах.

— Танцуют все! — чтобы выручить запнувшегося мужа, зычно, точно в рупор, объявила его голосистая супруга Ираида Валерьевна, заведующая клубом, — полнолицая бывшая красавица с большими чувственно дерзкими глазами. После танца с молодым зятем она так впечатляюще поцеловала Валентина, что все вокруг закричали что-то типа «Ну, деревня! Ну, даёт!» На что Ираида Валерьевна негромко, но внятно ответила: «Ещё не дала...» И по-цыгански, на всякий случай, упреждающе вмазала ласковый подзатыльник Фёдору Илларионовичу. Как лекарство от возможной ревности.

Через день Тарасов завёл новоиспечённого свояка к себе в кабинет, заговорил степенно, снисходительно:

— Свезло тебе, парень... Я принял решение не муржить тебя и назначить сразу главным зоотехником, — он начальнически улыбнулся, но как-то одними губами, а вот глаза его в этой весёлости почему-то не участвовали. Как бы тем самым давая понять Валентину, что их прежних отношений преданного водителя и снисходительного шефа отныне близко не будет; всё, что между ними когда-то установилось, быльём поросло, а новое неизвестно как сложится и каким боком Валентину выйдет в итоге.

Корнилов сходу, деловито усвоил новый тон.

— Давайте, Алексей Кириллович, сразу объяснимся. Главный зоотехник — это не подарок. Это, как вы хорошо знаете, очень сложная и тяжёлая работа. Известная каторга....

Из руководящего состава — самая тягостная обуза. Каждый день в три часа вставать и в полночь ложиться. А работать с бабами: злыми, вечно недовольными, потому что жизнь у них такая...

— Выбора у тебя нет... — строго вздохнул председатель.

— Дайте хоть малость оглядеться, обжиться. Ещё свадьба в ушах гудит...

— Ладно. Через неделю приступай. И всё. Баста. Меня за животноводство каждый день в райкоме к стенке ставят. А Корниловы, я знаю, не отступают и не сдаются. На тебя вся надежда. Если припрёт — поможем. Что мы, не люди?

Корнилов первый раз посмотрел на председателя как равный на равного.

Неделю Корнилов дома не высидел. Уже на третий день в начале четвёртого ночи завёл отцовский мотоцикл с коляской и покатил на ферму, судорожно рыская по разбитой колее. Когда в очередной раз влетал в лужу, получал в «физию» ощутимые густые липкие плевки. Но завязнуть на таком девятискоростном бугае, способном по бездорожью волочить противотанковую пушку, было невозможно: машина агрессивно, нахраписто «пёрла» без пробуксовки через любую хлябь. Трофейная техника, вермахтовская. Лет через пять после войны мужики случайно нашли её в здешних болотах. Назывался немецкий мотоцикл странно — «Сахара». В топь его забросила мина, заложенная партизанами на лесной тропе. Раздолбанный механизм никто не смог восстановить, хотя с азартом брались многие. Дураков среди них не было. Сам тогдашний главный инженер Голощёков месяц ходил вокруг мотоцикла кругами, но в итоге смущённо отступил. А Семён Ильич, «обрубок», справился. Машина через месяц рванула у него по просёлку, как наскипидаренная. Одним словом, зверь настоящий в ней объявился. Перемогая болячки, Корнилов-старший умудрялся-таки иногда на нём ездить, костылём переключая скорости.

У тучной, словно налитой, деревенской темноты был за околицей свой, особый мрачный запах — свежесрытой чернозёмной ямы. Сегодня ни зёрнышка звёздного, ни лунного серпика — мгла кромешная, непоколебимая. Хотя в ней, если присмотреться, то там, то там ощущалось некое потаённое движение: ещё более темными пятнами в ночи обнаруживали себя как в ступоре бредущие на утреннюю дойку бабы. С головой закутанные, чем придется, от волглого едкого холода. Словно оглохшие, хронически не выспавшиеся, они как не слышали дикий рык мотора «Сахары» во все его резвые, бойцовские тридцать лошадиных сил; и некоторые из

этих ночных чёрных привидений едва не попали тогда под колеса трофейного мотоцикла нового главного зоотехника — пьяно, тупо шаркались в сторону. Но ни одна не взвизгнула: мочи не было. И с шагу не сбивались, поспешая: на ферме животину надо вовремя накормить, почистить, напоить, если заболела — лечить без промедления. А за спиной, дома, неуёмная детвора, требовательный хорохористый муж, хорошо ещё, если не вдрызг пьяный.

Для Валентина Семёновича не было секретом: на ферму тогда многие шли как в ссылку. Редко кто хотел взяться сам по собственному желанию доить коров да ещё вручную, не менее двадцати голов, — три раза в день. В жуткой грязи и неприспособленных помещениях. Ферма как отстойник кадров считалась. В основном здесь оказывались те, кого с хорошего места турнули за злостную пьянку или хуже того, воровство колхозного добра. Редко попадали на ферму нормальные люди: разве только от крайней нужды или рассорившись вдрызг с начальством, — вот они и становились тут передовыми доярками, скотниками, короче говоря, ударниками социалистического и коммунистического труда.

Со слезой оглядел Валентин Семёнович в тусклом свете фермы своих первых в его жизни подчинённых. Бабы в основном. Шурились они на него кто равнодушно, кто с ехидством, но некоторые с интересной женской мыслишкой насчёт того самого, но никто не глядел с надеждой или, чего уж там, радостью...

Напрягся сурово молодой главный зоотехник: «Что они сейчас, горемыки, думают обо мне?.. И думают ли вообще?.. Кажется, им не до этого»...

— Здравствуйте, товарищи... — тихо, как-то смущённо проговорил Валентин Семёнович. — Доброе утро, бабы... Мужикам особо — физкульт-привет...

Никто не отозвался: сидят в полумраке на корточках да кирпичках, не шелохнувшись, — доярки — замотанные, на кикимор похожие, а скотники — так те, чертяки, явно с тяжёлого похмела, как пришибленные.

«Как же у нас похабно относятся к людям!.. — отчаянно подумал Корнилов. — Ни в грош никого не ставят. Превратили людей в скотину. А ещё какой-то там, нафиг, развитой социализм строим...»

Пошли стадо смотреть. Проходя впотьмах мимо линии коров, Валентин Семёнович неловко поскользнулся: взмахнул руками и плюхнулся на сочную, ещё тёплую лепёшку. Никто не отреагировал. Здешние коровы утонули по уши в дерьме.

Как бы там ни было, животные в итоге ему понравились: «симменталы» и красно-пёстрые плюс племенные. То, что надо. Самые оптимальные породы для молочного направления. А что вид у них такой загаженный, так это дело поправимое.

Обошли дойных коров, посмотрели молодняк. Тут Валентин Семёнович ненадолго задержался: полюбоваться, как их, месячных, доярки нежно отпаивают молоком. Старательно это делали бабы: замученные, заезженные, а всё-таки уважение к скотине не потеряли...

«Талант не пропьёшь!» — печально улыбнулся он. Зачем-то спросил и без того ему известное:

— Дойка трёхразовая?

— Конечно, Валентин Семёнович... — смутилась бригадирша. — Как у всех: первая — в пять утра, потом в полдень и шестичасовая вечерняя.

— На работу сами добираются?

— Вы же, наверное, видели по дороге... По буеракам. Как в атаку на врага при штурме Перекопа...

— Видел!.. — судорожно отозвался Корнилов, вдруг вновь почувствовав запоздалый стыд от того, как он между бредущих во тьме баб резво, настырно пробивался через бездорожье навстречу своей новой жизни на не знающем износу вермахтовском мотоцикле, на бессмертной «Сахаре».

В общем, за первые два года перевёл он все фермы на механизированное доение; реконструировали навозоудаление. Когда Корнилов пришёл на должность главного зоотехника, в колхозе «Родина» числилось 1200 голов; через 5 лет стало 3000 дойного стада. Когда принимал это хозяйство, 50 отёлов выходило на 100 коров, из них половина погибала. Такие были условия содержания. Вернее, их не было вовсе. И эту практику Корнилов изжил. В общем, без выходных и отпусков крушил-брушил он. Чисто трактор. Первым шёл во всяком деле. С наскоку. Как в рукопашную.

5

А когда всё более-менее отладили, Корнилов свалился. Перенапряжение, самый настоящий нервный срыв. В конце олимпийского лета одна тысяча девятьсот восьмидесятого.

В областную больницу Валентина Семёновича привезли третьего августа. Диагноз написали обширный, на целый лист: астенический невроз, гипертонический криз, тахикардия, а ещё отсутствие аппетита на фоне злостной диареи.

Принимал Корнилова молодой, очень толстый весёлый врач. Он, как Юлий Цезарь, одновременно делал три дела:

заполнял документы, пил глотками из горылышка подаренный кубинский ром «Гавана Клуб» (в связи с Олимпиадой в свободной продаже ненадолго появился и такой дефицит) и вдохновенно отвечал на телефонные звонки: его приятели наперебой взволнованно звонили ему по поводу НЛО, будто бы только что приземлившегося в парке «Южном» на левом берегу Воронежа.

— Может, это Олимпийский Мишка сюда долетел?.. — тоненько, мальчишески всхохатывал доктор по ходу разговора. Точнее, трёпа.

«Какая глупость... Какие, к лешему, инопланетяне?! — дерзко думал Корнилов. — Кому мы можем во Вселенной быть интересны? С нашими бесконечными войнами, с нашей неистребимой борьбой за власть? Эх, дорогой Леонид Ильич! Целовальщик ты наш знатный! А только ведомо тебе, что люди, скрежеща зубами, ездят в Москву под большие праздники за более-менее нормальной колбасой и апельсинами?..»

— Слушай, я сегодня купил в «Утюжке» самое настоящее «Malboro»! — продолжал перекрикиваться с очередным телефонным собеседником дежурный врач. — А ещё мне пообещали кроссовки «Адидас»! Кстати, ты слышал такой новый московский прикол? «Тот, кто носит «Адидас», завтра Родину продаст»?!

«Вас бы ко мне на ферму вместе с вашими инопланетянами и адидасами хвосты коровам крутить...» — судорожно вздохнул Корнилов, тревожно глядя в потолок, словно смотреть вокруг уже совсем мочи не было.

— Вам плохо?.. — смутился доктор.

— Прекрасное далёко... не будь ко мне жестоко... Кажется, песня такая есть? Вот и допелись, мать-перемать! В этом году мы должны были построить коммунизм... — побагровел Валентин Семёнович. — А нам вместо него клоунаду второсортную подсунули.

Корнилов внезапно заплакал.

Именно с этой минуты ему стало день ото дня легче.

Первый раз Валентин Семёнович вышел на улицу лишь в конце октября. Дойти до правления. Осеннее солнце дерзко высверкивало отовсюду. Даже с накатанной грунтовки блескуче сияло. В общем, куда ни повернёшь голову, так оно тотчас на тебя дерзко пыхнет.

Когда Корнилов шёл по коридору правления и когда поднимался на второй этаж к председателю, все смотрели на него, как на какого-то незнакомого человека, неизвестно откуда тут взявшегося. У него от всего этого судорожно подступил к горлу сухой острый ком.

Когда с ним здоровались, в ответ Валентин Семёнович только строго кивал: сил не было голос подать.

— Привет королю коров! — зычно встретил его Тарасов. — Оклемался?

— Типа того... — сдавленно вздохнул Корнилов и напрягся. — Я тут тебе, понимаешь, заявление принёс. Не откажи, Кирилыч. Хочу уйти из главных зоотехников.

— Не ду-ри-и-и! — бычья взревел Тарасов, так что на ближайших фермах коровы, наверное, испуганно оскользнулись.

Валентин Семёнович покаянно опустил голову.

— Прошу не от хорошей жизни... — Корнилов устало закрыл глаза. — Силов нет этот воз далее тянуть. Такое впечатление, что там, наверху, зреет большое предательство. Наше животноводство стало никому не нужно. Чёрт знает что творится в стране. Вот хоть это возьми: мы из кожи лезем, выращиваем мясо, а у нас ни в Коммуне, ни в райцентре на прилавках его нет.

— Опасный ты товарищ... Как самый настоящий диссидент заговорил. Ладно, решим вопрос по-родственному... — великодушно проговорил Тарасов и, не читая заявление, поставил резолюцию: назначить такого-сякого заведующим механизированными мастерскими.

— Согласен? — спросил только для блезира, ибо прекрасно знал: там будет спокойней, совсем иной колер, кто же откажется? Не синекура, но график работы ровный, авралов каждый день точно не будет.

— Вот спасибо... — слабо улыбнулся Валентин Семёнович.

6

Тем не менее, с переходом свояка на новую работу Тарасов так и не смирился. Через день то в шутку, то всерьёз уговаривал Валентина вернуться к родным коровкам.

А как-то однажды на этой почве произошла между ними возле правления и вовсе самая настоящая трагикомедия. В общем, приступил Алексей Кириллович к свояку в очередной раз:

— Не заотдыхался на новом месте? Доярки говорят: коровы по тебе плачут жгучими слезищами. Доятся с тоски, что те же козы.

— Дай своих ребят-девчат на ноги подниму... — поморщился Валентин Семёнович.

— Что же ты меня за нос водишь, своячёк! — взорвался Тарасов. — Тебе осталось Нинку лишь замуж отдать. Все ос-

тальные пристроены, как лучше не придумаешь. И твой Эдька повзрослел, во второй класс ходит.

— Вроде того...

— Так чего ты тянешь с возвращением?! — вскричал председатель.

— Дважды в одну реку... — тупо откашлялся Корнилов.

— Умник хренов! — вскрикнул Алексей Кириллович. — Мы тоже не лыком шиты! Так что Гераклитом не прикрывайся! Не темни! Не идёшь, потому что течёт в тебе злобная кулацкая кровушка... Вот откуда твоя ненависть ко всему советскому!

И тут вдруг этот приступ... Захрипев, Алексей Кириллович судорожно рухнул. Какая-то баба ехала мимо на велосипеде, брэнча пустым ведром, увидела случайно, как председатель мертвецки раскинулся поперёк дороги, заорала в голос и сама тотчас скovyрнула в канаву.

Через час Тарасова на тряском «кукурузнике» Ан-2 доставили в областную больницу. Вначале там диагностировали инсульт, потом инфаркт, но в итоге остановились на «нервном срыве», как и у Корнилова: точно соревновались мужики друг перед другом.

В райкоме партии бдительно напряглись: на носу «битва за урожай», а одно из лучших хозяйств обезглавлено. Спешно перебрал перспективные кандидатуры, там пришли к мнению, что лучше Корнилова на колхоз «Родина» им человека сейчас не найти.

«На безрыбье и рак соловей...» — узнав о таком решении первого секретаря, ревниво усмехнулся Тарасов.

Как крыша с грохотом села на голову Корнилову, нежданно-негаданно вдруг ставшему врио председателя. Люся ждала, что повторится его нервный срыв, но он наперекор всему как не знал устали. Хотя отныне практически не спал. Зато Корнилов успевал везде. Движок председательского «бобика», за руль которого он азартно сел по старой доброй памяти, заклинило через неделю. И теперь вновь выручил отцовский трофейный мотоцикл «Сахара». Корнилов мотался на нём повсюду с такой неистовой оперативностью, что были случаи, когда его одновременно видели будто бы сразу в трёх местах. Скажем, в райцентре, в областном Воронеже и самой Москве, на ступеньках Министерства сельского хозяйства СССР. Что его туда могло занести — неизвестно, но в итоге урожай пшеницы взяли «парижане» невиданный для всей области. За все двадцать последних лет. Не хуже обстояло у них с гречихой и просом. С королевой полей в колхозе «Родина» вообще вышел особый случай. Наперекор дождям и за-

сухе получили 25 тонн с гектара. Как на лучших полях капиталистической Европы.

Прослышав о таких победных урожаях свояка, Тарасов тотчас расстался с больницей и властно принял бразды хозяйства в свои руки. «Спасибо» Корнилову сказать в суете забыл. А когда Алексей Кириллович узнал, что в области готовят бумаги в Москву для награждения Валентина орденом Трудового Красного Знамени, тотчас вызвал свояка.

— Всё хотел спросить: как тебе удалось так вырваться вперёд?.. Мои прогнозы были значительно скромней. А я редко ошибаюсь...

— Кто его знает... — Корнилов присел на стул, бессильно опустил руки.

И тогда Тарасов, болезненно помолчав минуту-другую, вдруг прямо, твёрдо, то есть без всяких там обиняков, объявил, что теперь им вместе никак не работать. Валентин своим трудовым подвигом враз затмил все его прежние успехи. Теперь с Тарасова будут ежегодно требовать ещё больших результатов, ногами на него топать и грозиться отобрать партбилет, но откуда он возьмёт им эти невиданные нынешние центнеры? В отличие от свояка таким загадочным везением он не помечен свыше.

— Будет правильно, если ты куда-нибудь уедешь. Исчезнешь с глаз долой. Хотя бы на пару лет. Страна у нас огромная... Пожалей больного человека. Мы как-никак родственники.

— Да. Я понимаю, — покивал Валентин Семёнович. — Я вам многим обязан.

— Прости... — чуть было не всхлипнул Тарасов.

А через несколько дней Валентин Семёнович поехал к брату Николаю под Ворошиловград в совхоз «Заря коммунизма». Будто бы проведать, отдохнуть. То была осень 1982-го, сентябрь.

И вот через три часа езды вот она перед ним, главная улица славного украинского Ворошиловграда, — Советская. И такое при этом ощущение, что Корнилов въехал в родной Воронеж. Столько всего похожего между этими городами... Вот, пожалуйста, их Дворец строителей — точная копия воронежского ДК имени Кирова, фонтан в центре — один в один как в Кольцовском сквере; вход в их парк имени 1 Мая неотличим от каменной арки воронежского Детского сада. А Ворошиловградская гостиница «Советская» — сестрица-близняшка гостиницы «Воронеж» на проспекте Революции у Кольцовского сквера.

Сходства Воронежа и Ворошиловграда закончились, когда Валентин Семёнович зашёл в продуктовый магазин купить бутылку водки — на всякий який случай. Самогон Корнилов, конечно же, вёз. Свойский. Самый что ни на есть искусно справленный, мудрёный, ибо превосходил по части разгульных градусов и хитроумных трав-приправ любую самую дерзкую фантазию.

В магазине никого не было. Валентин Семёнович поначалу решил, что нарвался на перерыв или санитарный час. А иначе где привычные многочасовые очереди за докторской колбасой или синюшными жилистыми курами? Что в Воронеже, что в Москве...

— Мне бутылку «Столичной»... — наконец увидев продавца, невнятно сказал Корнилов. — Если можно, экспортную. Где на этикетке по-английски что-то написано...

Продавщица не пошевелилась.

Корнилов хотел повторить, но тут увидел, что заказанный товар уже выжидательно стоит перед ним. Так сказать, по мановению самой что ни на есть волшебной палочки.

Валентин Семёнович смущённо вздохнул и машинально покосился на мягко подсвеченный изнутри прозрачный саркофаг прилавка. Тотчас всякое ощущение сходства здешних мест с Воронежем вообще опрокинулось вверх тормашками. Он почувствовал себя разве что в столичном Елисеевском магазине-дворце на улице Горького. Правда, не было тамошних знаменитых белоснежных колонн, крутых завитков золотистой лепнины на стенах, ртутного холодного блеска высоких строгих зеркал и огромной яркой люстры, хозяйски раскинувшейся под высоким потолком. Но здесь, как и там, было всё или почти всё из области невиданных деликатесов. Одним словом, после родного райцентра (сельмаг Парижской Коммуны вообще тут не в счёт), даже после областного Воронежа здешний прилавок крепко осадил Валентина Семёновича: раскидистые развалы колбас разных отменных сортов точно издевались над ним торжественным обилием выбора и своими густыми духовитыми ароматами! Тут тебе и простецкая «Эстонская», и рабоче-крестьянская с жирком блестящим сочно пахучая «Любительская», диетическая «Докторская» и, бери выше, — «Краковская», «Одесская», потом же полукопченая «Московская» — вся из себя эдакая изящная, пупырчатая, блестящая да кроваво-чёрная на срезе, и как бы аж со слезой. Огорока разномастные, вальжанные — тот же Тамбовский, Воронежский, какового в самом Воронеже днём с огнём не сыскать! Ветчина, корейка, грудинка красуются нежно... Весёлых пухлых сарделек и изящ-

ных сосисок — явная безбрежность: густыми объёмными снисками глянцево свисают по стенам, розовеют аппетитно... Есть и мясная нарезка, куры достойные, жирком отороченные, пухленькие, утки смугло-золотистые, чуток дымком тронутые, и вон, вон там гусь цельный, неподъёмный лежит во всём своём нагулянном мясистом достоинстве. Масло сливочное нескольких сортов: «Вологодское», «Крестьянское», «Шоколадное», «Несолёное» и медового отлива «Топлёное». Но когда Валентин увидел в стеклянных чашах ещё и сияющую, улыбочиво-игривую икру красную осетровую, так у него во рту эдак судорожно пересохло. А для полного детского счастья — навалом горы сказочно пахнущих конфет в ярких хрустких обёртках, диковинные рогатые фрукты — бананы, кажется.

Не сдержался Валентин Семёнович: по лбу своему активно постучал. Чтобы проснуться?.. Как бы там ни было, но он сейчас чувствовал себя дурак дураком. У них в райцентре в магазинах водки тоже навалом, правда, не отборной, а самой ходовой, «Московской» белоголовки, а в остальном — пусто. Конфеты чуток есть, но никудышные: «Школьные» да «Соевые», а консервы — «Килька» в слащавом томатном соусе и смуглый сыр колбасный, крошащийся под ножом, ибо чёрт знает из чего и как составлен.

Он взволнованно принял заказанную им водку «Stolichnaa» с четырьмя золотыми медалями, старательно обёрнутую в лощёную белёсую бумагу.

— Я, это, тут у вас... Как в другой мир попал ... — ошеломлённо признался Валентин Семёнович.

Так что к брату он ехал с самыми что ни на есть раскорёженными чувствами и несколько раз останавливался, чтобы пройтись, встряхнуться. Футы-нуты!

Николай работал трактористом в совхозе «Заря коммунизма» — это пригород Ворошиловграда; до посёлка — восемь километров по очень приличному асфальту, какого Валентин Семёнович в своих «парижских» краях вовек не видывал. По такому можно ехать, поставив на крышу «жигулёнка» стакан с водой под самый «Марусин пояс», — ни капли не потеряешь.

С Николаем, как свиделись они, так и схватились азартно обниматься, друг друга охлопывать, раскачивать и подкидывать, — чуть ли не полчаса вот так хватко братались. После этой торжественной процедуры Валентин Семёнович с азартной задышкой признался, что дар речи потерял при виде в здешнем магазине такого царского раздолья невиданного дефицитного харча.

— Но особенно люди мне ваши понравились! — бодро объявил Корнилов-старший. — Продавщицы против воронезских вежливые такие, заботливые лапочки. Наша с полоборота на тебя орать заведётся по поводу и без повода. Она изначально смотрит на тебя с противностью. Ибо нормальный человек такую дрянь, какую она продаёт, вовек покупать не станет. Поэтому ты в её глазах гроша ломаного не стоишь.

— Вот и оставайся у нас жить! Семью перевози! Всё будет рядышком, брат! — расчувствовался Николай, всегда в глубине души носивший тоскливое ощущение вины перед Валентином, что тот свои молодые годы потратил на них, на целую орду безбашенных спиногрызов.

И когда устроили Корнилова-старшего с дороги отдыхать, он какое-то время ещё слышал, что на кухне Николай и его Ленка всерьёз, запальчиво обсуждают, как им наладиться, чтобы рядышком тут быть обеим семьям, вполне по-родственному.

— Брат у меня что надо! Он нас всех братьев и сестриц в люди вывел! — порывисто втолковывал жене Николай, подливая себе рюмку за рюмкой. Моментами было слышно, как он аппетитно ломает на зубах сочный родной «парижский» огурчик. — Мы ему по гроб жизни обязаны... Кормил, поил, одевал! Такой добрый, щедрый. Всё — для нас. А работающий! Со всяким делом влёт управится. Потому что способный, жуть! И высшее образование имеет. Почти высшее... Плюс — непьющий. Эх, ему бы в Политбюро, рядом с Брежневым! Чтобы тому на смену! А то позор один от этого шамкающего целовальщика...

Николай густо всхлипнул...

Проснулся Валентин Семёнович как всегда в пять утра, по-деревенски. Собрался с мыслями, вслушался в себя. Там внутри было ясное, здоровое желание начинать ему тут новую, иную жизнь.

Когда искали директора совхоза Петренко, им подсказали идти к пруду, почему-то прозванному «Лох-Несским» озером. Это у Тараса Николаевича было самое любимое место для утренних размышлений.

Петренко сидел у воды в тени старой, столетней ивы с красно-бурыми глянцевыми ветвями, и поникшая великанская грива её пушистых листьев мерцала серебристо-седой изнанкой при всяком порыве ветра. На таком почти что фантастическом фоне и сам Петренко тоже казался эдаким сказочным духом-покровителем удалого запорожского воинства. Ибо являл собой пусть и человека роста не особенно высоко-

го, но в крутых плечах разворотистого, со вздутой широкой грудью, одним выдохом которой явно можно было средней силы костёр враз осадить, и с большими, раскидистыми «козащкими вусами»; левый сиял блее моржового клыка, правый — густо-смоляно блистал с антрацитовым отливом. Так было у них из рода в род по-мужской линии. За что имели вековое прозвище Белоусы. Правда, непонятно, почему игнорировавшее наличие усища чёрного цвета. Но народу лучше знать.

Петренко только выхватил из пруда резвого, вёрткого золотисто-красного карасика граммов на двести, и тот метался перед ним, судорожно норовя сорваться.

— А я до вас, Тарас Николаевич. Брата привёл. Хочет к нам устроиться... — смущённо проговорил Николай.

Петренко пальцем указал ему отойти подальше. Высоко, как-то недоуменно поднял подбородок, словно рассматривал новоявленного воронежского мужика ноздрями, плотно забитыми зарослями блестящих седых волос.

— Выпьешь? — сказал, наконец, скользнув беглой улыбкой.

— Вообще-то я не на работе... — усмехнулся Валентин Семёнович. — Но всё равно не охота. Без дельного повода. Так что, проехали тему?

— И откуда ты такой взялся? — крикнул Петренко, всё ещё пытаясь сцапать прыгучего карасика.

— Из Парижской Коммуны. Колхоз «Родина».

— Слышал. Хорошее хозяйство. Кажется, Тарасов у вас вождит? А чего ты до нас? У вас там всемирный потоп?

— Особые обстоятельства...

— Он там был главный зоотехник! — взволнованно, гордо крикнул Николай, всё ещё стоя поодаль и чуть ли не на цыпочках. — А этим летом временно исполнял обязанности председателя! Да ещё как! Рекордный урожай взял! Кое-кому не понравилась такая прыть...

Петренко, наконец, ухватил рыбу, мгновение цепко подержал в руке, чувствуя её судорожное, раздражённое напряжение.

Забавно глянул ей в выпученные раскоряченные глазки.

— Премудрый карась... Жить хочешь? — усмехнулся он и ловким взмахом руки скинул его обратно в пруд.

Рыбка вёртко, штопором ушла на глубину.

— И спасибо не сказал, плескун! — засмеялся директор. — Значит, зоотехник, говоришь... Главный?!

Он отёр руки о густо нависавшие ветки ивы и подал Валентину Семёновичу свою достойную мужицкую пятерню:

— А мне нужен зоотехник отделения... Ой, как нужен! Ты и представить себе не можешь! Пойдешь?

— Пойду.

— Про зарплату, что не спрашиваешь? — усмехнулся Петренко.

— Жду, когда скажите.

— Сто восемьдесят. И не рублём больше.

«У нас на такой должности больше 110-120 не дадут...» — мельком отметил Корнилов, но вида не подал.

— Жить будешь у брата?

— Желательно самому. Угол у кого снять подскажете?

— Угол?.. — Петренко атаманом глянул на Валентина Семёновича. — У меня для нужных специалистов и дом найдётся. Или квартира, если твоя жинка пожелает. Новая. Многокомнатная. Хоромы, одним словом, царские! В общем, если честно, рад я тебе парень... Нутром чую, что такой гарный хлопец мне зараз и был нужен. И кто только мне тебя послал? Господь Бог? Или его Величество Случай? А может карасик, которого я сейчас отпустил?

Два дня положил Валентин Семёнович на сборы на Украину. Чтобы мать не сразу ощутила его отсутствие, выправил, наладил всё, что на глаза попадалось: в огороде, саду, не обошёл стороной закут и хлев. Ещё и вырыл свежую яму под картошку в зиму, потому что как Воронежское водохранилище залили десять лет назад, так с тех пор даже у них в Парижской Коммуне в погребе весной у всех вода стала по колено подниматься.

Когда под вечер Корниловы уже были готовы ехать, их задержало стадо домашних бурёнок, занявшее всю дорогу на целых полчаса. Именно в это время, перед заходом солнца, они возвращались с выпаса. Сумеречные высеребрённые лучи над Парижской Коммуной расплылись по горизонту. Копыта глухо ступали. Кто никогда не держал скотину, так и те выходили за ворота поглядеть на такую внушительную церемонию.

Под девяносто коров (восемьдесят семь, если желать точности) в четыре ряда, перекрыв дорогу, цугом величественно вступили в село. Шли плотно, устало, с чувством исполненного долга. Никакая не дёрнется, не взмычит попусту. Вымя у каждой натруженно, увесисто свисает между ног. Переполненное, туго налитое, грациозно, тяжело колеблется. От стада пахнет молоком, травами и кизьяками. А ещё, как поравняется с тобой какая бурёнка, от неё чувствуется живое тепло. Особое такое, чуть ли не материнское...

Валентин Семёнович глядел на эти устало колыхающиеся ряды, строго поджав губы, со слезой: того и гляди руку к своей кепке приложит, то есть честь отдаст коровкам старший сержант запаса.

Одним словом, он как прощальный парад принимал у «парижских» бурёнок.

7

Всю одиннадцатую пятилетку света белого не видел директор совхоза Петренко за показатели по надою и привесу. А он их что, родит эти передовые цифры? С высоких трибун звучали призывы и ценные указания, а кризис нарастал. Пять молочно-товарных отделений наличествовало в петренковском хозяйстве «Заря коммунизма», однако доили бабы руками, навоз скотники огребали вилами и то не всегда, а если ожидалась какая-никакая проверка.

Когда такой разлад увидел Валентин Семёнович, так целую минуту дышать свободно не мог. Здешние условия оказались ещё хуже, чем поначалу были на фермах в его родном колхозе «Родина». И откуда только эти сказочные богатства на прилавках в Ворошиловграде?..

Само собой, Петренко регулярно призывали в райком и привычно снимали с него самое малое три шкуры за животноводство. А когда приезжали к нему порыбачить на «Лох-Несское» озеро, после третьего стакана просили у него прощение: «Что в стране происходит?.. Непонятно... А на нас, Тарас Николаевич, не обижайся. Ты мужик правильный».

Был в прошлом году здесь на отдыхе земляк Петренко, взошедший от звеньевого скотника до высокого звания генерал-майора КГБ СССР. Так вот; сидели они как-то с ним рядком при удочках на озере, и Тарас Николаевич после третьего стакана самогона вдруг напрямки спросил у высокого чина: почему так происходит, что развитие села пробуксовывает? Для меня, мол, это загадка!.. Год от года всё меньше выделяют средств на развитие. «Давай, Белоус, лучше самогон пить, очень он у тебя хорош! — сказал генерал и вздохнул. — А насчёт затронутой тобой темы... Это вредительство, товарищ Тарас... Масштабное. На всех уровнях. Руководят им, сам знаешь, из-за океана. Чтобы СССР без войны низложить. Скоро это своими глазами увидишь...»

Тарас чуть не заорал: «А вы что там, ребята, глазами моргаете? Ладно, я в селе сiju дурень-дурнем... Но ты со звёздами какими на погонах, а тоже плечами пожимаешь?! Почему допустил такое? Врага надо к ногтю!»

Генерал с досады удочку в пруд бросил: «Руки у нас появя-

заны. За океаном всё наперёд продумали и кого надо у нас на самом верху приласкали. Так что с высоких трибун звучат громкие посулы и ценные указания, а кризис нарастает. И вот тебе реальный пример. Скажем, в далеко не худшей Калининской области за последние двадцать лет сельское население сократилось почти вдвое!!! Идём ко дну, Тарас...»

И вот вдруг мелькнула у Петренко слабая надежда: глянулся ему этот как с неба свалившийся молодой и, как видно, упёртый в работе москаль из Парижской Коммуны. По одной его резвой походке, по острому взгляду видно, что не перевелись ещё неутомимые люди, способные свой пупок жертвенно надорвать, но горы для общего дела свернуть. Только задачу им надо поставить правильно и волю дать.

Когда привёз Корнилов семью, они с Люсей обомлели: их ждала пятикомнатная двухэтажная квартира с «евроремонтом», как тогда говорили. С двумя просторными лоджиями, — хоть в бадминтон на них играй. Так что Люся на каждой поплакала счастливыми слезами. Никогда не думала она, что ей доведётся стать хозяйкой такого царского жилья, ещё и обставленного по последнему слову квартирному дизайну немецкого да итальянского качества: что стенка, что мягкая мебель или кухонный гарнитур, ими только по телевизору виденные до того.

Олександр, шофёр директорский, весёлый, несколько кручёный паренёк, вмиг устроил Петренко и Корнилову на берегу «Лох-Несского» озера на пёстром рушнике горилку, прекрасный, по дедовскому рецепту козацкий ядрёный «холодец з телятини», хлеб ещё тёплый домашний белый и густо-матовое стылое сало с нутряным розовым отсветом.

Сели; и вдруг Петренко поморщился: да так, будто зубом о зуб нечаянно зацепил:

— Как хочешь, дорогой друже, но мене животноводство задолбало! Делай тута что хочешь, носом землю рой, у Господа или чёрта подмоги вымаливай, но сделай что-нибудь, Христа ради, чтобы меня хотя бы из-за молока и мяса за энто место не дёргали в райкоме. Ведь оторвут в итоге... Неужели не справишься?

— Поглядеть будем, — тихо, но внятно сказал Валентин Семёнович.

— Спасай, парень...

— Вопросов нет, — сдержанно покивал Корнилов. — Кроме одного единого, Тарас Николаевич. Откуда в продмагах Ворошиловграда такое изобилие на фоне голых воронежских прилавков? Между нами два часа езды!

— Ваш старший брат о нашем младшем дюже печётся, —

загадочно подмигнул он. — Чтобы нас на капиталистическую буржуйную сторону поглядывать не тянуло.

— Опа-на... — глухо проговорил Валентин Семёнович.

— Только не все у нас это ценят, — Петренко прикрыл рот лопатой своей ладони, добавил тише тихого. — Есть такие, честно скажу, чоловики, которые уверены: без России, сами, мы рай на земле обретём! Заживём краше никуда...

— Как это?.. — потрясённо вздёрнулся Валентин Семёнович. — Не пойму!

— Вот и хорошо, что не поймёшь, — покаянно опустил голову Петренко. — И не надо. И вообще забудь, что тебе сейчас Белоус ляпнул.

К вечеру объехал новый врио главного зоотехника здешние фермы. Первое, что сделал он, пережив шок от увиденного бедлама, — велел пометить коров и чистенько прибраться.

Полгода не прошло, как первый проверяющий налетел. По его суровой, надменной физиономии, когда он из своей «волжанки» враскачку выпростался, было видно его заранее приготовленное настроение: устроить разгон и показательную казнь как демонстрацию идеологически выверенной линии партии на построение развитого социализма.

Только в дверях первой же фермы глаза недоуменно выпучил: на некогда замызганной, захлебнувшейся дерьмом, — «вишитии» рушники, цветы на белоснежных подоконниках; кожаные тапочки для всех перед входом; транспортёры с навозом старательно бегут. Коровы проверяющему чуть ли не улыбаются приветливо, бодро помахивая хвостами с цветными бантиками: на них кличка каждой прописана и номер порядковый. Мух почти нет. Стаями уж точно не летают. По лбу не щёлкают. Коров не беспокоят. Вот ещё: бражного запаха силоса как бы вовсе и нет. Свежая травка-муравка все ненужные запахи своими полевыми ароматами забивает.

А был этот проверяющий не какой-нибудь человек районного масштаба, так себе по значимости, а самый что ни на есть областной туз со свитой. Судя хотя бы по известным всем обкомовским номерам его машины и числу угодливо суетливых сопровождающих лиц.

На этот раз о появлении проверяющего Петренко не был, как водится, извещён заранее бдительными соседями. Не сработало их тревожное местное радио. Ибо первоначально маршрут проверяющего пролегал по иным местам, а потом вдруг был изменён внезапно, ибо какой-то доброхот шепнул ему, что нигде в Ворошиловградской области он не поест такого знатного холодца, как у Белоуса в совхозе «Заря коммунизма».

— А может, правильнее — «Закат»? — позволил себе политически остро, почти свободомысленно выразиться знающий себе цену областной товарищ. — Лады, едем до него. Уговорили. А насчёт «заката» не дёргайтесь, товарищи. Скажу вам по секрету: в стране намечается грандиозная перестройка. Демократия и гласность скоро станут нашими новыми боевыми лозунгами.

И, поморщившись, добавил:

— В прошлом году мой зам в этой «Заре» чуть было в яме с навозом не утонул. Кто же тут у тебя такой порядок навёл?

Тарас Николаевич стоял сугубо угнувшись. Весь какой-то опасливо затаённый, наученный непредсказуемым особенностям господ проверяющих.

— Корнилов, — тихо сказал. — Временно исполняющий обязанности главного зоотехника совхоза.

Проверяющий тотчас в нос Валентину Семёновичу кукиш ввернул и оглушительно объявил с номенклатурной высочайшей весёлостью:

— Врио?.. Что-то не ценят здесь тебя, парень! Такого молодца я у Белоуса мигом заберу! С сегодняшнего дня ты главный зоотехник всего района! Собирай вещички. Поедешь со мной принимать новую должность!

Всё это время, ожидая чего угодно, Тарас Николаевич бдительно молчал. Но когда насчёт «вещичек» прозвучало, так он в коленях просел.

Петренко тут же велел Олександру живо принести бумагу и на его широкой, как подоконник, спине быстро, взволнованно написал приказ, избавляющий Корнилова от унижительной клички «врио».

Это, кажется, усмирило проверяющего. Он по-хозяйски объявил, что пора бы им знаменитый холодец от Петренко заценить с пристрастием.

Этой же ночью приснилось Валентину Семёновичу, что ему надо, не откладывая, ехать в Ворошиловград и налаживать контакты с директорами тамошних больших заводов. А число их там немалое, — тепловозостроительный, авиационно-ремонтный, потом в одной линии по значимости литейно-механический, патронный, коленвалов... И везде передовой рабочий класс, включая трудовую интеллигенцию, есть хочет. Три раза в день, не менее. А тут как раз приспел час, что стали народу по распоряжению свыше землю по шесть соток давать в пригороде под дачи-огороды. Но там, как известно, почти везде почва неважная, мергель. В общем, запашистый коровяк им будет позарез нужен. А к кому за таким знатным добром «бечь»? Да чтобы он годок-другой был вылежавший-

ся, как следует перезревший? К зоотехнику, товарищи дорогие. Только так и не иначе, если не хотите свои садово-огородные мечты на корню пожечь всякой разной навозной скородспелкой или той же химией.

Так и наладилось. Корнилов заводским отгружает естественные удобрения, способствуя этим радующей чистоте на фермах, трактор с плугом или бороной посылает заводчанам на их белёдые огороды. Но и себя не забывает: уже не кланяясь в пояс, обращается на городские предприятия выписывать в совхоз стройматериалы, рабсилу и знающих специалистов по части электрики, транспорта. Много чего разного.

Ещё начал по заводам, с которыми отношения категорически наладил, поставлять по вполне приемлемым ценам совхозные овощи, мясо и молоко, когда купили специальную голландскую цистерну-холодильник.

Пошли, пошли живые деньги...

Надо бы ещё расширяться...

...Когда Корнилов пришёл в совхоз, так сначала ни до какого отделения нормальных дорог не было. Родную «копейку» топить в грязи он пожалел. Но надо же на чем-то рулить? Ногами не находишься.

Тарас Николаевич позвонил в райсельхозтехнику, договорился. И объявил Валентину Семёновичу: «Идь к ним, возьми себе тракторок. Выбери, какой краше. И чтобы с кабиной».

На базе начал Корнилов на приобретенном Т-25 выруливать, и обомлел: там под самую крышу стоят ящики с реальными доильными агрегатами. На этикетках знаменитая маркировка — «Даугава-100», полностью механизированные! Видно, что никто ими ещё не пользовался. По тому времени это было не просто современное передовое оборудование, а фантастика.

Выдохнул тяжело Корнилов.

— Братцы, — откашлялся. — Это оборудование выписать можно или оно уже кому-то подчистую назначено?

Едва зубами не скрипнул, ожидая задержавшийся ответ.

— Выписать?.. — дурковато глянул на него кладовщик: ресницы были у него какие-то клоунские, махрово-белые от муки.

— Ну да, — нервно вздёрнулся Валентин Семёнович. — Кому подать заявку на «Даугаву»? С меня магарыч...

— Даугава... Что за Даугава? Какая такая Даугава? Вот эта, в ящиках?

— Эта, эта...

— Понавозили, а никто их на хрен не берет, никому не нужно!!! Никому ничего не нужно, мать вашу! Дожились!..

— Значит, я могу сейчас, куда вы мне скажете, пойти и выписать столько аппаратов, сколько надо? — усиленно вежливо, внятно проговорил Валентин Семёнович.

— Нет, не можешь! — вдруг строже строгого победоносно постановил кладовщик.

— Как это не могу?.. — чуть ли не всхрипнул Корнилов. Как конь, незаслуженно больно прищипоренный. Только ногами не затопал — таким «танцем» у Корниловых в роду было принято вышибать досаду.

— Да так! И перетакивать не будем! — верховным судьёй объявил кладовщик.

По всему было понятно, что сейчас наступает критический момент этого диалога:

— Могу — не могу, через ногу! Как ты, дядя, их выпишешь, если они у нас не числятся?!

Кладовщик насмешливо вздохнул:

— Мы эти хреновы «Даугавы» ещё два года назад посписывали! Они оказались никому не нужны. Валялись, работать нам мешали. Приезжай и забери всё к этой матери! Ещё и магар тебе от нас будет проставлен за расчистку складского помещения. Вместе и разопьём.

8

Перекрестясь, начал он реконструкцию на фермах.

За два года управились...

Умно организовали двухсменный режим для доярок. Так что перестали, горемычные, каждый день со слезами вставать в три утра. До обеда поработала, — ступай домой, трудись там бабой. Надои столь ощутимо пошли вверх, что соседние директора совхозов чуть ли не перестали здороваться с Петренко.

...А тут забаламутилась какая-то перестройка. Никто толком не знал, с какого боку к ней подступиться, как её запрягать и как на ней ехать. ЦК КПСС торжественно провозгласил курс на «совершенствование хозяйственного механизма». Точно раньше по недоумию его норовили развалить. В общем, наверху взялись внедрять в массы полный хозрасчёт. Но, как всегда, где надо и где не надо. Само собой, и там даже, где ну никак нельзя с ним соваться.

Валентин Семёнович в связи со всем этим глубинно задумался. А что если?.. Вдруг именно у него такое новшество вполне умно сладится?

Зачастил в районную библиотеку, листал напряжённо разные экономические книги...

И создал собственный тракторный отряд. Заключил нужные договора. Обзавёлся дельным бригадиром, дальновидным агрономом, шустрым замом по кормам и производству. А для себя придумал звучную должность — начальник цеха. Как в городе на заводе. Только цех его был коровячий.

Теперь народ у Корнилова стал получать зарплату по объёму конечного продукта: от привеса, от молочного литража, от сохранности молодняка и так далее.

Результат не заставил себя ждать. Минималка доярок в разы подскочила — нате вам, любезные 350—400 рубликов за месяц. Столько, сколько выходит у заведующего отделом Ворошиловоградского обкома КПСС! А механизаторы отныне у Валентина Семёновича меньше 500 не опускались. Корнилов теперь каждый день, каждую минуту радовался: экое у него составилось хорошее маточное стадо, молодняк... 100 телят на 100 коров — и 98 голов сохранность. В общем, пошёл молодняк — девать некуда! Каждый год! Коров много. Корма достаточно. 3-4 укоса люцерны орошаемой за лето поделали. Всё идеально. А когда он только пришёл, стыдно вспомнить, — ездили корма покупать по всей Украине. И какие? Да солому!.. Слежавшуюся! А то и вовсе гнилую. Прямо с крыш старых сарайчиков.

Прибыль объявилась такая, что только успевай на счётах костяшки с выщелком перекидывать. На каждой ферме у Корнилова автобусы. Пешком на работу никто больше не ходит: с дома взяли, домой привезли.

В Ворошиловоградском обкоме достижения Корнилова удовлетворённо заценили: была дана отмашка на представление Валентина Семёновича к государственной награде — ордену Трудовой Славы какой-то там степени.

9

Один день перевернул всё... Суббота 26 апреля того самого 1986-го... Когда леса вокруг совхоза «Заря коммунизма» за ночь ржавчиной пробило. Такая вот, вычеркнув лето из календаря, досрочно наступила посреди весны в Украине, России и более всего в Белоруссии радиоактивная чернобыльская «осень».

В общем, на радиоактивном фоне Чернобыля наградное дело Корнилова где-то упёрто застряло. Большие надои молока со стронцием, цезием и радиоактивным йодом уже никого наверху не вдохновляли...

И вот оно, первое декабря 91-го... Под звон ещё не умолкнувших дозиметров — то самое всенародное праздничное гелосование по незалежности. В совхозе «Заря коммунизма»

по давней традиции — с музыками и добрым самогоном. Голосовать шли семьями, целыми улицами. Кое-кто лозунги нёс: «Нам без России не быть! Мы один народ! Нельзя нам врозь!»

И вопрос в бюллетене тому никак не противоречил, в нём ни о каком выходе из состава СССР не было ни слова: «Подтверждаете ли вы Акт провозглашения независимости Украины?» И кто на это брякнет: «Нет, я — за зависимость!»?

К обеду уже за семьдесят процентов набежало чёрных шаров «за» незалежность.

Под вечер до девяносто везде дошли (кроме Крыма да Севастополя).

Как итоги огласили, Валентин Семёнович, где стоял, там словно в пол и вмёрз. А в голове, словно на сквозняке, судорожно задёргалось: «Я отныне в чужой стране!!! В чужой стране!!! В чужой стране!!!»...

...Очнулся в наблюдательной палате той самой больнички... В общем, из «дурки» его выписали через две недели, не найдя никакой стойкой патологии и опять списав происшествие на перенапряжение.

С первых шагов по улице Корнилов заметил, что всё вокруг как-то не так стало выглядеть. Вроде улицы те же. И зима как зима в Ворошиловграде, уже опять переименованном в Луганск: лёгкий морозец, скользота, хвостатая позёмка выписывает выкрутасы... Только вот оно! На стенах домов там и вон там, на заборах, кое-где на асфальте невесть откуда взявшиеся странные лозунги: «Кляты москали за триста лет усе сало зылы! Гэть вже отсюда. Тикайте!» А прохожие на это глядят весело, чуть ли не счастливо, озарённо, а кто-то и вовсе норовит своё особое крутое словцо к этим писулькам приплюсовать. На глазах у Валентина Семёновича пацан лет двенадцати азартно, крошащимся мелом, метровыми буквами начертал на порожках продмага самыми что ни на есть русскими словами: «Москалей на ножи!»

Пришёл Эдька со школы: «Пап, так и так, у нас какие-то дядьки появились, себя называют «бандеровцы», и строем по школе по коридорам ходят, и речёвки кричат: «Москаляку на гилляку!» Гилляка, это что?»

— То ли ветка... То ли сук, — невнятно проговорил Валентин Семёнович.

Очереди, кстати, появились в Луганске. Нет, не за сырокопчёной колбасой или бананами, а украинское гражданство получать. Такое распоряжение поступило, чтобы всем исполнить эту историческую перемену, не откладывая.

Николай с Ленкой среди первых всё оформили.

С того дня младший непонимающе глядел на Валентина Семёновича, так как тот вовсе не пошевелился определиться в этом государственной масштабности вопросе и себя позиционно не определил перед новой властью.

Потом Николай глядел на брата недоумённо. Далее — настороженно, и, наконец, — робко-насмешливо.

— Упустишь момент, — решился однажды подать голос.

— Да пошёл ты, засранец! — уныло огрызнулся Валентин Семёнович, но тотчас торопливо обнял Николая. — Прости, Колюха... Я никак в эти события толком не въеду. Не врублюсь, понятно? А тебе рекомендую меньше пить. От тебя какой день за три версты несёт перегаром.

— На радостях, брат... Родину вторую обрёл! — скрипнул зубами Николай и попросил денег на чекушку.

— Нет здесь такого слова, — поджал губы Валентин Семёнович.

— А какое есть? — хмыкнул Николай.

— Четвертка.

— Ух ты! Во... Как отвёртка. Нет, не выговорю...

Валентин Семёнович ещё раз обнял его. Денег дал на десять «четверток». Они оба всхлипнули, жёстко стиснув крепкие корниловские челюсти и отвернув свои мокрые рожи друг от друга.

С Петренко, как вышел Валентин Семёнович из больницы, они долго не виделись. Не то, чтобы избегали друг друга. Корнилов и на этот раз по распоряжению врачей две недели одиноко лежал в тёмной комнате: ни с кем не общался, не читал и телевизор не смотрел. Упёрто. Демонстративно. Как обидевшись на весь белый свет и иные оттенки его цветов.

Олександр, шофёр Тараса Николаевича, как-то днями заскочил: мёд передал от Петренко целебный, блестячей смолстой тягучести, и, естественно, — добрый шмат сияющего сочной млечной белизной знатного сала, пирог домашний яблочный в рушнике, чтобы тепло печи сохранить в нём, и, как дар богов, — миску крутого петренковского холодца, запаянного матовым жирком, похожим на первый ледок.

А с самим директором Корнилов встретился, когда первый день вышел на работу. Тарас Николаевич сдержанно спросил его о здоровье, но, ещё не дослушав ответ, непривычным, отчуждённым голосом объявил, чтобы Корнилов вопрос о гражданстве решил незамедлительно.

— Без украинского паспорта ты работать у меня не будешь. Как бы я того ни хотел. И вот что ещё: осваивай «українську мову». Но я тебе не помощник. Сам в ней толком ни в зуб ногой.

Одни коровы встретили своего начальника задорной пляской хвостов, и надои у них в тот день оказались рекордные.

То, что без мовы теперь шагу не ступить, Валентин Семёнович вскоре очень даже почувствовал. Сверху распорядились все отчёты перевести на украинский язык. Он на нём с грехом пополам уже и говорить мог, и петь, но техническая документация, бухгалтерская — это было явно не по силам. Даже учителям. А толковый переводчик на весь район — один.

Корнилов раз отчёт не смог сдать вовремя, два... Ему выговор за выговором. По итогам года вместо привычных наград и премий — предупреждение о неполном служебном соответствии. Хотя коровы молока меньше давать не стали.

Петренко на это только руками разводит, отворачивается, сопит.

— Я заявление об увольнении подал, — наконец объявил ему Валентин Семёнович.

— Правильно, — нахмурился директор. — У меня уже терпение стало лопаться. Сверху насчёт тебя такое давление пошло...

— Теперь квартиру у нас отнимете? — побледнел Корнилов.

Петренко положил ему на плечи свои «важки козацьки руки» и только что не обнял.

— Я такого не допущу... Только через мой труп.

— Куда же мне теперь податься? — поморщился Корнилов.

— А ты попробуй в фермеры...

И поехал Валентин Семёнович в Ворошиловград, вернее, теперь в Луганск; к тому мужику, который когда-то заезжал к ним на ферму в качестве проверяющего, и с чьей лёгкой руки он стал полноправным главным зоотехником совхоза «Заря коммунизма».

10

Принял он Валентина Семёновича в своём высоком кабинете несколько растерянно. Может быть, поэтому и присесть не предложил.

— Привет, привет, дорогой товарищ... Что-то ты бледно выглядишь, Корнилов? Про глюки твои прослышан. Береги здоровье. С чем пожаловал?

— Хочу заняться фермерством, — судорожно проговорил тот. — Прошу посодействовать в выделении участка. По возможности, не самой бросовой земли.

— Ты гражданство Украины не принял...

— Не принял...

— Добрых людей не послушал...

— Не послушал.

— И земли тогда, дорогой, у нас для тебя — нет! Только, в случае чего, два квадратных метра причитается. Тех самых, гробовых.

Корнилов растерянно почувствовал: сердце заволокло, затормозилось... Неужели опять замаячил тот самый нервный срыв?..

— Что язык проглотил?.. — смурно вздохнул хозяин кабинета.

— Я понял, что делать мне тут больше нечего.

— Скатертью дорожка, — поморщился тот.

И вдруг, уже в спину Корнилову, тихо, потерянно проговорил:

— Прости, Валя... Вокруг такое происходит... Впору стреляться!

Дома, ещё в дверях, Валентин Семёнович крикнул Люсе и Эдику каким-то странно визгливым, сбившимся голосом:

— Всё, братцы-кролики! Уезжаем отсель! Немедленно. Взад!

— Ура-а-а! — вскинулся Эдька.

— Я, Валечка, никуда отсюда ехать не хочу.. — вдруг напряжённо, закрыв лицо руками, проговорила Люся.

— Не понял... — шально усмехнулся Валентин Семёнович.

— Я, наверное, здесь останусь... Миленькие мои... Хотя бы на первое время. Пока ты там на ноги станешь. Такой тут дом-дворец, такой сад... Скотинка. Не брошу я всё это на разор! Что ты заспешил?.. Кто нас в России ждёт?

— Ты что, не врубилась?.. Родина ждёт! А тут мы — ЧУЖИЕ!!! — ярко побледнел Корнилов, подбородок вскинул.

Люся перед ним на колени рухнула, слёзы по полу попадали.

— Обменяем наши паспорта на украинские — и никаких проблем!

— Люся! Что ты гуторишь! — топнул ногой Валентин Семёнович, отвернулся к окну, и заплакал с женой в унисон.

11

В общем, уезжали они вдвоём: отец и сын. Верили — временно. Люся от своего не отступилась, хотя от горя с кровати три дня не вставала и три дня ничегошеньки не ела. Как на смертном одре лежала. На «прощай» мужа только глаза закрыла, и дыхание у неё обморочно пресеклось.

Эдька к ней метнулся, ноги судорожно обнял...

— Мам, мы тебя всё равно скоро заберём, — лихорадочно прошептал Эдька, как отплёвываясь от вёртких, быстрых слёз.

— Хорошо, миленький... Спасибо тебе, — глухо выдавила Люся. — Я обязательно приеду.. Попозже. Вот найду покупателя на наше добро и приеду.

Несмотря ни на что, Валентин Семёнович по-правильному посидел с Петренко на дорожку. Хорошо, с усердием, но всё-таки так, чтобы на ногах остаться. Пока не приехала за Корниловым из Парижской Коммуны машина, тот самый председательский армейский «газон-бобик».

Тарасов прислал. После того как Валентин Семёнович ему позвонил с просьбой насчёт помощи при переезде. Алексей Кириллович, враз забыв старые досады, тотчас проникся особенностью момента и со слезой в голосе рыкнул:

— Русские своих в беде не бросают!

Из вещей они с Эдькой взяли только то, что на себе было надето. А свою раритетную «копейку», чтобы не с пустыми карманами в дорогу ехать, Корнилов накануне продал. Считай, за так. Олександрю Борисовичу. А другие никто упёрто брать не хотели, хотя всегда завистливо любовались его машиной.

Кажется, он ждал, что с работы придут-таки проводить его. Но вот же, на-кося, выкуси. Никого.

Поначалу ехали молча, как покойника везли. Хотя радио у них орало. «Всё могут короли!» — азартно страдала Пугачёва на весь размах окрестных мергелевых белёсых степей.

— Как там у нас в Коммуне дела?.. Какие надои в колхозе? — где-то через полчаса с судорожным выдохом заговорил Корнилов.

— Каком колхозе?.. Какие надои? — сшиблено переспросил водитель. — Уже год как нет никакой вашей «Родины».

— А Тарасов там как?.. — напряжённо спросил Валентин Семёнович.

— Он теперь у нас фермер, — сухо отозвался водитель. — Крутой мужик! У него земли одна тысяча семьсот гектаров! Самые урожайные чернозёмы прихватил для себя, родного... А бывший главный инженер Мишка Селиванов у него рядовым трактористом теперь работает.

— А парторг?

— Кто это?

— Кравченко, Сергей Васильевич. Не помнишь разве? Эх, молодость...

— Кравченко, — поморщился водитель. — А, Кравченко! Однорукий? Так он повесился. Полгода назад.

— Что так?.. — тихо проговорил Валентин Семёнович, чувствуя, как у него леденеет, съёживается лицо. Ещё минута — размером с яблоко станет.

— Кто знает... Всякое говорят. Вроде, денег взял у кого-то в долг немеренно... Дело своё открыть. А сам прогорел... Другие балакают — не принял мужик новый олигархический строй!

Как ни нагонял водитель страхов насчёт проверки документов и вещей на контрольном пункте, тем не менее, его миновали без особых проблем. Правда, Корнилову бросилось в глаза, что если украинским пограничникам надо было произнести какое-то слово по-русски, то они его как бы нарочно коверкали до неузнаваемости.

В общем, миновали-таки границу. Поняли они это, когда с хорошей бодрой дороги перекатились на провальные российские колдобины.

— Родную землю целовать будешь?! — усмехнулся водитель.

— Родную... Род-ну-ю-ю! — пропел Валентин Семёнович, каждый звук этого слова радостно-нежно перекачивая во рту, смакуя, играя с ним весело, с лёгкой, посветлевшей душой. — Жми на газ, дядя! Здравствуй, Русь-матушка!!!

В Парижской Коммуне, взбежав на крыльцо родительского дома, Корнилов внятно, с торжественной отмашкой осенил себя крестом, на колени восторженно стал. Ни дать ни взять возвращение блудного сына.

Мать всхлипывала в горнице: встретить сына она уже не могла, — третий месяц как Мария Ивановна ходить перестала.

— Ты чтой-то без Люси?.. — едва проговорила она.

— Осталась добро наше продавать, — глухо сказал Валентин Семёнович и вдруг тоненько, совсем по-пацаньи всхлипнул. И это так его смутило, что он с размаху треснул себя кулаком в лоб.

— Господи, помилуй... — сказала мать, и хотела перекреститься, но сил не достало.

На следующий день Корнилов поехал автобусом в район-центр в администрацию. Глава встретил его, точно героя. Из-за стола шустро вышел руку пожать. Был и коньяк «Арагат», и лимон к нему, и шоколад.

— Иди заместо Тарасова председателем в «Родину», — спросив для вежливости Валентина Семёновича о житье-бытье на Украине, взвешенно, рассудительно предложил глава. — До сих пор все мы помним твой рекордный урожай.

— Дело случая, — вздохнул Корнилов. — А разве колхоз ещё жив?

— Типа того, — хмыкнул хозяин района. — Как в подобном случае говорится в знаменитой сказке про Буратино?

Пациент скорее жив, чем мёртв. Мы знаем тебя. Даже когда ты был на Украине, следили за твоими успехами. Но если почему-либо не хочешь в «Родину», мы тебя поставим председателем в любое хозяйство. Выбери. Правда, их у нас из двадцати семи только три ещё дышат. И все — на ладан...

Валентин Семёнович машинально бросил взгляд на висевший на стене портрет Ельцина с какими-то тревожными, словно испуганными глазами. И как это никто бдительно не заметил до сих пор?

— А землю дадите?.. — напрягся. — И буду я в ней потихоньку копать себе на уме...

Глава района строго усмехнулся:

— Раньше ты с властью во всём соглашался, Семёныч... Ладно. Не хочешь идти руководителем — бери землю. Работай. Жалко, что ль? Будешь у нас передовым фермером!

— Не буду! — глухо отозвался Корнилов. — Фермером не буду. Что за дурацкое слово? Лишь бы всё под американский стандарт лепить! И когда такому только научились? У кого? Аж коробит. Откуда у нас фермеры? Большинство пашет да сеет. А животноводство лишь у каждого сотого. Поэтому я — крестьянский сын! Крестьянствовать стану!

12

В общем, дали «крестьянскому сыну» Валентину Семёновичу поперву ни мало, ни много 20 «парижских» гектар. Само собой, дали такие, чтобы он не взял, а коли бы взял, так чтобы завтра сам бросил в сердцах. Под озимые ему и вовсе выделили клин у чёрта на куличках. Эта земля в 12 км от Парижской Коммуны, туда путь через балки да овраги, — не проберёшься даже на трофейной «Сахаре». Однажды на этом его поле, оставшемся из-за непогоды бесхозным, волки устроились жить.

Думал так: «Уходят фермеры с таких земель. Кончилось их фермерство. И ничем им не поможешь. Никакой мелиорацией. Что ни делай — вода на бугор не потечёт... Но мы, Корниловы, из тех людей, которые назад не сдают ни шагу: если берёмся за дело, то не бросаем...»

Кто бросал — Валентин Семёнович старательно подбирал. Писал грамотное, обоснованное заявление — и подбирал. И так набрал он себе, наконец, 140 гектар, потом через три года ещё 60. Сыну открыл собственное хозяйство. Пусть впрягается Эдька, пора пришла. Другой работы на селе не будет...

— И вот уже двадцать пять лет мы с сыном на этой земле живём-жуём, — утвердил Корнилов, когда мы с ним на днях встретились: меня из области прислали писать очерк о нём в

книгу «Край родной» о достижениях воронежских фермеров. — И всегда наш урожай выше среднего идёт! Но никогда ни одного кредита я не брал. Если бы я взял хоть один кредит, я бы тут не сидел с вами. Был бы скотником у Тарасова.

— А про Люсю будете рассказывать? — сдавленно вздохнул Корнилов. — Я прошу — обязательно, ладно? Она иногда приезжает. Поплачет тут день-другой, но всё-таки назад возвращается.... В хоромы свои любимые. Продавать нажитое добро передумала... Гражданство ихнее оформила... А у меня сейчас очень хорошая женщина; я снова женился, официально. Она тоже типа меня — беженка! Из Казахстана. И насчёт Люси правильно понимает, не обидится. Ох, там, в Казахстане всё было куда жёстче, чем тогда на Украине... «Орыс чушка!» Переводить не надо, правда? Так что побросали они квартиры и убежали сюда, чтобы под нож не попасть или пулю. Только из Семипалатинска уехало больше ста тысяч русских. Это называлось: вернуться на историческую Родину. Но она принимала таких переселенцев, как злая мачеха. Жильё — ваши проблемы. Работа — без прописки нельзя. Прописка — опять же ваши проблемы. Так что устраивайся, как можешь, родной! А тут я появился у неё на пути рядышком...

— Айда, мужики, на мой пруд?!.. — вдруг живо, мальчишески подхватился Корнилов. — Там и договорим тему?

На манер «Лох-Несского» Валентин Семёнович свой наливной двухсотметровый водоём окрестил победоносным «Чудским озером». Цапли его облюбовали в этом году, пять пар. Раньше здесь таких славных птиц не видели. Раз от раза солидно проскальзывают над головами, точно планера. Или, как теперь говорят, дроны. Полёты у них за рыбой. Наедают силу, чтобы зиму пережить: не хотя последнее время улетать в тёплые края. Как и те же грачи, скворцы, зеленушки. Или вот был уже случай, пусть ещё единичный — лебеди остались на «Чудском» наперекор российским морозам. Родину менять не желают!

По случаю приезда корреспондента Валентин Семёнович разрешил себе неурочный праздник. Обзвонил кого надо и теперь ждал гостей: конечно же, Тарасова с дорогой свояченицей, тестя Фёдора Илларионовича с тёщей — славной Иридой Валерьевной и сотоварищей по фермерской доле: Виктора Князева, Зелепукина Василия, Сергея Дорохина да Валю Новикова с Мурадхановым Мурадом Абдуллаевичем.

Его стол знатым яствам Петренко ни в чём не уступал. А то и фору по некоторым статьям вполне мог дать разносолам Белоуса. Это стало ясно, когда Эдька торжественно водру-

зил на стол эмалированную миску, которая пузырилась зеленовато-жёлтыми дольками прозрачного мармелада с ку-сочками сала внутри.

Валентин Семёнович строго покосился в мою сторону: за-писываю я или нет?

За столом после второй рюмки, как это часто бывает, ре-шительно взяли верх женщины. Тон задавали Виктория и Ираида Валерьевна. Мужикам было велено вовсе исчезнуть. Ибо женщины сейчас примутся за свои бабьи горькие песни и такое сугубо сокровенное страдание никому не хотят пока-зывать.

*— Выходил на поля молодой агроном,
Говорил, что земля вся в наряде цветном.
Хороша земля — мой край дорогой,
Люблю тебя всей русской душой!..*

— Земля всегда земля. Везде и всюду, — продолжал Вален-тин Семёнович философски исповедоваться перед моим дик-тофоном. — И ей без человека никак нельзя. Так что интерес к ней сохранится на долгие века. Люди не скоро научатся хлеб и скотину в пробирке выращивать.

— А что же вы на отшибе устроились, Валентин Семёно-вич? — решил я вернуть его с небес на землю. — Не просто вам в селе со всем обществом жить? С вашим достатком... «Парижане» кулаком за глаза не называют?

— Всякое бывает... — судорожно зевнул Корнилов. — А где мне прикажете жить, как не здесь?!

— Как где? Вы же после Украины в Парижскую Ком-муну вернулись? А с какой стати теперь у пруда обосно-вались?

— Вон ты что, Господи!.. — качнулся вперёд-назад Вален-тин Семёнович. — Ну, ты даёшь! Моей Парижской Комму-ны семь лет как нет! В том самом пожарном две тысячи деся-том в июле отполыхала она...

— Вместе с соседними Братками и Забугорьем, — встрял Эдька. — Это был наш огненный «чернобыль».

— И осталось от нашего «Парижа» восемьдесят семь гек-таров пепелища!.. — горько поморщился Валентин Семёно-вич. — А по ним, как могильные памятники, вкривь и вкось стояли рядами кирпичные печки. Шеи свои длиннющие к небу осиротело вытянув. Глядеть на это без слёз было невоз-можно.

Корнилов зубами скрипнул, будто кусок стекла во рту рас-кромсал.

— Но я сорок родных гектар у района так-таки отвоевал... Правда, дорогой ценой. Но ведь моя земля, родная! Кто ещё за неё заступится?

— Что же вы там посеяли на погорелье? Пшеницу? Свёклу? Или может быть сою?

— Ты ещё скажи — амарант розовый...

Все вокруг как-то неожиданно, напряжённо замолчали.

— А поедем поглядим?.. — вдруг сдержанно усмехнулся Валентин Семёнович. — Эдька, заводи «зверя»!

И торжественно добавил:

— И подай мне мою дембельскую фуражку! Парад буду принимать!

«Зверем» оказался, конечно же, не его отцовский вермахтовский мотоцикл «Сахара», наконец ставший экспонатом райцентровского краеведческого музея, а японский квадроцикл. Техника, похожая на помесь мини-трактора с гоночным автомобилем.

Когда прыгнул квадроцикл с места, Эдька на всю громкость врубил свою любимую песню «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз!!!»

Под неё и неслись мы напролом, со свистом, ломая ветки. Выскочили с рёвом на бугор, и тут Эдик резким вывертом руля заставил машину встать, будто вкопанная.

Внизу холма на былом погорелье раскинулся шеренгами, точно в строю навывтяжку, молодой голенастый сад. Весь в переливах вызревших, ало блистающих яблок, будто накрыл его закатный розовый туман.

— Не смог я на месте родного села пшеничку или подсолнух сеять... Или ту ж кукурузу Никиткину... — строго проговорил Корнилов. — Долго маялся: так что тогда? И вдруг сад захотел! Всей душой вспыхнул... И чтобы яблоньки одним сортом были — «комсомолка»... Как дома у нас когда-то. При отце да матушке.

— А знаете, как батя поначалу назвал свой сад?! — прыснул Эдик, подмигнув мне. Выждал мгновение с приоткрытым ртом, с которого вот-вот должно было сорваться имя. — Эдем! Вроде того, райского!

— Нечего языком трепать! — нахмурился Корнилов. — Езжайте взад водку пить. А я пока здесь посижу. Солнышко садится. Пожелаю ему доброго пути.

Мы забрались на квадроцикл, лохматый от чернозёмной грязи вперемешку с ветками и травой.

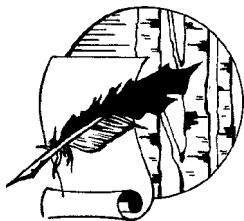
— Только по-батиному не вышло. Не прижился в народе его «Эдем», — хохотнул Эдька и уже в крик объявил через дерзкий рык «зверского» мотора:

— Люди сами переименовали сад!!! Тресвятским!!! Так наше «парижское» село до революции называлось! И пристало! Крепче крепкого!

Я вдруг оглянулся. Будто окликнул кто-то меня.

Корнилов старший стоял спиной к нам. Весь вдохновенно напряжённый, по-армейски подтянутый. Его правая ладонь в строгом соответствии с Уставом строевой службы была чётко, торжественно приложена к голове. Ни дать, ни взять, «батяня-комбат» на вечерней поверке на большом плацу. Как Эдька мне потом объяснил, такой отныне у его отца ежевечерний ритуал установился. Валентин Семёнович в любую погоду на этом холме шепотком называет фамилии коренных тресвятцев. Но длится такая переключка недолго: их всего ничего — Дорохины, Корниловы, Тарасовы, Лымари и тож Малютины, ни разу здесь ещё не упомянутые — помещик Георгий Иванович, он же генерал, тайный советник и жена его, немка обрусевшая, Ольга, в девичестве Цвингер, которая после смерти мужа уехала в Париж к тётке. Они оба остались в памяти здешних старожилов своей справедливостью и заботой о мужике. Похоронили старика Малютина перед Первой мировой по-завещанному возле сельской церковки у трёх тополей. Только не обошлось это без огорчительности: в гробу лежал Георгий Иванович одетый очень богато, так что лихие люди, не откладывая, на следующую ночь могилу расчурчили. Антихрист вызревал в стране...

г. Воронеж

Сергей ПАНФЁРОВ

ПАМЯТЬ ВОДЫ

* * *

Митрополиту Тихону (Щевкунову)

Горит свеча
неугасимая,
и колокольный
слышен клич...
Не объяснить
необъяснимое
и Тайны вечной
не постичь.

Хранит незыблемая
ризница
и чувств, и мыслей чистых
взлёт,
но к Тайне лишь
душа приблизится,
а разум Тайну
оттолкнёт.

И потому
в напрасном рвении
и пустословном
кураже
не трону хладным
рассуждением
то, что ниспослано
душе.

* * *

Шёл вдаль, грешил,
вставал и падал,
во всём искал
своё зерно...
За те мытарства,
как в награду,
я понял ясно
лишь одно.

Когда душа
молитвы просит —
не откажи ей
в просьбе той,
и напоит
святая просинь
тебя
живительной водой.

А позовёт душа
с порога
идти в скитаниях
земных —
то знак:
она узрела Бога.
Не стань преградой
для них.

ИЗ ДЕТСТВА

Свой канон отпели птахи,
Лес обрёл угрюмый вид,
И пеньки, как будто плахи,
На которых время спит.

Чёрный плат июльской ночи
Звёздный выкрасил горох.
Угольки костра стрекочут
О бескрайности дорог.

Зорко всматриваюсь в вечность —
Память детская остра.
Улетает в бесконечность
Дым отцовского костра...

ПАМЯТЬ ВОДЫ

Кровь Земли — вода живая —
Катит по сосудам рек.
Пьёт её изгнанник рая,
Бесприютный человек.

И приемлет с той водою
Всё людское естество —
Неразрывное, земное,
Родниковое родство,

Как святое причащенье,
С детско-юношеских лет —
Прорастанье, превращенье,
И вращание в завет.

Потому всегда так зримы
Детства речки и пруды,
Что живёт в нас негасимо
Память принятой воды.

ДЕРЕВНЯ

Травы, травы. В пояс — травы.
Сена выйдет сто стогов.
Но иные нынче нравы —
Не найти в селе коров.

Куры квохчут под крушиной,
В двух дворах собачий лай,
По команде петушиной
Солнце льётся через край.

Рыбачёк у речки дремлет
Под жужжание стрекоз...
Ты жива ещё, деревня
Мне знакомая до слёз.

Всё стоишь, от жизни горбясь,
Опираясь на клюку,
Растеряв былую гордость
На проторенном веку.

Меришь взором километры —
Одинокая вдова.
И смиренно шепчешь ветру:
«Слава Богу, что жива».

* * *

— Куда идёшь, Россия,
Листая новый век? —
Давно хочу спросить я,
Пытливый человек.

Ветрам подставив спину,
Глядишь ты на закат.
— Ты правда так едина,
Как нам гласит плакат?

Ты правда веришь в чудо,
Забыв про блеск седин,
Что впредь едины будут
Батрак и господин?

Неужто так наивна
Ты стала за века,
И веришь, что безвинна
Лукавого рука?

Молчишь, страна родная,
И в ножны прячешь нож...
Что ж, доживу — узнаю:
Куда же ты идёшь.

ВОКРУГ КРЕМЛЯ

Разухабилась дорога.
Распоясались поля.
И земли и неба много
Собралось вокруг Кремля.

И народ собрался кряду
Добрый, но не без греха:
Станет пить, так до-упаду,
Станет петь — порвёт меха.

С виду вроде работающий,
Героический народ.
Не безбожный, не пропащий...
Что ж ему так не везёт?!

* * *

Дождь за окном
свои сказанья шепчет.
Ещё темно,
мир сном глубоким смят.
Тихонько встану,
заварю покрепче
цейлонский чай,
пока родные спят.

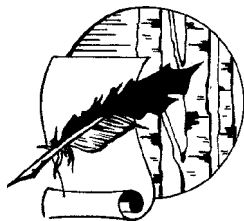
На кухне сяду
за столом простецким,
достану ручку,
чистые листы
и буду выводить,
слегка по-детски,
простые строчки.
Так ли уж просты?..

Расскажет дождь
мне про свои скитанья.
Споёт рассвет
одну из тех былин,
что пел Боян
в начале мирозданья,
до появления
атомных седин.

До измов,
революций
и до многих,
сегодня
выдвигаемых идей.
До появления
нанотехнологий
сплошной
роботизации людей...

Я буду слушать дождь
и песнь рассвета.
И над строкою новой
ворожить.
И вдруг пойму —
ещё жива планета.
И дай ей Бог
во здравии пожить!

г. Кораблино Рязанской обл.

Андрей ФРОЛОВ

Фролов Андрей Владимирович родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время — руководитель орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений и сборника рассказов. Произведения публиковались в альманахах «Поэзия», «Невский альманах», журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Бийский вестник» и др. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды», «Белуха» имени Г. Гребенщикова, имени Н. Гумилёва, «Ладога» имени А. Прокофьева. Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

РОДИНЫ УСТАЛЫЕ ГЛАЗА

* * *

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
Совсем не осталось коров,
Да и от деревни всего-то —
Двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
С колодезным журавлём:
— Помрём-то когда же, скажите?
Ведь всё же когда-то помрём...

Горбатятся крыши косые,
Хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка — ведьма,
Мол, ей и сглазить — плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи — не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом, жгучее крапивы,
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым-бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде —
Пропадут понапрасну труды, —
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
Караулит бессонную реку...
Улыбаются звёзды ему.

* * *

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив — так, на всякий случай, —
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там, укутан в покрывало,
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
— Не таскайте,
пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу.
Сестре — с капустой,
С мясом — папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит в доме мир и лад!

Забил к Покрову
последний гвоздь.
Приладил двери
и вытер пот:
— Ну, кто не верил?
Глядите — вот..
Присел в сторонке
и вдруг... чихнул.
Как о приёмке
акт подмахнул.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны —
Просто диво как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна —
Мол, коту под хвост труды, —
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё страшит пацанву:
— Вот ужо, кого споймаю —
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
— Дурна старуха —
Нешто слопать всё одной?

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах —
Отчаянно печи чадили в домах,

И в каждой четвертой по счету печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
— Спаситель воскрес!..

СЪЁМКИ

Глухое рывканье мортир,
Дым в поле, как стена...
Снимают фильм «Война и мир» —
Сейчас, как раз, война.

Гороховецкий полигон
Теперь — Бородино.
Наш взвод в массовку приглашён...
Такое вот кино!

На десять дней ворвался свет
В армейский серый быт!..
Жаль, во француза я одет
И должен быть убит.

Красиво падать учит нас
Известный каскадёр.
И вот грохочет, как приказ:
«Внимание! Мотор!»

Кино — серьёзная игра:
Бежим в атаку, но
Лихое русское «ура»
Кричать запрещено.

Штабной московский генерал
Безмерно горд за нас,
А я бы русского играл
Правдивей в десять раз!

* * *

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.

По моей судьбе промчалась конница —
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

* * *

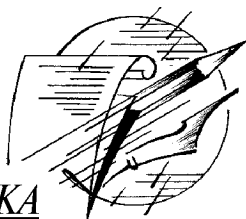
Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почуяли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры...
И судачат старики:
— Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки...

ЗАПАД ПРОТИВ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Хорошо известно, что Великая Отечественная война была самой страшной войной во всей мировой истории — как по количеству жертв, так и количеству ее участников. Также хорошо известно, что наибольшие потери в этой войне понесли именно народы СССР, причем не менее половины этих потерь составило гражданское население. Тем самым, эта война носила характер целенаправленного геноцида русского и других народов исторической России со стороны нацистской Германии и ее многочисленных европейских союзников (а последние по численности составляли почти четверть всех войск, действовавших против Красной Армии). Более того, в случае победы агрессоров в соответствии с планом «Ост» предполагалось организовать многократное сокращение населения европейской части СССР с целью колонизации ее немцами, причем некоторые территории — Западную и Южную Украину, Прибалтику и Крым — предполагалось полностью «зачистить» от местного населения и заселить немцами. (А украинских, прибалтийских, татарских и прочих нацистов гитлеровцы собирались использовать лишь как наемных килле-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ров, и после исполнения ими своей черной «работы» — просто ликвидировать. Но их современные безграмотные последователи этого даже не знают — они наивно думают, что С. Бандера боролся за «независимость Украины», а на самом деле он был обычным наемным убийцей собственного народа.)

Этим определяется вся колоссальность этого события для нашей исторической памяти. Именно в событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно свято помнить и хранить навсегда. К сожалению, историческая память большинства людей угасает в течение всего нескольких поколений, и тогда становится возможной самая бессовестная манипуляция с исторической памятью, подмена реальной истории лживыми мифами. В настоящее время это происходит не только на Украине, где неонацистские мифы усиленно внедряются даже в школьные учебники, но и в Европе, где трактовка событий Второй мировой войны также уже во многом начинает повторять тезисы министра пропаганды третьего рейха Й. Геббельса.

В основе современной западной псевдоисторической мифологии лежит тезис о том, что якобы в Великой Отечественной войне столкнулись «два вида тоталитаризма» — фашизм и сталинизм. В частности, 1 июля 2009 г. комитет так называемой «Парламентской ассамблеи ОБСЕ по демократии» принял резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой прямо уравниваются нацизм и «сталинизм». Однако слово «сталинизм» здесь рассчитано на наивных людей и поэтому никого не должно вводить в заблуждение — речь здесь идет вовсе не о «режиме», а именно о нашей стране, подвергшейся нападению отнюдь не только германского нацизма, но, по сути, почти всей объединенной Европы. Зачем это понадобилось в настоящее время — совершенно очевидно: Европу весьма беспокоит возрождение нашей исторической памяти, которое активно происходит в России. Если уничтожить нашу историческую память, то Россия станет послушной марионеткой Запада, его нищим «сырьевым придатком». Ведь силы для сопротивления народ всегда черпает в исторических примерах — а если эти примеры оболганы и забыты, тогда у народа не остается никаких смысловых ресурсов для отстаивания своей цивилизационной суверенности. Но если эта память возродится, то мы снова будем способны на самостоятельное развитие во всех сферах жизни. Именно поэтому великое прошлое нашей страны и стараются оболгать, навешивая на него ярлык «сталинизма». В этом состоит особая технология обмана, основанная

на логической ошибке, которая называется *qui pro quo* — «одно вместо другого». В данном случае Великая Отечественная война, в которой наш народ боролся за выживание против европейских агрессоров, которые хотели его уничтожить, ныне западными идеологами лицемерно подменяется совсем другими понятиями — «борьбой двух режимов».

В ответ на такую лицемерную подмену понятий всегда стоит отвечать простым и ясным тезисом: *режим, который существовал в России в 1941—1945 годах вообще не имеет никакого отношения к сути той войны, в которой наш народ отражал внешнюю агрессию и боролся за жизнь*. Режим мог быть какой угодно — сталинский, царский или самый демократический, но суть той войны была бы та же самая, поскольку от «режима» она никак не зависит. А если уж европейцы так обеспокоены проблемой «режимов», то пусть они тогда сначала объяснят, почему это большая часть Европы в то время имела фашистские режимы и была союзником Гитлера? Очевидно, что современные европейские политики и идеологи явно действуют согласно известной поговорке о том, кто кричит «Держи вора!». Кричит сам вор для того, чтобы отвлечь от себя внимание. Так и современные европейцы очень старательно пытаются скрыть и заставить забыть тот факт, что большинство стран Европы были фашистскими и были союзниками Гитлера в войне против СССР. (В том числе даже и Франция, которая затем формально оказалась в числе победителей, однако режим Виши поставлял Гитлеру огромное количество стратегических ресурсов, без которых тот просто не смог бы вести войну, а также десятки тысяч добровольцев на фронт.) Именно это желание скрыть свое фашистское прошлое и прислужничество Гитлеру — в первую очередь и движет современными европейскими политиками. Второй причиной их лицемерных заявлений является дискредитация современной России, которую пытаются изобразить «наследницей сталинизма».

В ответ на упомянутую резолюцию глава российской делегации в ОБСЕ, замглавы комитета Госдумы по международным делам Александр Козловский тогда заявил, что «отождествление нацизма и победившего его сталинского строя является извращением истории». «Те, кто ставят на одну ступень нацизм и сталинизм, забыли, что именно сталинский Советский Союз понес самые большие жертвы и внес наибольший вклад в дело освобождения Европы от фашизма», — указал он. В этих крайне дипломатичных выражениях Европе напомнили лишь элементарные вещи, которые должен был бы знать каждый школьник. Но, к сожалению, через эти «дипломатичные» слова невозможно было выразить самое главное. Во-пер-

вых, не был упомянут тот факт, что агрессия против СССР — это дело рук всей Европы, создавшей Гитлеру все условия для агрессии на восток. Вторая мировая война формально началась 1 сентября 1939 года, но реально она началась уже 30 сентября 1938 г. после так называемого Мюнхенского соглашения, которое подписали руководители Англии и Франции Н. Чемберлен и Э. Даладьё с Гитлером и Муссолини, разрешившее Гитлеру оккупировать Чехословакию (как уже до этого ему разрешили оккупировать Рейнскую область и Австрию в нарушение всех международных договоров).

Польша, как известно, тоже участвовала в оккупации Чехии, то есть начинала войну как агрессор и фактический союзник Гитлера, но потом сама же и стала его первой жертвой. Польша была самым подлым образом предана своими союзниками — Англией и Францией, которые по договору обязаны были предоставить ей большую военную помощь и начать военные действия на западе, но не сделали ни того, ни другого. Однако вместо англофобии и франкофобии, которая была бы естественной реакцией на это историческое предательство, в современной Польше пропагандируется русофобия на уровне государственной политики. Откуда такое странное раздвоение сознания? Оно обусловлено тем, что Польша является страной, не имеющей собственного мнения и полностью подчиненной идеологии, которую навязывает ей коллективный Запад. А обвинения в том, что СССР якобы «оккупировал Польшу вместе с Гитлером» являются откровенной ложью и невежеством. Во-первых, Красная Армия вошла только на территории западной Украины и западной Белоруссии, оккупированные Польшей в 1920-м году, а вовсе не на этнические польские территории. Во-вторых, она вошла только после того, как Польша уже была ликвидирована как государство и оккупирована Гитлером. Поэтому со стороны Польши никаких претензий ни к СССР, ни тем более к современной России не может быть в принципе. Тем не менее столь абсурдные претензии там внушаются уже на уровне школьного образования. Вместо этого полякам стоило бы вспомнить, какое их количество служило Гитлеру в качестве добровольцев.

В настоящее время актуализировалась тема общих причин Второй мировой войны, поскольку эту тему Запад пытается использовать для ведения идеологической войны против современной России. Европа стремится дезавуировать свое фашистское прошлое путем лицемерного перекладывания ответственности на СССР. При этом ее гореполитики обычно ссылаются на тот факт, что в марксистской идеологии была заложена цель «мировой революции», то есть рас-

пространения советского строя на весь мир. Однако почему-то забывают о том, что и идеология коллективного Запада точно так же имела глобалистские притязания — и в этом смысле точно так же стремилась к мировому господству, как и марксисты. Почему же тогда в развязывании войны обвиняется СССР, который стал жертвой коллективной агрессии Запада, а не сам Запад, взрастивший Гитлера и создавший ему все условия для агрессии против СССР? Это — очевидное, обычное для современной Европы лицемерие, рассчитанное на людей невежественных в истории. При этом известно, что Гитлер был приведен к власти именно с целью войны против России (сам он всегда говорил только о России и русских, никогда не употребляя слово «СССР») и «завоевания жизненного пространства на востоке». Приведен он был к власти путем очевидного заговора немецкой олигархии, за которой стояла олигархия мировая. Гитлеровская партия не имела большинства в парламенте, ее поддержка у избирателей уже начала быстро падать, но в последний момент президент Гинденбург своим волевым и, по сути, незаконным решением назначил Гитлера канцлером.

Как мировая финансовая олигархия и ведущие страны Запада привели Гитлера к власти в качестве главного «тарана» для уничтожения России — очень хорошо изучено во множестве исследований и давно не составляет секрета. Из последних работ на эту тему достаточно упомянуть популярную, но по глубине анализа исторического процесса намного превосходящую большинство академических исследований этой темы книгу Н.Старикова «Кто заставил Гитлера напасть на Сталина?» До сих пор большинство людей продолжают воспринимать новейшую историю в рамках модели борьбы национальных государств и их коалиций между собой. На самом же деле эта борьба давно уже стала полностью управляемой силами более высокого порядка. С того времени, как в XIX веке сформировался мировой рынок с мировыми деньгами и единым мировым финансовым центром силы, мы имеем дело не со спонтанной борьбой разных государств между собой, а с управляемым из этого центра процессом войны (в разных ее формах) консолидированного Запада против всего остального человечества с целью его подчинения интересам глобальной финансовой олигархии. Хотя внешне всё выглядит по-прежнему как борьба разных государств, однако эти процессы полностью управляемы и контролируются «хозяевами мировых денег», находящимися в разных странах Запада, но имеющими единый центр принятия решений, который в настоящее время полностью пе-

реместился в США. Когда разные страны Запада воюют между собой, как это было в Первую и Вторую мировые войны, это не значит что Запад разделится, — нет, просто разные его страны играют разные, заранее прописанные роли в войне Запада против остального мира. Мы имеем дело с управляемой историей, однако это управление всегда основано на обмане тех, кем управляют.

Началом установления мировой диктатуры финансовой олигархии было принятие в 1816 году Британской Империей золотого стандарта в денежное обращение. Ротшильды к этому периоду уже контролировали основную часть золотых запасов Банка Британии, они и зафиксировали цену золота. Принятие любой страной золотого стандарта означало, что денежная система данной страны вставала под контроль Банка Британии, а значит и Ротшильдов, т.е. напрямую становилась зависима от лондонских посредников по продаже золотых слитков. В 1864 году Россия получила крупный займ, предоставленный британскими Ротшильдами, и у нее появился первый коммерческий кредитный банк. Однако после проведения реформы бюджетный дефицит только увеличился. Для покрытия долга перед Ротшильдами в 1867 году Россия вынуждена была продать Аляску Соединенным Штатам Америки за 7,3 млн. долларов. Незадолго перед этим во время гражданской войны на Североамериканском континенте Ротшильды уже четко отработывали технологию «управляемого хаоса» и искусственно разжигаемых гражданских войн, которую мировая олигархия затем будет успешно применять по всему миру: они финансировали обе воюющие стороны, зарабатывая и на тех, и на других: лондонский банк Ротшильдов давал деньги армии Севера, а парижский банк — армии Юга.

Насколько Россия уже тогда попала в сети мировой финансовой олигархии, хорошо показывает история, описанная А.Герценом в мемуарах «Былое и думы» в разделе с издательским названием «Император Джеймс Ротшильд и банкир Николай Романов». Герцен обманном путем продал Ротшильду свои ценные бумаги, которые были недействительны, поскольку в России находились под арестом по решению суда. Однако Ротшильд, узнав об этом, не только не вернул их Герцену, но наоборот, потребовал от России произвести все выплаты по этим незаконным бумагам. И тогда, как пишет А.Герцен, нагло издеваясь над русским царем, «петербургский 1-й гильдии купец Николай Романов, уstraшенный конкурсом и опубликованием в «Ведомостях», уплатил, по высочайшему повелению Ротшильда, незаконно задержанные деньги с процентами и процентами на проценты,

оправдываясь неведением законов». В результате этого акта А. Герцен попал в финансовое рабство к Ротшильду и фактически стал первым «власовцем», предавшем Родину во время войны. Он писал прокламации для разложения Русской армии во время Крымской войны и на деньги Ротшильда издавал в Лондоне журнал «Колокол», который ввозился нелегально в Россию с целью подрыва государственного строя и морального разложения русской элиты.

Правительства стран, еще сохранявших независимость, вовлекались в войны, а затем свергались с помощью заговорщиков; затем заговорщики оставались без поддержки своих бывших хозяев и уничтожались следующими, заранее подготовленными заговорщиками, и т.д. Это не «теория заговора», это конкретика исторического процесса, которую невозможно скрыть. Так называемые «заговоры» — это лишь «инструмент» разрушения государств, а не движущая сила истории. Движущей силой истории с середины XIX века являлся мировой рынок и управлявшая им мировая олигархия. Силой, которая им противостоит, являются пока еще суверенные цивилизации, в том числе и цивилизация Русского мира. Борьба этих двух сил и определяет ход исторического процесса в течение последних полутора веков.

Эту новую сущность всемирно-исторического процесса первым в мире открыл великий русский ученый и философ Н.Я. Данилевский в своей гениальной книге «Россия и Европа» (1869). Стоит лишь удивляться его прозорливости — ведь книга была написана именно в тот момент, когда только-только сложилась новая расстановка мировых сил. На Западе в это же время на заказ мировой олигархии была создана теория «классовой борьбы», целью которой была маскировка войны цивилизаций под видом войны социальной. Кроме того, теорию Маркса предполагалось использовать для внедрения и пропаганды в тех странах, которые Запад стремился разрушить с помощью социальных революций. Маркс и Энгельс оставили много свидетельств своей нескрываемой русофобии во многих работах и письмах. С их точки зрения, Россия и другие славянские народы являются главными врагами «прогресса», т.е. Запада, и поэтому подлежали уничтожению — Россия как государство, а некоторые славянские народы Европы, по Энгельсу, — даже и геноциду. Тем самым Маркс и Энгельс, сами не желая того, «проболтались» и лишь подтвердили открытие Н.Я. Данилевского. Русский гений видел неизбежность попытки Запада уничтожить Россию и в целом «славянский культурно-исторический тип» как ближайшего геополитического конкурента, мешающего Западу осуществ-

лять свою глобальную экспансию. Среди суверенных цивилизаций земного шара, которые Запад планировал уничтожить и поставить под свой полный контроль, Россия стояла первой как ближайший сосед, сохраняющий в себе принципы христианской цивилизации. Н.Н. Страхов писал Вл. Соловьеву: *«Когда Данилевский говорил о грядущей борьбе между двумя типами, то он именно разумел, что Европа пойдет нашествием еще более грозным и единодушным. Возьмите дело с этой стороны. Перед взорами Данилевского в будущем миллионы европейцев с их удивительными ружьями и пушками двигались на равнины Славянства; давнишний Drang nach Osten действовал, наконец, с полною силою и заливал эти равнины огнем и кровью. Он видел в будущем, что его любезным славянам предстоят такие испытания, такие погромы, перед которыми ничто Бородинская битва и Севастопольский погром. И он взывал к мужеству, к единодушию, к твердой вере в себя, и он надеялся, что если мы будем так же уметь жертвовать собою, как жертвовали до сих пор, то мы выдержим и отразим этот напор Европы, что мы отстоим себя, а если отстоим, то, значит, и зацветет новой жизнью».* Эти пророческие видения Н.Я. Данилевского уже рисовали нам будущую картину и войны 1914—1917 годов, и Великой Отечественной войны.

Решающим событием в становлении новой мировой системы стала Первая мировая война, целью которой было уничтожение государств, до того времени еще не подчинявшихся «хозяевам мировых денег» и сохранявших реальный суверенитет. Это были Империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская, а также Франция в качестве великой державы. Официальная мировая пропаганда, естественно, изображала это уничтожение как «победу прогресса» над «отжившими монархиями», однако реальная цель была совсем другой. Уничтожение этих последних суверенных государств привело к их распаду на множество марионеточных режимов, полностью зависимых от их финансовых хозяев с Уолл-Стрит.

Ученых и мыслителей, которые видят этот реальный процесс, всячески высмеивают, приписывая им некую мифическую «теорию заговора». На самом же деле не существует никаких «теорий заговора»; заговоры — это не теория, а практика создания «управляемого хаоса» в странах, которые уничтожают с помощью акций спецслужб и предателей, внешне изображая это как «народные революции». А затем ликвидируют и самих заговорщиков — как это обычно делают с наемными убийцами — если не физически, то как политическую силу. А академических историков приучают больше всего на свете бояться мифических «теорий заговора», к числу

которых *de facto* относят всё, что выходит за рамки внешней картинки событий, создаваемой наемными журналистами. Тем самым, если историк хочет считаться «настоящим ученым», то он должен мыслить исключительно на уровне «читателя газет» (М. Цветаева), а также ссылаться на некие «объективные законы истории», которых он сам не знает. А исследователей, способных на анализ скрытых причин и действующих факторов исторического процесса (что и делает историю наукой), ныне через либеральные СМИ объявляют «нерукопожатными».

К чести России, у нее всегда было достаточно подлинных ученых и мыслителей, способных видеть сущность истории и ее скрытые движущие силы. Среди новейших примеров можно упомянуть доктора юридических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Д.А. Шестакова, который ввел термин «глобальная олигархическая власть» (ГОВ), обозначающий «неформальную и нелегитимную власть мировой олигархии», скрытно управляющую миром путем установления контроля с помощью финансовых рычагов над законными правительствами. Этот термин был предложен им 27 июня 2014 года на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба в рамках его доклада «Криминологическая теория революций», а обоснование концепции мировой криминально-олигархической власти было сделано им еще раньше в работе «Планетарная олигархическая преступная деятельность». Только такой уровень анализа мировых процессов позволяет понимать подлинные причины исторических событий XX века, в том числе двух мировых войн.

В XX веке войны, особенно мировые, — это в первую очередь бизнес-проекты, которые приносили колоссальные сверхдоходы «хозяевам мировых денег», финансировавшим в равной степени обе воюющие стороны. Это доходы на смертях миллионов людей, которые заранее планировались с поистине сатанинским цинизмом. Только ради этого стравливались народы и гибли миллионы людей! Таковы были подлинные причины всех войн XX века, лицемерно замаскированные под «защиту национальных интересов».

В Российской империи тоже были свои олигархи, жаждавшие подзаработать на крови (Рябушинские и К^о — именно они потом и совершили государственный переворот в феврале—марте 1917-го). Но именно как государство Российская Империя тогда была единственной, кто до последнего сопротивлялся планам режиссеров «мировой закулисы» (И.А. Ильин). Царь шел на все возможные и невозможные уступки Германии, однако был загнан в безвыходное положение —

поскольку уклонение от войны быстро привело бы к тому, что после поражения Франции и Сербии Россия осталась бы без союзников одна перед лицом неизбежной агрессии трех империй — Германской, Австро-Венгерской и Османской, и чем могло бы для нас закончиться столь страшное нашествие, трудно себе представить. Царь принял единственно правильное решение спасти Францию, но всё уже было срежиссировано даже с учетом будущей победы России. Когда в начале 1917 года Россия вместе со своими союзниками по Антанте стояла на пороге близкой великой победы, заранее подготовленные заговорщики совершили государственный переворот и начали процесс развала армии. Ведь пока сохранялась православная монархическая власть, политика России в первую очередь определялась религиозно-нравственными принципами, а не чьими-то корыстными интересами. И именно поэтому российские олигархи, пользуясь покровительством своих западных кураторов, столь активно финансировали и организовывали свержение монархии — для того, чтобы захватить страну и получить ее в полное распоряжение своим корыстным интересам. Но их, как это всегда делается, западные хозяева обманули и оставили на растерзание еще более радикальным «революционерам». Заговорщиков, как и наемных убийц, всегда в конце концов ликвидируют их бывшие хозяева — таков главный закон современной «управляемой истории». Точно так же они потом поступили и с Гитлером, когда он уже выполнил свою роль.

Россия была лишена плодов победы, хотя среди всех стран внесла в нее самый большой вклад, а вместо этого получила разруху Гражданской войны. Заговорщики февраля 1917-го были обмануты своими западными хозяевами, которые им на смену уже готовили новых заговорщиков, а значит, и неизбежную и страшную Гражданскую войну. Впрочем, западные хозяева очень хорошо понимали, что кто бы ни пришел к власти в ходе Гражданской войны, любая новая власть в любом случае начнет восстанавливать великую страну. Эта роль выпала на долю большевиков, довольно быстро отказавшихся от своей теории, которая предполагала ликвидацию государства как такового (а также армии, товарной экономики, семьи и т.д.), и очень скоро начавших восстанавливать все структуры бывшей Российской империи, включая и саму власть фактического монарха. Но как только они достигли в этом больших успехов, режиссеры мировых событий сделали новый, заранее просчитанный шаг — начали восстанавливать «великую» Германию для новой войны против России. В 1933 году в Германии была приведена к власти заранее

подготовленная на деньги немецких и мировых олигархов политическая сила с самой радикальной идеологией «завоевания жизненного пространства на востоке», то есть уничтожения России как государства и геноцида русского народа. Эта идеология нисколько не смущала лидеров так называемых «свободных стран», которые по плану отдали ему ровно столько стран Европы, сколько ему было нужно для обеспечения ресурсами и подготовки к войне против СССР. В 1938 году американский журнал «Time» объявил Гитлера «человеком года», выражая мировое «общественное мнение», подконтрольное олигархам Запада.

Как и Российская империя в 1914-м, СССР в 1941-м был единственной в мире страной, которая не имела никакой выгоды от войны, которой война была не нужна, но которая вынуждена была защищаться от агрессии Запада. Эта преемственность ситуаций показывает тот цивилизационный характер войны, впервые открытый и предсказанный Н.Я. Данилевским. Не важно, какой политический строй в России — царский или советский — Запад одинаково будет стремиться уничтожить ее именно как Россию — своего главного геополитического конкурента. Все те преступные методы геноцида, которые Гитлер применял на захваченной территории СССР, вовсе не были его изобретением, но были им позаимствованы из богатого опыта других «прогрессивных европейских стран». В частности, концлагеря были изобретены англичанами еще во время англо-бурской войны, а на территории Европы их применили австрийцы в Терезине и Талергофе, где во время Первой мировой войны ими массово уничтожались галицкие русины, не хотевшие признавать себя «украинцами» и свято хранившие свое русское имя (именно здесь начинается история преступлений и украинских нацистов, которые отдавали на расправу русинов как «предателей Австрии»).

Но главное злодеяние, которое Гитлер готовил на территории СССР, известное нам по плану «Ост», было изобретено не в Европе. Эта технология массового истребления коренного населения и захвата его территории завоевателями — это изобретение американское, и на нем вообще основано возникновение США как государства. В основе плана «Ост» лежал пример истребления населения целого континента и создания на его костях «самого свободного общества». Кроме того, американцы истребили при перевозке из Африки не меньшее количество захваченных там рабов — и именно на этом злодеянии сделали свой основной капитал Ротшильд и К° — будущие хозяева Уолл-Стрит и «мировых денег». Гитлер просто хотел повторить тот геноцид, которые устроили аме-

риканцы, только теперь в роли «индейцев» должны были оказаться русские. Ему было у кого учиться.

В книге «Моя борьба» Гитлер также вовсе не оригинален в своих идеях и лозунгах — он всего лишь пересказывает в популярной форме основные положения двух известных расовых теорий, появившихся во второй половине XIX — начале XX века. И их авторы — вовсе не немцы, а француз Ж.-А. Гобино и англичанин Х.-С. Чемберлен. Эти теории давали «чистокровным» и «избранным» немцам надежду на будущее, внушали оптимизм, но при соблюдении определенных расовых законов. Обе расовые теории активно использовала официальная государственная пропаганда пангерманизма и национализма в Германии в период Первой мировой войны. Поэтому население Германии восприняло гитлеровскую пропаганду как нечто давно знакомое и привычное.

Нужно помнить, что такое антихристианское представление о своем «расовом» превосходстве над всеми другими народами изначально лежит в основе европейского духа, и хотя его сейчас усиленно подавляют идеологией «мультикультурализма», оно лежит в исторической основе европейского мышления как такового. На протяжении веков европейцами были только те, кто воспринимали всех не-европейцев как «людей второго сорта». Прямо это могло и не высказываться, но всегда подразумевалось. В частности, в основе русофобской пропаганды, начавшейся в Европе во времена Ивана Грозного (она и создала все мифы об этом царе, бытующие до настоящего времени), было отнесение русских к числу «азиатов», «татар» и т.п. Этого уже было достаточно для того, чтобы не считать их за людей и относиться к ним соответственно. Поэтому Гитлер в этом отношении — просто верный наследник Европы и не более того.

Увы, на протяжении всей своей тысячелетней истории Русь и Россия были объектом агрессии Запада — цивилизации, всегда воспринимавшей окружающие ее народы исключительно в качестве потенциальных колоний и объектов эксплуатации. Уже 1000 лет назад, в далеком 1018 году князь Святополк, прозванный «Окаянным», — убийца своих братьев, первых русских святых Бориса и Глеба, — привел на Русь оккупантов-поляков. Поляки же, посадив «своего» князя во власть, встали гарнизонами по городам, рассчитывая сделать Русь своей вотчиной. Но вскоре сам обиженный ими Святополк поднял восстание, истребившее оккупантов. И потом на протяжении многих веков Русь многократно стояла на краю гибели при нашествиях с Запада, но выстояла лишь чудом народного подвига и чудом помощи свыше.

В XX веке Гитлер, приведенный к власти на деньги мировой финансовой олигархии, должен был лишь исполнить многовековую мечту Запада: наконец-то сделать Россию колонией. Ради этого ему было позволено всё — ему почти без боя отдали всю Европу, за исключением Англии, лишь бы он собрал максимум сил для похода на восток. Под его знаменами снова собрался сброд со всей Европы: от Испании до Галиции, от Италии до Норвегии — все, кто хотел пограбить и сделать себе карьеру на истреблении «русских варваров». Агрессия против СССР — это дело рук всей Европы, создавшей Гитлеру все условия для агрессии на восток. Но Русь, стоя на краю гибели, вновь победила.

Судя по реальным действиям Запада в то время (а не по лицемерным заявлениям его политиков) изначальный план мировой олигархии — хозяев Гитлера — предполагал поражение СССР в войне. Тогда зачем же столь талантливый актер в роли премьер-министра Британии У. Черчилль так пламенно говорил о поддержке России уже 22 июня 1941 года, хотя до этого всегда был ее непримиримым врагом? Британские военные эксперты все в один голос говорили ему, что СССР будет разгромлен в течение двух месяцев, — то есть были полностью согласны со своими гитлеровскими коллегами. Тогда почему же они стали на сторону СССР и к их позиции присоединились США? Привычный, ложный и наивный ответ на этот вопрос состоит в том, что Британская империя страшно боялась высадки Вермахта на острова и увидела в СССР едва ли не свое единственное спасение. Этот привычный миф не выдерживает никакой критики. Как известно, после разгрома Франции в 1940 году Гитлер непрерывно и притом публично предлагал Британии заключить мир, что естественно, поскольку Германия не хотела воевать на два фронта, — но Британия всегда отвергала эти предложения, желая продолжения войны! Уже в явном отчаянии Гитлер послал в Британию своего ближайшего помощника Р. Гесса, демонстрируя стремление к мирным переговорам, но всё было бесполезно. **Британцы были непреклонны в своем желании войны.**

В чем же дело? На самом деле Гитлер никогда не собирался высаживаться на Британские острова, и все «планы» на этот счет были чистым блефом. Во-первых, потому что у него для этого просто не было возможностей в силу полного превосходства британского флота и невозможности подавить британскую авиацию. Налеты на Англию имели своей главной целью шантаж и были попыткой склонить ее к миру. Во-вторых, если бы ему и удалось каким-то сверхъестественным образом высадиться на островах, то эта высадка привела бы

к таким потерям, а затем потребовала бы использования такой большой части сил Вермахта, что потом собрать еще одну армию для своей главной цели — похода на восток, Германия уже просто физически не смогла бы. Тем самым, такой ход событий был просто исключен по абсолютно объективным причинам.

Но зачем британцы и американцы стали союзниками СССР? В их изначальном плане Германия побеждала СССР и выходила на линию Архангельск — Астрахань, как это и указано в плане «Барбаросса». Затем Гитлер, по этому плану, заключает с оставшейся частью СССР мирный договор по образцу Брестского 1918 года, только теперь Германия оккупирует вдвое больше территорий, чем тогда. Но что будет представлять собой оставшаяся часть СССР? Она уже не будет великой страной, но станет полностью зависимой от своих англо-американских союзников — некой полуколонией в роли «второй Индии». Именно рассчитывая на такой исход, британцы и американцы усиленно изображали из себя «союзников» с первого дня войны, хотя реальную помощь оказывать не спешили, явно рассчитывая, что она все равно пропадет зря. Помощь, и то весьма скромная, стала поступать только в 1942 году. И только в 1943-м ситуация изменилась — «союзники» поняли, что СССР устоял, войну он не проиграет, и перешли к некому плану «Б». Суть его состояла в том, чтобы победить вместе с СССР, а затем после войны диктовать свои условия обеим истощенным и разоренным странам. Этот вариант мировую олигархию тоже вполне устраивал: Германия исчезала как великая держава, а СССР должен был вступить в новую, уже «холодную войну» с коллективным Западом, которая должна была, по их расчетам, окончательно подорвать его силы и потом разрушить. Огромное превосходство во всех ресурсах позволяло Западу не бояться той самой мифической «агрессии СССР», о которой лицемерно кричала его пропаганда. А для «подстраховки» у Запада постоянно имелись свои планы агрессии, начиная с «Немыслимого» 1945 года. Таким образом, в XX веке мировая олигархия использовала своего рода стратегию «удава», постепенно истощая силы России несколькими последовательными историческими катастрофами — сначала разрушением Империи и организацией Гражданской войны; затем организацией агрессии европейской коалиции во главе с Гитлером; наконец, разрушением СССР в результате спланированной «холодной войны» и новой разрухой, которая продолжается и до сих пор. Никакая другая страна не выжила бы после подобных страшных испытаний. Как известно, Д.И. Менделеев

прогнозировал, что даже и с учетом резкого падения рождаемости вследствие урбанизации в 1950 году в России должно было проживать 282,7 млн. человек, а в 2000 году — 594,3 млн. человек. По его же подсчетам, в США к середине XX века население достигнет почти 180 млн. человек, и этот прогноз сбывается с высокой точностью, поскольку в 1959 году в США проживало 179 млн. человек. Эта огромная разница с Россией объясняется тем, что в США не было революции и войн, которые обрушились на Россию в XX веке. Сравним 594,3 млн. человек с тем количеством населения, которое сейчас проживает в России. Эта страшная разница — наши потери при отражении агрессии Запада в XX веке. Но цивилизационная война продолжается, и цели Запада не поменялись.

В ответ на современную идеологию Запада очень эффективным может быть ответный удар в виде концепции, согласно которой Вторая Мировая война — это агрессия коллективного Запада против России, существовавшей в форме СССР. Тот факт, что СССР все-таки сумел создать себе союзников на Западе, этому нисколько не противоречит, т.к. эти союзники появились только в результате пакта Молотова—Риббентропа, благодаря которому Гитлер попытался выйти из-под контроля своих англо-саксонских хозяев и начал против них войну. Но изначально Запад был един в своем желании уничтожить СССР, но этим пактом СССР сумел расколоть Запад в свою пользу — именно за этот пакт нас так ненавидят на Западе, поскольку он сломал их изначальные планы. Смешно слышать о том, что это якобы был «союз двух диктаторов», — точно такие же пакты о ненападении Гитлер еще раньше заключил с Францией, Польшей и другими странами. Фундаментальный факт состоит в том, что без пакта Молотова—Риббентропа не было бы и великой Победы. Нетрудно ведь просчитать, что наступая с линии старой границы, немцы наверняка взяли бы Москву и Ленинград, а это означало катастрофу и поражение в войне. Гитлера привели к власти с целью агрессии против России, но все вышло не так, как было изначально задумано его тайными хозяевами, — и только благодаря русской Победе. Таким образом, эта концепция заранее опровергает все возможные обвинения в адрес СССР.

Великая Отечественная война была спасением народов СССР от геноцида со стороны объединенной фашистской Европы. Великую Победу России в Великой Отечественной войне не только метафорически, но и вполне рационально, на основании исторического анализа следует назвать Днем второго рождения русского народа и всех народов СССР —

государства, в форме которого тогда существовала историческая великая Россия. Этот аспект нашей Победы становится всё более и более значимым для последующих поколений. Если бы не было великой Победы, никто из нас, ныне живущих, скорее всего, вообще не появился бы на свет. Этим определяется вся колоссальность этого события для нашей исторической памяти. Именно в событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно свято помнить и хранить навсегда. Война показала все высшие достоинства нашего народа, которые сейчас как внешняя, так и внутренняя либеральная пропаганда старается скрыть, оболгать или бессовестно подменить реальную историю лживыми мифами.

Известный российский историк академик Н.А. Нарочницкая писала: «Без осознания смысла Великой русской Победы — этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке — невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России... Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки нить русской и советской истории... В окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне. И те, кого в двадцатые годы учили по первым большевистским учебникам глумливо называть Святого благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали «за советскую Родину» в танке, носящем его имя. Это не парадокс, это Промысел».

Но в конце XX века, применив совсем иную стратегию — не агрессию извне, а коварное разложение народа изнутри путем обмана и всяческих соблазнов, Запад снова поставил Россию и весь Русский мир на грань гибели. Но ничего у него не получится и на этот раз. Ибо мы народ великой Победы! Великая Отечественная война навсегда останется великим воспитателем нашего народа. Пока жива память о великой Победе, наш народ непобедим.

г. Луганск, ЛНР

ДУША ПОДНЕВОЛЬНАЯ

РАССКАЗ

...Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю.

(Рим. 7:15)

То была уже не первая исповедь. Последний раз — в прошлую субботу. Длилась она не больше получаса, в кабинете следователя. Но после покаяния, когда опустился на колени и склонил голову, а священник накрыл её епитрахилью и начал читать разрешительную молитву, Илья, как и прежде, испытал лишь странное разочарование: ощущения лёгкости, о котором говорил отец Иона и которое вроде бы должно посетить раскаявшегося, почему-то не было. Напротив, на душе остался неприятный осадок. Когда же возвращался в барак, чуть ли не физически чувствовал нечто вроде изжоги — в груди и впрямь что-то саднило. Лишь в отряде немного отлегло и наступила апатия. В последующие же дни сожаление от чрезмерного откровения со священником снова вернулось, занозой застряв где-то внутри.

И вот опять суббота. Режимники сегодня не слишком лютуют.

Отец Иона в рясе и с иерейским крестом, как всегда, обходит секции, проводит беседы, приглашая иных на молебен. Зашёл и к ним. В какую-то минуту у Ильи появилось

ПРОЗА

желание пойти — так невольно вдруг стала вся эта горластная публика в барачном помещении, где почти всегда гвалт и ругань. Он поднялся с койки (Илья занимал нижний ярус), но тут же сел. Ему вдруг захотелось спрятать лицо в подушку и заткнуть уши. Даже задёрнуть простынь, которую он приспособил в виде шторы, создавая иногда хоть какую-то иллюзию закрытого пространства.

Переборов слабость, он встал и подошёл к отцу Ионе под благословение. Илья чувствовал — у дальней стены, считавшейся у блатных козырным местом, где были спарены шконки и где сейчас играли в карты, незаметно наблюдают за ними. И тот, что сидел к ним боком и пил кофе, и тот, что сидел спиной, словно невзначай, крутанул головой, зыркнув на них.

Получив благословение, Илья задержал руку батюшки, будто хотел ещё что-то спросить, но, лишь взглядом выразив благодарность, не сказал ни слова. Молча вернулся на своё место и, облокотившись о колени, уткнулся лицом в ладони. Отрешённость от всего и вся, та лагерная хандра, что периодически волнами накатывает на отбывающего срок, — примерно такое состояние теперь выражал его внешний вид.

— Сыграем?

Внезапный вопрос сбил Илью с мысли. И тут же у самого уха послышались трескучие звуки, шелест, словно ветерок метнулся, пробежав по листьям кроны.

Так и есть — Миша-Анальгин. Он стоял в проходе между шконками и в излюбленной своей манере тасовал игральные карты. Секундой раньше он проделал свой коронный флориш «водопад». Теперь, держа колоду в одной руке (вторую руку он нарочито сунул в карман), он также резво пролистал карты большим пальцем, поднял колоду и снова спросил:

— Бура? Тэрс?..

Еле заметная улыбка обозначилась на лице Ильи. Он посмотрел на Мишу, на его тонкие нежные руки и кивнул, дескать, присаживайся.

Строгость лагерных законов удивляла Илью до тех пор, пока он не понял: зона — это особый мир, и всё, чем ты ещё можешь располагать на ней, то, что вроде бы на какое-то время принадлежит только тебе, — это шконка и тумбочка. Точнее, половина тумбочки. Так как другая её половина принадлежит соседу. И попробуй плюхнуться на чужую койку, не спросив разрешения. Или, к примеру, взять без спроса какой-нибудь предмет с чужой тумбочки. О, цепкий взгляд непременно заметит это, и тогда... тогда по обстоятельствам. Ведь это лишь кажется, что ты никому не нужен и на тебя никто не смотрит. На самом деле это не так. Не только сек-

ция, даже барак просматривается десятками пар глаз. Ты просто не видишь этого. И не важно, в каком блоке ты находишься — здесь границы прозрачны.

Сделав ещё пару трюков с картами, показав ловкость и гибкость своих пальцев, Миша-Анальгин присел рядом с Ильёй. В глазах и жестах уголовника не было никакого понта. И какой смысл ломать комедию? Илья Мишу знает. И на зоне за Мишу тоже знают. Правда, первый раз, в день их знакомства, когда он вот так же, как сейчас, изящно и легко, по-лисы вкрадчивой и важной походкой подошёл и, ловко тасуя карты одной рукой, предложил сыграть, Илья ощутил гнетущий, как бы теперь сказали, психологический экстрим.

Но Анальгин не так страшен, как сам себя изображает, он не чертило какой, не отморозенный, особо пальцы не гнёт и гребень не поднимает. По ушам, конечно, проехать может, но масть и законы босяцкие уважает. А как-то признался Илье, что настоящему картёжнику без «уважухи» и собственного «я» нельзя, объясняя свои подходы к фраерам и пижонам респектом. Илья до сих пор точно не знает значение этого слова, но догадывается.

Вообще-то Анальгин личность в лагере незаурядная. Ни у кого на зоне нет столько кличек. У Миши их несколько: Щука, Грим и Бардач. Есть ещё. Анальгин — его основное погоняло.

Первое время Илья терялся, не знал, как обращаться к Мише. Потом привык. Оказывается, это даже легко называть одного и того же человека разными именами. Всё зависит от ситуации и настроения. Сам Илья чаще всего обращается к Анальгину по имени. Или: Грим. Ведь Миша не только картёжник. Он — вор. Когда на дело ходит (это на воле), всегда гримируется. Отсюда и кличка. Говорят, что сначала над его блажью, до первой его ходки, многие законники посмеивались, а после выяснилось: Миша в театральном учился, даже успел в каком-то фильме сняться.

— Слушай сюда, — так, чтобы его слышал только Илья, негромко произнёс Миша, машинально продолжая манипулировать колодой. На лице вора не дрогнул ни один мускул.

Илья внутренне напрягся: он уже понял — неспроста Анальгин тёрся в проходе возле его шконки, неспроста предложил в карты сыграть: знает же, что Илья в карты не играет.

— Вопросы к тебе появились, — вроде бы равнодушно продолжал Миша. И вдруг улыбнулся, почти дружески, показав золотые коронки. Похвастаться «железом» он любил, но сейчас это было что-то другое.

— Какие вопросы?

Анальгин ответил не сразу, а лишь улыбался, вновь и вновь красиво тасуя карты одной рукой. Если смотреть со стороны — ничего особенного, балясы точат зеки.

— Потолковать с тобой хотят.

— Кто?

Миша промолчал, явно что-то не договаривая. Повисла пауза. Вскоре она уже казалась натянутой до предела струной: ещё мгновение — и лопнет.

— Если я из-за тебя в блудняк попал... — Анальгин вновь улыбнулся. Но уже по-другому, отчего улыбка его напомнила улыбку лисы. — И не строй из себя полукровку*. Усёк?

Он встал и, словно теперь заметив на тумбочке Евангелие, спросил:

— Помогает?

Илья пожал плечами:

— Хочешь, возьми...

— У меня своя библия, — проделав очередной трюк с картами, Анальгин вынул из колоды даму пик:

— О, мамка...

Прежде чем уйти, наклонился к Илье:

— Ты это... расслабься. Только не вхипишь, спокойно. Ведь ничего не произошло. И думай, думай... Что? Где? Когда? Клуб знатоков вспомни...

И отошёл.

До отправки на этап у Ильи была надежда жить на зоне по-людски. Об условно досрочном освобождении, конечно, не мечтал, принимал судьбу такой, какая есть. Бодрился сначала. Но в лагере лоханулся, характер показал. Вот и провёл пятнадцать суток в ШИЗО. В камере семнадцать человек было. Когда вышел оттуда, сам себя не узнал. Во всех смыслах. Внутри что-то надорвалось. И в бараке на него смотрели, как бы это сказать... как на пришельца с того света.

На Анальгина Илья, конечно, не в обиде. И какая может быть обида... Правду же сказал: фраер Илья. А фраер — он и в Африке фраер. Не шипач и не домушник. Да если б не Миша, ещё неизвестно, как бы всё сложилось. Илье просто повезло, что они с Анальгином земляки. К тому же, как позже выяснилось, и кореша общие есть. И хоть Илья первый раз на зоне, на воле приходилось иметь дело с разным криминалом, так что обычаи лагерные немного знает. И про босяцкую жизнь кое-что слышал. Но всё же... если б не Анальгин, наломал бы Илья таких дров! Шконку-то козырную, подальше от входа, где все эти обиженные спят, Миша подогнал. Да

* *Полукровка* — человек, знающий воровской жаргон.

ещё первый ярус, не в «курятнике». А так... хрен его знает, где бы сейчас спал. Рядом с петушатней находится кому хочется...

Одним словом, за Илью подписался Миша, а значит, с него и спрос будет перед блатными. И неважно — «положник» он или...

Илья вспоминал, на чём, где и когда мог лопухнуться. Прокручивал в памяти всё до мельчайших подробностей, но ничего за собой вроде бы не видел. Из-за каверзных мыслей вдруг так накатило... хоть волком вой.

Каждый день — повтор вчерашнего. Одни и те же рожи. Утром просыпаться не хочется. С первых минут на нервах. На зарядку — в робе, в столовую, до которой от барака полтора метра, — строим, как баранов... И постоянная ругань, проверки, блатной беспредел. А для бодрости — резиновые палки режимников. В общем, работа, столовая, койка. Ночью засыпаешь с мыслью, что вдруг повезёт — и ты никогда уже не проснёшься. Вот и вся жизнь. В состоянии сплошной муки. Только б не сорваться. Ибо вновь ШИЗО. Или БУР.

После выхода оттуда редко кто сохранял человеческий облик. Илье всего один раз довелось увидеть сидельца, который после такого «курорта», проявив невиданную стойкость, мог ещё шутить. Поэтому и старался теперь жить на зоне тихо, держаться в тени. Открытости не проявлял, всё держал внутри себя. И хотя жизнь на зоне не сахар и у него, Ильи, были минуты отчаяния, никогда не думал о самоубийстве. А ведь случалось и такое — от зеков слышал. Тот, кто не жилец, он иногда очень даже заметен. Вроде бы ещё живой человек, а вроде бы уже и нет, покойник. Ходит, как зомби, со смертью за спиной. На него можно махнуть рукой, не замечать, ведь всё равно — не сегодня-завтра найдёт способ покончить с собой. И как раз в тот момент, когда и не заподозришь. А он глядь — и повесился.

«Только не сорваться», — снова подумал Илья.

Да, никаких косяков за собой он вроде бы не помнил. Хотя иной раз могут так подставить, что не заметишь. Теперь хоть Евангелие есть, а чтение немного успокаивает. И церковь скоро достроят, туда можно будет ходить.

После столовой, уже в бараке, когда Илья читал Евангелие, его потревожил Плафон — мелкий человек, лысый, как бильярдный шар, шестёрка Когана.

— Базар к тебе есть, — кивком головы дал понять, с кем предстоит «базар».

Действительно, у дальней стены, где были спарены шконки, собралось несколько человек, но в карты никто не играл.

— Что им надо?

-
- Ждут тебя, — стрелял хитрыми глазками Плафон.
 - Конкретно, кто?
 - Коган.
 - Зачем?
 - Узнаешь.

Илья держал паузу.

- Что передать-то? — торопил тот.

— Передай, если я ему нужен, пусть сам подходит.

— Ты кто такой?! — ощерился Плафон. И с грозной ноткой в голосе повторил: — Ты кто такой?! Кто, чтобы законнику указывать?! Фраер набушмаченный...

— Законник, говоришь... — Илья чуть не сболтнул лишнее, но Плафон догадался. Эффектно цыкнул сквозь зубы, словно сплюнул на пол. Хотя не сплюнул, Илья это заметил.

— Короче, моё дело передать, а ты сам реши...

Илья уже досадовал на себя, что полез к Плафону с пустыми вопросами.

Возле шконки, на которой, подложив за спину подушку, словно султан на ложе, полулежал Коган, собралась одна босота и пара авторитетов. Другие неподарки из молодой блоты скучились поодаль, в сторонке.

Коган — карманный вор, хоть и авторитет, но не коронованный. Как-то отказался он от столовки, считая её помойкой, где и впрямь кормили ужасно. И всё же, идя против режима, Коган добился своего: кормить на зоне стали терпимо.

Илья смотрел Когану прямо в глаза. И хоть чувствовал на себе более дюжины насмешливых и наглых глаз, упорно старался их не замечать.

— Послушать тебя хотим, — погладив ладонью синюшную от татуировок грудь и оторвавшись от иллюстрированного журнала, Коган обвёл свою свиту лукаво-одобрительным взглядом. — Столько времени ты здесь, а мы о тебе почти ничего не знаем...

Коган говорил негромко, глуховато и с хрипотцой. Он вообще редко повышал голос. И всегда спокоен: понимал, что тихих лучше слушают. Да и слышат лучше.

— Что же ты хочешь узнать? Или анкету тебе предоставить?

— Не понтуйся, фраер, — влез в разговор молодой вор по кличке Зимагор, с претензией на некоторое место среди благняка.

— Зяма, плевальник закрой! — обрезал его Плафон. — А ты и правда, не понтуйся, — сказал Илье. — Тебя люди на серьёзный разговор вызвали. Спрашивают — отвечай.

— Что отвечать-то?... Вы и так обо мне всё знаете.

— Всё да не всё, — продолжал Плафон. — Вот он, — кивнул на Зимагора, — мазурик. Хоть молодой, но вор. И Миша-

Анальгин... за него вся зона знает. К тому же он поручился за тебя, а ты... кто по жизни?

— Ша! — произнёс Коган. — Хватит канифоль разводить.

— Коган, у него даже погоняла нет, — подал голос некто Гезон, тоже из молодых. — Все люди, как люди, а он... Нехорошо это.

— Как нет погоняла! — притворно удивился тот, как ни в чём не бывало продолжая листать журнал. — У него же была кликуха... Или я чего-то не догоняю?

— Была, была. Точно, была: Гаррик, — чуть грассируя, подыграл Зимагор. — Или Крек. Точно не помню...

— А может, Крюк, — усмехнулся Гезон и, сплонув Илье под ноги, (случайно, нет ли) попал ему на ботинки.

Илья резко шагнул к Гезону. Но тут же между ними возник Штрифель, авторитетный вор, имевший репутацию справедливого босняка. После долгой отсидки в БУРе он лишь вчера появился в бараке: его серо-матовая кожа на лице, обросшая щетиной, потухший, точно стеклянный взгляд мертвяка, его замедленные движения, будто перед тобой находился лунатик, пугали.

— Тихо, тихо, тихо... — отдельно произнёс он, удержав Илью. — Не глупи, остынь. Ты же знаешь, тронешь его — назад не отыграть.

В голове Илье уже сложилась комбинация: один удар — и Гезон, если не труп, то калека. Правда, если он ударит вора...

Илья быстро соображал, что будет, если он и впрямь ударит... Что тогда? А тогда... или он распрощается со своим скотским существованием — его просто убьют, или, наоборот, упадёт на самое дно. Второй вариант более реальный. Вот и получается — жизнь между жизнью и смертью.

— Остыл? — Штрифель заглядывал Илье в глаза, словно хотел удостовериться, отказался ли он от своего намерения совершить глупость. Со стороны могло даже показаться, что вор благоволит к Илье, но так мог думать лишь наивный. Ведь Штрифель — яростный отказчик от работы. Его и передач и свиданий лишали. Ничего не действует — ни побои, ни угрозы. Потому и сажают этого махновца в крытки для профилактики и спокойствия. Он почти не вылезает из них. Но нервы у Штрифеля... Били его однажды режимники страшно, чуть ли не до полусмерти. Живого места на теле не было. Но живуч оказался. Шутил даже, что в больничке отдохнул.

Когда страсти вроде бы улеглись и разыгрываемый весь этот низкопробный балаган должен был закончиться, решил подлить масла в огонь и Плафон:

— А ты даже не фраер, — бросил он Илье, — ты желторотик. Фуфло, короче.

Но Илья уже взял себя в руки. Плафон же... все и так всё видели и понимали — лысый для того и нужен, чтобы Когану шестерить: это здесь он статус имеет, а на воле — падаль, дешёвка, ошивающаяся возле пивнушек и вонючих забегаловок.

— Всё, хорош байду гнать, — в том же спокойном тоне, не меняя позы, оторвавшись от журнала, глуховато произнёс Коган, словно бы и не он спровоцировал ситуацию. Но от безделья и скуки — как не поглумиться над фраером? Да при такой скупченности зрителей, когда на душе тоска и все рожи обрыдли, — хоть какое-то развлечение. К тому же кум, гнида... Коган, может, и не трогал бы Илью, так как главный принцип честного вора — ни при каких ситуациях не идти на связь с кумом. Иначе не выжить. Но приходится хитрить, комедию ломать. А от неё до трагедии — шаг с хреном. Ведь балду крутить — это не хухры-мухры, а целое искусство. Да не просто какое-нибудь, а высшего пилотажа искусство. Оттого словоблудие и интриги.

— Что молчишь? — Коган снова уткнулся в журнал. Но в голосе его уже появилась странная интонация, такая, что любому надо отвечать. Но что? Если б Анальгин намекнул, о чём пойдёт речь, дал бы какую-нибудь зацепку...

— Ну, фраер, не тяни резину...

Это вновь Зимагор. Он обходит Илью со спины, останавливается в шаге от него и, ухмыляясь прямо в лицо, резко, обманным движением выбрасывает руку так, словно хочет ударить его в живот. Всё происходит очень быстро. Илья думает, что у Зимагора выкидной нож, потому что после шелчка мелькает лезвие. Но уже в следующее мгновение выясняется — это всего лишь расчёска.

Посмеиваясь, Зимагор демонстративно начинает причёсываться, хотя на стриженной его голове причёсывать, в общем-то, нечего. Но взять «на Аннушку», как говорят блатные, у него явно не получилось: Илья не дрогнул. Лишь вновь напрягся, стоял бледный, с застывшим лицом. А Зимагор, почему-то конфузясь, отступил.

Коган, отложив журнал, посмотрел на Илью несколько пытливо. И когда ему сообщили, что кому-то в отряд принесли передачку, а в ней парфюм и дезодорант, он лишь махнул рукой, — разбирайтесь сами.

— Так ты к попу ходишь, — как бы констатируя факт, произнёс Коган.

— В храм, — сказал Илья.

— Так он же не достроен ещё.

— Это неважно.

— Ну-ну, — ухмыльнулся вор. — Помню, на другой, правда, зоне, храм открыли, так многие зеки туда ломанули. А

потом что-то поостыли. Видно, большой аванс этим попам народ сразу выдал, а затем понял — без денег и свечку не поставишь. О другом и не говорю.

— Может, веры не было...

— Веры, говоришь... Может, и так. Только думаю я — теперь продвинутая церковь для продвинутых пацанов. Сейчас всякая шпана православная — и байкеры, и рокеры — все в церковь ходят, все кресты понадели и крестятся.

— Значит, верят.

— Что ж, у каждого своя вера, — вроде бы согласился Коган. — Хотя... не доверяю я этим попам: там, где что-то знают двое, знает и кум.

— А тайна исповеди? Это же грех.

— Грех!.. — и Коган чуть натужно, с подхрипом засмеялся. Кое-кто из его шестёрок тоже засмеялся, но получилось вразной и фальшиво.

— Все грехи у Бога за пазухой, а мы с тобой несчастные людишки грешные, — поучительно изрёк Коган.

Казалось, он готов был даже прочитать на эту тему лекцию, но как будто что-то удержало его.

— Ладно, базару нет. Насчёт попа конечно...

Бесцветные глаза Когана сверлили Илью пронизывающим, никогда и никому не доверяющим взглядом. Наконец вор всем дал понять, что хочет остаться с Ильёй наедине. Его же пригласил жестом присесть напротив себя.

Ссутулившаяся спина Когана, его впалая грудь и сухопарость резко контрастировали с его ещё жилистыми упругими предплечьями. В этом лютом человеке странным образом сочетались некая звериная сила и незаурядный ум. Взгляд — будто насквозь тебя видит. Интуиция же — волчья. Потому на зоне такой авторитет имеет. Хоть и не коронованный.

Не так давно пошли слухи, что хозяину он насолил чем-то и тот поклялся гнобить его. Но тут дело тёмное.

— На Зяму зла не держи, — начал Коган, — двинутый он. Подкумок ссучить его хотел, а он, олень, на рожон полез, за масть воровскую решил пострадать. Нет бы по-тихому байду гнать, так он гаду этому в лобешник дербанул. Короче, деревянный по самые яйца этот Зяма. Вот башку ему и отбили режимники. Но ему ещё повезло, а то бы вовсе придурком стал.

— И что, ничего нельзя было сделать?

— Почему же... — в голосе Когана появилась новая, дотоле не звучавшая нотка. — Можно было кое-что сделать.

— Что?

— Ссучиться.

Повисла пауза. И чем дольше она длилась, тем дискомфортнее чувствовал себя Илья. Возможно, всё тот же колю-

чий взгляд вора так действовал, а может, таившаяся в глубине сознания мысль, что и впрямь когда-то накосячил, и сейчас, в разговоре, этот косяк всплывёт. А ещё Илья понимал, что надо что-то сказать.

— Но это беспредел, — вымолвил он, — с Зямой...

Коган, наверно, снова рассмеялся б, и вновь Илья услышал бы его противный хриплый смешок, но вор лишь отмахнулся, дескать, пустое. И всё же, поразмыслив, как бы согласился:

— Да, беспредел. Но каждый выживает, как может. Слабые гибнут или опускаются на самое дно. Видишь, — указал на зека, сидевшего на корточках на дальней шконке, скрестивши руки на затылке, покачиваясь, словно китайский болванчик. — Конченная тварь. Фуфлыжник. Срок у него — сутки, долг вернуть. Не вернёт, пойдёт в петушатник. Поэтому и ходит тихо с ума. А ты говоришь — беспредел. Не-ет, всё по закону. Здесь всё по закону.

Что-то настораживало в этой тихой, подползающей, как змея, подкрадывающейся манере говорить.

— Закумарить хочешь? — предложил Коган.

Илья и вовсе растерялся: ещё бы, сам законник предлагает ему, простому фраеру, наркотик...

— Да расслабься, сегодня же суббота, — и Коган вдруг улыбнулся. Что-то человеческое мелькнуло в его улыбке, но быстро исчезло. — Не телевизор же до отупи смотреть...

— Только не сегодня, — отказался Илья.

— Почему?

— Не хочу.

— Это не ответ.

— Не могу я...

— Не хочу или не могу?

— Отцу Ионе обещал.

— Ясно, — глаза вора сузились. — А перед кумом ещё не исповедовался?

Илья изменился в лице.

— Ладно, шучу. Не можешь — так не можешь. И я тогда не буду. Здоровье поберегу.

За всё время разговора Коган так и не поменял позы; по-прежнему, точно султан, полулежал на шконке с подушкой за спиной.

«Этот жрать пустую и вонючую баланду не станет», — глядя на него, думал Илья.

Мысль, что вор неспроста выступил против хозяина зоны, запала невольно. Столовка, где и правда кормили отвратительно, лишь причина. Сам Коган лопает шпроты и салями,

сгущёнку и конфеты. Богатые зеки, которые регулярно получают передачи, сами щедро делятся жрачкой с его блатняком. При случае и в ларёк могут сбежать. У обеспеченных там всегда деньги на счету имеются. Такая щедрость, конечно, объяснима: за «крышу» и терпимое обращение любую мзду дашь. А вякнешь...

Илья ни разу не видел, чтобы Когану кто-то перечил. И как перечить, если даже начальник лагеря его сломить не может. Что уж говорить о простых арестантах...

— За Базу слышал? — спросил Коган как бы между прочим. Но спросил неожиданно, так, что заданный негромко вопрос немного оглушил.

Илья смотрел на Когана с недоумением, а тот, уже не замечая его взгляда, снова принялся листать страницы журнала, неторопливо и как будто с безразличием. И эти показные безразличие и медлительность, и то, что Коган — без пяти минут коронованный вор, интересует Сергеем Базаровым, другом детства Ильи, ещё больше озадачило. Ведь не далее как вчера начальник лагеря Агаян тоже спрашивал за Серёгу. Только Илья не поверил ни единому его слову и почти забыл тот разговор. И вот снова...

— Что молчишь?

Хриплый голос вора вдруг показался Илье настолько ненавистным, что если б в эти мгновения тот заглянул ему в глаза, непременно заметил бы эту ненависть.

— Молчишь-то что, спрашиваю?

— Не понимаю, о чём ты?

— Следаку будешь порожняк гнать, а мне надо правду говорить, — уже с нажимом произнёс Коган и небрежно отбросил журнал.

Что-то встрепенулось в груди Ильи.

— Так убили же Серёгу...

Коган приподнялся с подушки и всем туловищем подался вперёд:

— Воскрес... воскрес твой кореш.

Известие хоть и не было уже столь неожиданным, всё равно казалось таким нелепым, что на лице Ильи отразилось сомнение: на понт берёт Коган. Но тот не играл, смотрел серьёзно и даже с некоторым сочувствием. И не сыграть так. Да и зачем? Нет, здесь всё натурально.

Рассудок Ильи не мог сразу принять услышанное. Но постепенно начал свыкаться с мыслью, что Сергей, с которым дружил ещё со школы и нередко сидел за одной партой (пока их не рассаживали учителя), действительно живой. Правда, на его похоронах Ильи не был. И хоронили Сержа в закрытом гробу, о чём Илья узнал позже.

В каком-то ступоре он смотрел на Когана. Смотрел так, как будто не видел его. И тот с нескрываемой досадой помахал рукой перед лицом Ильи, словно хотел разбудить.

— Э-эй... — позвал негромко. — Ты со мной лучше не шути, — вору показалось, что Илья его разыгрывает, и когда тот вдруг спокойно и вполне осмысленно поглядел на Когана, который раз вонзил в Илью свой волчий взгляд.

— Ты что, не знал, что твой кореш жив?

Илья покачал головой: не знал.

— И ты, конечно, не при делах... — то ли спрашивал, то ли сам с собой уже рассуждал Коган, всё так же пристально глядя на Илью, пытаясь уловить в его глазах хоть искру притворства. — Впрочем, и я думаю, что ты не при делах. Не того ты полёта птица, что твой кореш... Но знать ты что-то можешь...

— Что же я могу знать? — вырвалось у Ильи.

— Ещё не знаю. Пока не знаю. Но это дело времени. А вот корешу твоему всё равно недолго осталось... Приговорили вору Базу. Кинул он кое-кого. На очень большие бабки кинул. А ты, оказывается, не в курсах.

В горле у Ильи ровно ком застрял. Он потёр кадык, словно хотел нащупать этот ком.

— Или всё же в курсах? — Коган вновь откинулся на подушку. — Ладно, на сегодня хватит. Иди, отдыхай, дезертир...

Уже за спиной Илья услышал нехороший смешок и смешок этот, как сказали бы, был «с чувством глубокого удовлетворения».

Лёжа на койке, Илья пробовал восстановить каждую деталь в разговоре с Коганом, вспоминал каждую фразу, анализировал даже те притворные выходки блатняка — этой кучки потерявших нравственные ориентиры людей, что окружали его в те минуты.

На Зяму зла не держал. Дешёвый понт с выкидной расчёской казался уже безобидной шуткой, обычным развлечением вполне позволительным при рутинной лагерной жизни, где всякая банальность, вернее, то, что на воле считается банальностью, на зоне, в определённом смысле, — событие, забава, увеселение. А вот выходка Плафона — это уже не дешёвый понт, это — неприкрытая злоба, противостояние напоказ. Он давно на Илью зуб точит, ещё с первых дней в отряде.

Скверно было на душе, ой как скверно: какой-то Плафон теперь занимал мысли. Не думать же о нём не получалось. Ведь он явно провоцировал на конфликт, оскорбил словом, за которое по тюремным понятиям надо отвечать. И впрягся-то за Илью кто... — Штрифель. Такая же мразь. Хоть и считается правильным арестантом.

С трудом Илья заставил себя не думать о дневном конфликте. И память оживила страницы юности, друга детства Серёгу Базарова, и вопрос — что же на самом деле с ним случилось? — заглушил прежние мысли, они ушли на дальний план, растворились.

Серж... как же так?..

Чем дольше Илья думал о нём, тем больше блуждал в догадках. В голове не укладывалось, что Сергей живой. Но хотелось верить в это.

...В то утро Илья собирался ехать в морг для опознания тела, точнее — тех его фрагментов, что остались от Серёги, которого взорвали в собственном джипе. Накануне заходил следователь и рассказал, что труп изуродован до неузнаваемости, но кое-что, правда, очень плохо, но сохранилось, вроде бы какая-то татуировка. Вот и намеревался Илья пораньше съездить в морг, а оттуда — сразу в спортшколу, дабы не опоздать на тренировку. И лишь потом забрать урну с прахом отца и отвезти её на кладбище, чтобы захоронить в могиле матери.

Разумеется, Илья ничего конкретно следователю тогда не сказал, но приехать на опознание обещал. И необходимо было самому убедиться, что взорвали именно Сержа: если на правой груди убитого была бы татуировка в виде Скорпиона, то это он, База, потому что лет двадцать назад они вместе делали себе эти татуировки, так как оба родились в ноябре. К тому же татуировки эти особенные, ни с какими другими не спутаешь.

Но до морга Илья в то утро не доехал, по дороге его взяли менты. Всё произошло банально до пошлости, как в кино: ему подбросили наркотики в карман куртки. И хоть подброс являлся классической подставой, обвинять кого-то было бесполезно. Его ещё удивило: почему задержание произошло в тот момент, когда он ехал на опознание? На этот вопрос он ответить не мог.

На днях, разговаривая с женой по мобильнику (на зоне это в порядке вещей), Илья узнал, что в их квартире, когда все отсутствовали, вроде как чужой был: создалось впечатление, будто что-то искали. Но ничего не взяли.

Словам жены Илья не придавал тогда особого значения. К тому же у них и взять-то нечего. И в комнатах у них нередко царил беспорядок, жене могло и показаться, а у страха глаза велики. И разве это проблема — в том мире, который можно видеть лишь из окна кабинета начальника лагеря? Несерьёзно это... Право, несерьёзно.

Илья недавно бездомной собаке позавидовал, увидев её, бжавшую по кромке леса в сторону посёлка, что находился от

лагеря не очень далеко. А когда слышал от эзков с расконвойки какую-нибудь историю с воли, даже самую банальную, его так пробирало... аж до нервов — хоть уши затыкай и не слушай.

Сегодня же, узнав от Когана про Базу, каким-то внутренним чутьём понял, насколько это серьёзно. Так серьёзно, что хуже некуда. Если Коган, конечно, не лепит. Но он, похоже, говорит правду. А значит, что вполне вероятно...

Илья незаметно взглянул на соседа напротив, который тоже занимал первый ярус. Кличка у него была Нара. Он лежал спиной к Илье.

Скомкав подушку, Илья повернулся на другой бок.

Он не сомневался: Коган сказал правду. Хоть и малую часть её. Знает он куда больше, это очевидно. И позвал неспроста. Но вся эта комедия с Зямой и Плафоном... Зачем?

Что-то здесь не так, не стал бы Коган с ним — обычным фраером — тет-а-тет порожняк гнать. Что-то надо ему.

Думай, не думай, а без конкретной информации — лишь домыслы и переживания. Потому и ворочался беспокойно на шконке, не мог найти удобного положения. И один вопрос тянул за собой другой: почему, например, Коган, пусть и в шутку, назвал его дезертиром? Что он знает? На зоне Илью никто и никогда не спрашивал о прошлом. А сегодня ему напомнили о том, о чём не хотелось вспоминать, тем паче здесь — в лагере.

Шестым чувством Илья ощутил на себе взгляд. И взгляд этот как будто бил в спину, был настолько осязаем, словно незримо касался нервных окончаний позвонков, и окончания эти передавали тревожные импульсы в мозг.

Илья резко повернулся. Ему показалось, что он поймал на себе взгляд Нары, который теперь лежал к нему лицом. Неопределённость длилась мгновение, ибо в следующий миг Илья уже думал, что обманулся, что Нара вовсе не смотрел на него. То есть смотреть-то смотрел, но вовсе не на Илью, а как бы сквозь него, куда-то в пространство. Или внутрь себя. Взгляд Нары был как бы расплывчат, затуманен чем-то. Илья уже сомневался: а видит ли его Нара?

Иногда он замечал, что этот прожжённый, уже в пожилом возрасте урка спит с открытыми глазами. В такие минуты становилось жутковато. Ещё бы!.. Тёмно-водянистые зрачки Нары с красными прожилками мутноватых белков во время сна при открытых веках действовали так же, как, например, действовали открытые глаза покойника, который смотрел бы на вас невидящим взором с гранитного стола морга.

Настоящее имя Нары — Иван. Синицын Иван Александрович. Первый свой срок получил ещё в «застойные» време-

на Советского Союза. Уже тогда Нару полстраны знало. И сейчас знают на многих зонах. Он тоже многих знает. Потому как бродяга по жизни. В правильном, конечно, лагерном понимании. В общей сложности он отпытел лет сорок. Из них — двадцать на строгом режиме без выхода. Если б не отмена смертной казни, приговорили бы его к вышаку. Это уж точно. Сейчас дотягивает пятнашку. До свободы ему три месяца. И если сказать, что каждый день для Нары на зоне — на вес золота, значит, ничего не сказать. Да это заметно и невооружённым глазом. Посмотришь на него — кожа да кости. Потому что туберкулёзник. Правда, болезнь у него в закрытой форме.

Илья никогда не обращался к Наре по кличке, а только по отчеству — Саныч. Из-за уважения, конечно. А как же! Нара, без преувеличения, — человек легенда. О нём книгу можно писать.

На груди у него крест наколот. Православный. Совсем как нательный крест. Когда отец Иона перед началом службы раздавал в храме медные крестики со шнурками, то, увидев у Нары татуировку на груди (Саныч её специально показал), одобрительно кивнул, допустил к исповеди и причастию.

Почти ни с кем из молодой блоти Саныч не общается. Если только с авторитетами. И то — лишь по конкретному делу. А просто так слова лишнего не скажет. Жизнь научила. И всё же как-то сорвался. При этой уже отсидке ему добавили срок: в столовке суку одного чуть не замочил. Помешали. А так бы точно замочил.

Илья уселся на шконку и уже внимательнее посмотрел на старого урку. В нём и теперь чувствовалась первобытная стихийная удаль. Глаза Нары уже не казались затуманенными и взгляд не был отрешённым: наоборот, взгляд был очень выразительным и сфокусирован на Илье.

Вот Нара заворчался, кашлянул и тоже уселся на койке, оперев ладони в металлический её край. Голова как-то странно ввалилась в худые узкие плечи, которые вжались в костистые скулы. Приплюснутый, не единожды сломанный нос делал его теперь похожим на человека-сову. И опять Илья невольно подумал, что Нара и впрямь непредсказуем и очень опасен.

— Что, паря, нелепуха*?

Вопрос был задан так равнодушно, без всякого интереса, что Илье не хотелось отвечать. А собственно, и отвечать-то было нечего.

— Главное — не кипишись. Чтобы не облажаться, — так же тихо продолжал Нара. — Начнёшь кипишить, пропал.

**Нелепуха* — обман при игре.

— Ты о чём, Саныч?

— Всё о том же, — глухо ответил тот.

Илья ещё не мог понять — что имел в виду старый зек. Сорок лет неволи сделали своё дело; чего только не насмотрелся Нара за эти годы, перевидал в своей жизни многое, а толком ничего не видел. Апельсинов, как сам признался, вдосталь не ел. Такого понять очень трудно.

— Я действительно не знаю, что происходит, — сказал Илья. — Не знаю, что хочет Коган.

— А ты подумай, — загадками продолжал говорить Саныч. — Только, повторяю, не кипишись. Чтобы не подловили на чём.

— Но я не вижу за собой ничего.

— Тем более. Хотя всё это порожняк.

— Как это?

— Эх, паря, — тяжело ватно вздохнул старик, — любого человека можно на карачки поставить и заставить с лопаты дерьмо жрать.

Илья сжал зубы: подмывало, ой как подмывало спросить: самого-то Саныча — ставили на карачки? Заставляли с лопаты жрать?.. Но сорок лет отсидки, здоровья нет, нервы на пределе... Устал человек. Сильно устал. И нельзя предугадать, что он выкинет в следующую минуту. Ведь вся зона знает: как пришёл Саныч в лагерь правильным арестантом, таким же правильным и хочет освободиться. И здесь хоть режь его — ни на шаг не отступит. Хотя воля... ой как хочется увидеть её — волю! Вот и не подпускает Саныч к себе чужих, общается лишь с узким кругом зеков. А Илья — кто он для Саныча?.. То-то... Потому и не ждал от этого прожжённого урки особого откровения. Если только дельного совета... Но чтобы давать советы, надо знать весь расклад. Если же не весь, то хотя бы часть его. А советы... у нас вся страна в советах была, да только что от неё осталось...

Илья снова прилёт. Ничего дельного от Саныча он так и не услышал. Вот если б сам был там, на воле, возможно, узнал бы что-то, а здесь, где живут по другую сторону жизни, за колючкой, можно лишь фантазировать. А сидеть ещё долго.

— Ты вспомни, паря, — услышал вдруг Илья совсем уж приглушённый голос Саныча, — когда тебя хозяин вызывал, о чём базар был? Только хорошо вспомни, до подробностей.

Илья вопросительно посмотрел на Саныча. Тот утвердительно кивнул: мол, дело говорю, вспоминай.

Действительно, вчера его вызывал к себе сам начальник колонии подполковник Агаян. Когда в кабинете Илья начал было, как и полагается, докладывать по форме: «Осужден-

ный Кравцов, бригада тридцатая, отряд первый...», подполковник небрежно махнул рукой и дал понять, чтобы Илья не тратил время на слова и подошёл ближе. Сам же Агаян в ту минуту стоял к вошедшему спиной и смотрел в окно. Тогда-то и увидел Илья бездомную собаку, бежавшую в сторону посёлка. И позавидовал, что не может он так же свободно, как она, пробежаться по кромке леса.

Разговор с подполковником был не очень долгим. Хотя... по лагерным меркам иной раз минута кажется вечностью.

— Ознакомился я, Кравцов, с материалами твоего уголовного дела.

Тучное, напоминающее шкаф тело Агаяна даже не шевельнулось. В какой-то момент Илья представил, что слова были произнесены не человеком, а неодушевлённым предметом. Тем же шкафом, например, что находился в кабинете. И это сравнение вызвало невольную усмешку. Но Агаян, стоявший спиной, не мог её видеть; он как будто бы и не хотел замечать Илью, давая понять, что тот — никто и ничто, шлак, если на что и годный, так только для засыпки грязи, дабы можно было пройти, не запачкав обуви.

— За хранение и перевозку наркотических средств существует определённая ответственность...

Прописные истины, которыми сыпал Агаян, поначалу казались пустословием, выслушивать кои впору молодым недоумкам. А потому Илья пропускал их мимо ушей. Но что-то стало настораживать. Наконец подполковник соизволил повернуться. Взгляд тут же упёрся в Илью, словно прощупывая его, стараясь найти слабое место.

— Или ты не знал, Кравцов, что сознательно шёл на преступление?

Повисла пауза.

— Что молчишь? — уже напирал Агаян.

— А что говорить, гражданин начальник? Вы же читали моё дело.

— Читал, читал. — Хозяин уселся в массивное кресло, видимо, сделанное на заказ, под увесистый его широкий зад. — Читать-то я читал, да что-то в толк не возьму: задержан ты в порядке девяносто первой статьи, сидишь по двести двадцать восьмой прим один, за сбыт, а на суде всё отрицал...

— Не совсем так, — ответил Илья, ещё не догадываясь, куда клонит начлагеря.

— Не совсем?... — вскинул тот кустистые брови.

— Да, не совсем...

— Ну-ну, говори.

— Покушение на сбыт, гражданин начальник.

— Какая разница! — в голосе подполковника почему-то звучала досада. — У тебя было несколько расфасованных доз...

— Это в протоколе. На самом деле было всё не так.

— А, все так говорят, — махнул рукой Агаян. — Послушать вас, так вы все овечки невинные.

— Я так не говорил.

— Значит, всё-таки было?!

— Было, да по-другому...

— Ну и как было? Если ты честный такой, скажи...

— Вам-то это зачем, гражданин начальник? — вдруг спросил Илья. — Дело-то сделано, по максимуму определили...

Агаян, похоже, не ожидал встречного вопроса; пухлые пальцы негромко забарабанили по столу:

— Проблемный ты у меня, Кравцов.

Рыхлое тело подполковника слегка откинулось назад, затем наклонилось вперёд. Он медленно поднялся с кресла, подошёл к окну и вновь стал смотреть туда, где чернела кромка леса, куда рвалась душа Ильи.

— Понимаешь, проб-лем-ный... — повторил по слогам.

Илья хотел сказать, что наркоту, которую нашли у него в кармане куртки, и всё остальное — чистой воды провокация, но не успел...

— Я бы таких, как ты, Кравцов, ещё в девяностые сгноил бы в дисбате, чтобы нашу армию не позорили.

Как ушат помоев вылил ему на голову Агаян, в самую больную точку попал, да так, что и сказать нечего.

— Правильно делаешь, что молчишь, — вновь повернулся к нему подполковник, и вновь стал сверлить его острыми глазками из-под кустистых бровей, словно нащупывая место, куда бы ещё можно надавить, да чтоб посильней. — Ответь, Кравцов, совесть-то хоть мучает? Хоть немного... мучает? Или от наркоты всю потерял?

Пытаясь справиться с волнением, Илья скрадывал дыхание, но напряжение лишь нарастало. И что он мог сказать в своё оправдание? Ничего. Прав был начлагеря. На все сто прав. Только зачем же так, по живому, жилы-то по живому тянуть...

— Что вам от меня надо?

Погружаясь в широкое кресло, Агаян который раз пронзил Илью взглядом, словно хотел убедиться, что плод созрел, что довёл он его до нужной кондиции.

— Стучать не стану, — произнёс Илья. Произнёс так, что сомневаться не приходилось: «стучать не станет».

— Стукачей без тебя хватает. — Агаян кивнул, чтобы зек присел на стул, который стоял на значительном расстоянии от стола. Но Илья не сдвинулся с места.

— Гордый, — хмыкнул хозяин.

— Что вам надо?

— Видишь ли, меня интересует... — Агаян умолк, подумал и вдруг спросил: — Скажи, Кравцов, хочешь, чтобы тебе срок скостили?

Илье показалось, что ослышался.

— По УДО хочешь выйти? — и Агаян расплылся в улыбке. Вернее, это была не улыбка, а нечто такое, от чего Илью слегка передёрнуло.

Такого поворота он не ожидал. Потому и насторожился, понимая, что от него потребуются взамен такое, о чём, возможно, потом придётся сильно пожалеть. Агаян же с ответом не торопился; за всю свою службу в ИТК у него не было случая, чтобы кто-то из фраеров отказывался от условно-досрочного освобождения.

— Что я должен сделать?

— Это уже другое дело, — заёрзал подполковник. — Ты, Кравцов, в первую очередь, должен себя правильно вести, а то, знаешь, как бывает... сегодня у тебя всё хорошо, а завтра...

Агаян взял короткую паузу и посмотрел на Илью, ожидая от него ответной реакции. Но реакции не последовало: явное безразличие читалось на лице Ильи.

— Вот-вот, — не скрыл разочарования Агаян, — сегодня у тебя всё хорошо, а завтра... завтра жизнь твоя, пусть и однообразная, внезапно, в одно мгновение рушится, твоя судьба обычного зека в корне меняется. И с удобной шконки ты отправляешься туда... — И снова пауза, и снова тот же острый взгляд. — Отправляешься туда, откуда возврата в нормальную лагерную жизнь уже не будет. А повод всегда найдётся, ты уж поверь.

— Что я должен сделать? — повторил Илья.

— Расскажи о дружке своём, Базе. — И который раз Агаян устремил на него взгляд, который многих зеков приводил в смятение. — Всё, до мельчайших подробностей. Когда ты видел его последний раз?

— Живым?

— Живым, разумеется.

— Зачем это вам?

— А затем, что это в твоих же интересах, Кравцов. — Лицо подполковника скривилось. — Мне думается, подставил тебя твой дружок. Крепко подставил. А может... — не сводил он с Ильи недоверчивых глаз. — Может, ты с ним заодно? А? Что молчишь?

Илья был ошарашен. Не верил. Его смятение было настолько естественным, что Агаян немного смягчил тон.

— В бегах твой База. Скрывается. И, по всей видимости, хочет покинуть пределы нашей с тобой родины. Нашу с тобой родину, Кравцов, он хочет покинуть. А вопросов к нему очень много. Особенно оттуда, — подполковник многозначительно указал большим пальцем в потолок. — Поэтому даю тебе сутки. Нет, двое... Двое суток! Думай, вспоминай. Всё вспоминай: от и... до той минуты... Короче, ты понял. Вплоть до того — с какими шлюхами он спал. — Агаян на секунду задумался, лицо его скривилось, будто он только что лимон съел: — И мой тебе совет, Кравцов: держись подальше от бластных. Так-то лучше будет.

...Тяжелы мысли о сроке. Сначала, с непривычки, такое давящее чувство было у Ильи от всех этих затворов и решёток СИЗО, от нечистых тёмных стен, от спёртого воздуха в камере, который, словно клейкая основа, лип к коже, что смертельно хотелось принять душ и смыть с себя всю эту грязь. А ещё жестокость. Беспричинная жестокость и порок в лицах сокамерников. Всё это вместе взятое некоторых, особенно тех, кто был из первачков, приводило чуть ли не к полному параличу воли.

Илья же выдержал, не сломался. Но совершил, как теперь ему казалось, ошибку. Впрочем, ему тогда было всё равно: тюрьма или зона. По приговору основную часть срока он должен был отбывать на тюремном режиме. Да, была такая возможность — остаться в тюрьме. Даже устроиться в хозяйственную службу. Но получилось иначе. А виноват в этом сам Илья. Наслушался в СИЗО всякого вздора: дескать, тех, кто тянет лямку в тюрьме, братва презирает. Лишь на зоне он понял, что для законников он всегда будет белой вороной, чужаком.

— Саныч, — тихо позвал Илья. — Слышь, Саныч...

Открытые, но словно мёртвые глаза Нары, который, казалось, спал, ожили, овсяный цвет зрачков в мутноватых с сизыми прожилками белках приобрёл блеск, как будто в них, где-то в глубине, включился микроскопический светодиод. Наконец глаза пробудились, осознанно моргнули, дали понять, что человек не спит, слышит.

— Скажи, Саныч... отец Иона... как он тебе? Ты ему веришь?

Не сразу ответил Нара. Ещё с минуту лежал неподвижно, обдумывая вопрос. Затем приподнялся и сел, спустив ноги на пол, по обыкновению ссутулившись, уперев руки в край шконки.

— А ты ему не веришь? — то ли спросил, то ли констатировал он.

— Я так не говорил.

— Но если спрашиваешь, значит, сомневаешься.

— А ты нет?

— Я-то... — лицо Нары как будто ещё больше потемнело, скрытая грозная печаль появилась в нём. — Если б сомневался, с попом этим беседы задушевные не вёл бы.

— Может, ты и в Бога веришь?

— Эх, паря, сложные вопросы задаёшь.

— Что же здесь сложного: да — да, нет — нет...

Глубокий вдох чуть-чуть приподнял худые, почти костлявые, плечи и на выдохе опустил:

— Верю ли я в Бога... не знаю. Но очень хотел бы верить. Так хотел бы... — Нара поскрёб пальцами затылок, как если б собирался сказать что-то важное. — Помню похороны бабки своей, Марьи, мне лет двенадцать было. Может, чуть больше. Помню, как в гробу лежала... Хорошая, чистенькая, как живая. И вся в цветах. Много тюльпанов было. Жёлтых. Когда в церковь везли, бабы всю дорогу псалмы пели. А везли на грузовой, открыто. И все знали, что покойника в церковь на отпевание везут. Вот-те и атеизм! Значит, не так уж и плохо было с религией при коммунистах, как нынешние губошлёпы талдычат. Да у русского человека вера в крови, с пелёнок. Только её вытравить хотят. Да никак не вытравят... — Нара сжал в кулаке верхнюю кромку майки и так сильно оттянул её, что где-то треснуло по шву. — Видишь, — показал на крест, который был выколот на груди, когда-то, вероятно, мускулистой и упругой, но теперь плоской, даже вогнутой немного внутрь, с проступающими рёберными хрящами, — я бы за Него, за Христа, костыль сюда вбить бы дал. — И он постучал себя кулаком в грудину, издав утробный звук. — С радостью бы дал. Может, простилось бы мне что-то... Ведь мне, паря, жить осталось-то всего ничего. С гулькин нос осталось. Потому и дни до воли считаю...

Страшные глаза Нары сверкнули, напряглись и вдруг выдавили две прозрачные слезы. Но он не дал им скатиться, а остервенело, с какой-то звериной жестокостью смахнул. Да так, что со стороны могло показаться, что он ударил себя по лицу.

— Саныч, почему костыль-то? — немного погодя спросил Илья.

Не сразу дошёл вопрос до Нары, когда же уразумел, о чём его спросили, ответил:

— Гвозди такие... мы их под Магаданом в шпалы вбивали. А морозы там зимой... — И не сразу, но уже зло добавил: — Не о том думаешь, паря, не о том...

Илья вновь прилёт и, подмяв под себя подушку, закрыл глаза. Он уже понял, что вольно или невольно стал заложником какой-то игры, причина которой — Серёга Базаров, База;

что ни Коган, ни тем более Агаян в покое его не оставят. До тех пор, пока не выяснят для себя что-то важное. Что? И почему не спросить прямо? Чего от него, собственно, хотят? Не верят ему.

«Может, ты с ним заодно?» — всплывали слова начлагеря.

Да, Илье не верят. И правильно делают. Но что же натворил База, что его ищут воры. И, похоже, не только они.

Илья не питал иллюзий на счёт своего друга: не раз замечал, что тот использовал его.

«Где большие деньги, там друзей нет, — однажды сказал Серж и, заглянув Илье в глаза, улыбнулся: — Но мы-то с тобой исключение из правил. Да и деньги у нас не очень большие».

Даже менты знали, что немалая часть наркотиков, которые расходились по региону, шла через Сержа, но предъявить ему что-либо не могли. Или не хотели. Илье, наверно, не удивился, если бы ненароком теперь узнал, что его друг приторговывал оружием, и не какими-нибудь «калашами», а чем-нибудь посерьёзней.

Мысли вернулись к недалёкому прошлому. Затем, словно оттолкнувшись от невидимого трамплина, унеслись на несколько лет назад, потом ещё на несколько, и ещё...

Теперь с трудом верилось, что тогда, в начале девяностых, когда им с Серёгой было по восемнадцать, всё так получилось... А ведь сами пришли в военкомат и просились в десант. После омской учебки — Псковская дивизия ВДВ. А дальше...

Подразделение, где проходили службу Кравцов и Базаров, должны были перебросить под Грозный. Действительно, тех, с кем они служили в одной роте, кому было столько же годов, как им, бросили в самое пекло войны. Илье же и Сергей за два дня до отправки в Чечню, заблаговременно заготовив немного провизии, захватив ножи, самовольно покинули часть. Илье до сих пор всё хорошо помнил.

...Маршрут примерно знали. В основном шли ночью, пробираясь по заснеженному лесу, ещё изначально отвергнув идею двигаться к ближайшей железнодорожной станции. Каждый шорох в ночном лесу заставлял напрягать слух, каждый хруст ветки отзывался в мозгу эхом одиночного выстрела из «калаша».

О диком звере как-то не думали. Правда, остерегались волков, их протяжный вой порой взвинчивал и без того натянутые нервы, поэтому ножи держали всегда наготове.

Костёр почти не разводили, опасаясь, что запах дыма в морозном лесу выдаст. Курили тоже осторожно, пряча сига-

рету в ладонь. Лишь на трети сутки немного расслабились. А ночью вышли к трассе в надежде остановить фуру. Повезло, дальнбойщик оказался нормальным мужиком, лишние вопросы не задавал. А дальше и вовсе — всё пошло как по маслу, домой добрались без приключений. Только с тех пор в дружбе Ильи и Сергея образовалась трещинка. Правда, настолько незаметная, что её как бы и не было. А может, старались её просто не замечать. Лишь один раз эта трещинка дала о себе знать. Это случилось через несколько лет после побега из части. Они сидели в шумном баре с двумя девицами и уже достаточно выпили.

— Знаешь, сколько наших тогда полегло? — спросил Илья. Сергей сначала сделал вид, что не расслышал вопроса. Или не понял. Но когда Илья громко и отчётливо его повторил, Сергей, разглядывая публику, словно тема была ему неинтересна, спокойно ответил:

— Знаю. Почти вся рота.

И это спокойствие, граничащее с равнодушием, задело Илью.

— Ты так об этом говоришь, что...

— Что?! — вдруг с вызовом бросил База. Было ясно, что вопрос его сильно задел и не был столь безразличен, как показалось на первый взгляд. Более того, возможно, все эти годы гибель ребят под Грозном волновала Сергея не меньше, чем самого Илью.

— Ну что?! Что?! — повторял База, чьи пьяные глаза уже источали гнев. — Ещё скажи, это я тебя подбил тогда.

— У меня своя голова на плечах была, — внутри у Ильи тоже что-то стало закипать.

— А если так, то расслабься... — сдерживал себя База. — Ты жив, здоров. Вон... с бабами коньяк пьёшь.

— Ты говорил, что калаш спокойно пробьёт броню БМП...

— Ну, говорил.

— Он даже не пробьёт БТР.

— А ты что, сам лично пробовал из калаша в БТР? — глаза Базы вновь начали пламенеть, но в них засветилась и усмешка.

— Лично не пробовал, но знаю точно...

— Много ты знаешь...

База взял бутылку и разлил по фужерам остававшийся там коньяк. С некоторым укором произнёс:

— Да если б мы тогда не ушли с тобой, давно бы в земле гнили.

— Возможно, — кивнул Илья, — только лучше в земле, чем...

— Дурак!.. Ты хоть знаешь... — База явно хотел что-то сказать, но промолчал. Затем с той же усмешкой спросил: — Что, совесть замучила?

— Хотя бы и совесть...

Илья и сам, наверное, не знал толком, что его так мучает. Но ведь что-то мучает.

— Да если б не мой отец... — База всё ещё думал: говорить или нет.

— Что твой отец?..

Их взгляды пересеклись: каждый смотрел друг на друга с нескрываемым напряжением.

— Ладно, — решил, наконец, База. — Не хотел говорить, но скажу. Батя мой тогда в нашу часть звонил. Ханурику одному.

— Кто такой?

— Неважно. Его при штабе держали, за какие-то заслуги старые. Бумажками занимался. Он-то мне и сказал... Мобильников тогда ведь не было ещё...

— Что сказал?

База взял фужер с коньяком, словно собираясь выпить.

— Что сказал-то? — повторил Илья.

— Чтоб я ноги делал из части.

— Почему?

— Да потому!.. — База поставил фужер на стол, так и не выпив. Было видно, ему не очень хотелось говорить. — Батя мой в то время с чеченами тёрся. Они-то и посоветовали ему, чтоб я из армии валил. Так и сказали: хочет, чтобы сын остался живой, пусть ноги делает из части. «Чехи» тогда под Грозном что-то замышляли.

— А откуда они узнали про тебя?

Не только рот, как будто всё лицо Базы скривилось:

— Они не только про меня, они про всю нашу семью всё знали. Учеченов тогда везде свои люди были. Даже в Кремле. Короче, своя разведка. Работала не хуже, чем наша. Это я уже потом понял.

Поиграв желваками, База снова взял бокал.

— Давай их помянем... тех, кто тогда... под Грозном...

И одним махом выпил.

Илья так и не понял, какие чувства одолевали Базу; испытывал ли он угрызения совести или что-то иное мучило его, но вопросов уже не задавал. Молча выпил коньяк, и то, что поначалу горело внутри и бурлило, незаметно стало перекипать. Да и не было, наверное, смысла так сильно тяготиться прошлым. Тем более что после побега, сразу после трагических событий под Грозном, из части, где проходил службу

Илья, к нему домой приезжал майор. Разумеется, самого беглеца не застал. Разговор происходил с отцом. От него-то Илья и узнал, что чуть ли не вся их рота погибла, что «двухсотых было много». Ещё узнал, что их с Сергеем особенно и не ищут. И тот майор вроде бы сказал, что если б не побег... Словом, повезло им.

Через некоторое время Илья и вовсе перестал скрываться, даже на работу устроился. И жизнь как будто бы наладилась. Только... только иной раз что-то тяготило. А когда отец узнал, что Илья продолжает общаться с Сержем, произошёл конфликт. Разговор был коротким. Вернее, разговора как такового и не было. Отец лишь строго посмотрел ему в глаза, а потом, словно на Илью пришла похоронка, грустно произнёс: «Не упусти свой шанс, сынок...»

Илья ворочался, снова садился на койку и снова ложился. Не верилось, что Серж его подставил. Нет, не верилось. Ведь они друзья с детства, с первого класса. Вместе начинали акробатикой заниматься, ещё в школе. Позже — боксом. Отец Ильи работал тренером в спортшколе. А в девяностые, когда открыли секцию восточных единоборств, они с Сержем пошли на каратэ. Занимались, как говорится, до седьмого пота. Илья много раз был призёром спортивных турниров. В спортшколе большой стеклянный стенд есть, так одна из полок — с кубками и наградами — Ильи. Но даже спустя годы, когда ему выдали коричневый пояс, он долго ещё не сдавал на чёрный. Лишь когда сам стал тренером и почувствовал себя мастером, получил его.

А вот Серж спорт бросил, пошёл по стопам своего отца — Базы старшего, который промышлял наркотой. Илья же тренером в спортшколе работал. А зарплата тренера... Уборщица больше получает. Вот и приходилось изредка услуги оказывать Сержу. Впрочем, надо ему отдать должное: спортшколе он хорошо помогал. И с ремонтом и прочее... Да если б не он, половина тренерского состава давно бы уволилась.

Однажды, в середине нулевых это было, большие деньги появились у Серёги, и он так во вкус вошёл, что кого-то из блатных «кинул». На изрядную партию наркоты. И если б не База-старший — его отец, который в те годы в авторитете у братьев был, Серёгу однозначно на ножи поставили бы. Отмазал его тогда папаша. И вот снова... Что на этот раз? Такое же кидалово, как тогда? Только причём здесь Илья? Он давно уже не с Сержем. Так, по мелочам если... Хотя... мелочей в таких делах не бывает.

И всё же не мог Серж его подставить, размышлял Илья. Когда отец умер, а это случилось незадолго до ареста, Сергей

был первым, кто предложил помощь. У Ильи, что стало почти нормой, трудности были с деньгами. Так Серёга все расходы взял на себя. А не виделись они долго. И вообще, если б не он...

Документов на могилу, где была похоронена мать Ильи, не было. Не успел их Илья оформить. А по правде сказать, просто не думал об этом, не знал, что понадобятся. Вот и получалось, чтобы похоронить отца рядом с матерью, надо было заплатить за землю как за новый участок. Деньги большие, и на тот момент их не было. А Серж появился прямо-таки вовремя. Правда, оформить место на кладбище Ильи всё равно не успел бы, слишком долгая волокита с документами. Вот и решили тело отца кремировать, а урну с его прахом закопать на могиле матери. Так посоветовал Серж.

...Который раз перетряхивал Илья в своей памяти события не столь и давние, последние встречи с Базой... Как вместе с ним забирали тело отца из морга, как на траурной церемонии прощания стояли они плечом к плечу в ритуальном зале крематория; как в тягостном, каком-то гробовом молчании ехали обратно домой. Даже на поминках мало говорили. И после всего этого Серж его подставил? Да быть того не может.

Да, что-то не складывалось в голове у Ильи, всякая логика хромала. А точнее, её вовсе не было, получалась какая-то каша. И душа томилась. Ещё потому томилась, что прах усопшего он так и не отвёз на могилу матери и не придал земле. Не успел. Вот и ворочался. Садился на койку и снова ложился и вставал... И смотрел на Нору. Так смотрел, что тот сам повернулся к нему лицом.

— Что мечешься, как вошь на сковородке?

Илья уже и не знал, что ответить, не знал, что спросить. И что ещё можно спрашивать, какого ждешь совета? И тут, когда казалось, что вопросы уже все закончились, и нет ответов, тупик, Нора, как-то очень легко скинув худые жилистые ноги с койки, привстал и, наклонившись к Илье, словно прицеливаясь ему в самую душу, негромко произнёс:

— Всё хорошо спрятанное, паря, ищи на поверхности.

Услышанное и вовсе сбilo Илью с толку, он потёр лоб и как-то растерянно замотал головой.

— Ты уверен, что мусора тебе наркоту подбросили? — спросил Нора.

— А кто же?.. — Илья ещё не понимал, к чему клонит старый урка.

— Им-то зачем?

— Как зачем... для галочки.

— Нужна им твоя галочка, как покойнику галоши. Здесь, паря, я кумекаю, игра покрупней будет.

И вот это — «кумекаю, игра» — насторожило Илью.

— Игра?..

— Не зря же твой кореш воскрес.

— Саныч, вот те крест, — Илья перекрестился, — не понимаю, что происходит.

— Не понимаешь...

Сухое лицо Нары не выражало никаких эмоций, и вряд ли б кто догадался, что скрывалось под маской этого лица, какие мысли роились в его голове. Он продолжал всё так же смотреть в глаза Ильи, но уже не с прицелом в его душу, а так, будто душу эту он уже вывернул наизнанку и всё о ней знает.

— Не понимаешь... — повторил снова, издав чмокающий звук, словно у него что-то застряло в зубах, но в голосе его теперь было что-то такое, отчего Илья за всё время знакомства с ним почувствовал не просто тревогу, а приближение настоящей опасности. Он и сам не мог понять, откуда шла эта опасность.

— Не понимаешь... — третий раз произнёс Нара и, как делал в минуты глубокого раздумья, уродливыми от полиартрита пальцами поскрёб свой затылок.

— Да, не понимаю. Объясни?

Прямота, с какой был задан вопрос, непритворность Ильи не ускользнули от Нары. Потому что уже по-другому, как будто отечески напутствуя, он произнёс:

— Человек, паря, думает, что он чем-то владеет, но, оказывается, всё, что он имеет, дано ему только взаймы.

— Загадками говоришь, Саныч.

— Как умею, так и говорю, — и Нара снова лёг и отвернулся.

Ночью Илью разбудил Плафон. Дал знак, чтоб он молча, без лишних вопросов, шёл с ним. При тусклом освещении дежурной лампы, что находилась над дверью при входе в секцию, трудно было разобрать, кто из зеков спит, а кто лишь делает вид, что спит. У предпоследнего прохода остановились. Сидя на койке, скрестив по-турецки ноги, Коган тихо разговаривал с кем-то по смартфону. Вернее, он почти не говорил, а лишь слушал и кивал. Когда же закончил, получив, видно, некие указания, спрятал смартфон и озабоченно устался на Илью. Некоторое время что-то обдумывал. Затем дал понять Плафону, чтобы отошёл, а Илье небрежным жестом указал на койку: присядь.

Весь вид Когана выдавал озабоченность — то, с чем хотелось по-быстрому закончить, выполнить взятое на себя однажды некое обязательство. Вор смотрел на Илью даже с не-

которой досадой, в его взгляде как будто читалось: свалился же этот лох ему на голову..

— Что-то случилось? — спросил Илья.

— Случилось. Кони бросил твой кореш.

Услышанное теперь показалось Илье настолько несуразным, что он даже зевнул. Коган не сводил с него глаз.

— Ты, наверно, не понял: покойник твой База.

— Я же говорил...

— Э, нет... — перебил вор. — Взорвал себя База. Гранатой. Сегодня. Мне только что отзвонили. Себя взорвал и двух наших. Его давно пасли. Обложили со всех сторон, волчару, а он... На каком-то кладбище...

— На кладбище? Что он там делал?

— Ты меня спрашиваешь?

— Ну да...

— Это я хотел бы тебя спросить — что?

Коган зло засопел, отчего ноздри его широко вздулись:

— Жаль, меня там не было, я б его мёртвого на ремни порезал.

От ненависти ли к подорвавшему себя Сержу, который уже ничего не скажет, от создавшейся ли по этой причине непонятно какой ситуации, граничащей с безысходностью, Коган резко мотнул головой, словно в нервном тике. Было заметно, что он сильно раздражён.

— Песню, падаль, пел... перед тем, как взорвать себя, — произнёс желчно. — Про могилку..

— Могилку.. — в голове Ильи что-то сработало, будто кто рубильник в ней переключил.

— Ну да, про неё, родную, — не пытаясь сдерживать эмоции, выдавливая из себя каждое слово, Коган каким-то грудным полунапевом, занятый мыслями, зашептал: — И никто о не у-зна-а-ет, где моги-илка мо-о-я...

Немного погодя спросил:

— Слышал эту песню?

Илья утвердительно кивнул.

— Вот-вот, её-то он и пел... — Вор смотрел тяжёлым исподлобья взглядом. — Допелся твой кореш. Допелся... И все концы обрубил. Всё с собой унёс, тварь... — Но тут же, будто зверь, что-то почуяв, впился в Илью глазами: — Или нет? Или я ошибаюсь? Может, что и оставил, а? Что молчишь?..

— Что оставил?

— Дурачком прикидываешься, — Коган чуть ли не вплотную приблизил своё лицо к Илье и, понизив голос, прошипел: — Камушки. Ка-муш-ки, — произнёс уже по слогам. — Знаешь, что это такое?

Илья молчал.

— Брюлики твой кореш заныкал. И очень много. А где, так и не сказал. Может, ты знаешь?

Тёплое дыхание вора, его неприятный до тошноты запах изо рта вызывали отвращение.

— Чую, чую, — продолжал он, — знаешь ты что-то. Знаешь. А вся эта подстава с наркотой — туфта, комедия. За такое бабло можно и пятёру и червонец отпыхтеть. Потом вышел на волю и... хоть на Багамы, хоть ещё куда... На сто жизней хватит. Или я не прав?

— Ты бредишь, — Илья встал с койки.

— А может, баба твоя что-то знает? А? — усмехнулся вор. — Может, её спросить?

Сумрак, что царил в бараке, размывая силуэты двух людей, не смог скрыть изменившиеся черты лица одного из них. Сжав кулаки до хруста, Илья наклонился к урке и ледяным голосом произнёс:

— Только попробуй!

— Не пыли, — как-то просипел Коган. — Я здесь ни при чём.

Илья уже хотел уйти, но вдруг снова наклонился к Когану:

— На каком кладбище взорвал себя База? Где это было?

— Не знаю, не сказали. Да я и не спрашивал. А что?

— Так, ничего...

— Ну-ну... — подозрительно взглянул на него вор.

Илья уже знал, на каком кладбище взорвал себя База.

«Ах, Серёга, Серёга... — с болью и горечью, что затмевали обиду, которая должна бы одолевать, думал он. — Ради чего? Из-за каких-то камушек?..»

Сомкнув веки, он живо представил своего друга, увидел его ясно, отчётливо; представил, как если бы они находились вдвоём — с глазу на глаз, и он, Илья, задал бы ему все эти вопросы. Что бы Серёга ответил? И впервые, наверное, пришла мысль, что он совсем не знал его, во всяком случае не знал так хорошо, как порой казалось.

Вспомнились события более чем двадцатилетней давности, бегство из военной части, одна из ночей, как пробирались по заснеженному лесу. Как, продрогнув до костей, на вторые или третьи сутки развели костёр, и Серж, осторожно пряча сигарету в рукав, при слабом потрескивании догоравшего хвороста, стал тихо напевать: «Позабыт — позаброшен с молодых юных лет, а я мальчик-сиротинка, счастья, доли мне нет...»

Песня эта почему-то Илью в тот момент развеселила. Возможно потому, что Серж явно не тянул на «мальчика-сиротинку». А ещё было хорошо возле костра, в очоеневшее от

холода тело, в руки и ноги постепенно приходило тепло, настроение менялось к лучшему. И тогда он тоже подхватил и они дуэтом негромко запели: «Вот убьют, похоронят, и не будет меня, и никто не узнает, где могилка моя...»

Напророчил, думал Илья о Базе. И вновь вспомнились его слова: «Где большие деньги, там друзей нет».

Похоже, что так. И никаких исключений из правил. И вся эта помощь с похоронами — ширма, прикрытие, чистой воды афера. Но как убедительно! Нарочно не придумаешь. Или совпадение? Пусть так. Серж не должен был... не должен был так поступить.

Илья стиснул зубы. В памяти всплыли отдельные события.

По совету Сержа урна под прах отца была изготовлена на заказ в виде спортивного кубка, из бронзы, с позолоченной табличкой и красивой гравировкой. Крышка, слегка массивная, тоже с позолотой, изображала боксёрскую перчатку. Все расходы взял на себя Серж. В сущности, он и был организатором похорон.

За урной с прахом ездили тоже с ним. Илья ждал в машине, возле здания крематория.

«Всё сделаю сам, — сказал тогда Серж и, не склонный к сантиментам, проникновенно хлопав Илью по плечу, произнёс: — Так будет лучше».

Ничего необычного в этих словах Илья не заметил. Если что и вызвало в какой-то момент озадаченность, так это затянувшееся отсутствие Сержа и внезапное его предложение захоронить урну в нишу закрытого колумбария. Но Илья не придал сему обстоятельству какого-либо значения. К тому же, увидев урну с прахом отца в руках друга, Илья немного растрагался, и все слова неожиданно застряли в горле. Он смотрел на позолоченную боксёрскую перчатку, а выступившие невольными слёзы туманили глаза.

Весь обратный путь Илья держал урну с прахом на своих коленях, чувствуя труднообъяснимую сакральность происходящего. Он почти не сомневался — это было связано с особенностью предмета. Казалось, из него незримо исходила некая мистическая энергия, та одна из форм материи, которая однажды подарила ему жизнь. Впрочем, так оно и было. Поэтому он держал урну бережно, даже с трепетом, время от времени — то ли машинально, то ли по другой какой причине — проводя ладонью, словно поглаживая, по золочёной боксёрской перчатке, ощущая прохладу металла.

За всю дорогу они с Сержем не обмолвились ни словом. Всё давно уже было сказано-пересказано. А на поминках

Сергей спросил, когда Илья намерен захоронить урну. «Завтра» — ответил он, предложив вместе съездить на кладбище. «Не могу, дела...» — с чувством настоящей досады, что не может с ним поехать, сказал Серж. С тех пор они не виделись. А вскоре его взорвали в собственном джипе.

Всё теперь сходилось, нашло своё объяснение. И мысль, что Серж не должен был с ним, Ильёй, так поступать, незаметно отодвинулась на второй план. А затем и вовсе улетучилась, изредка, лишь мгновениями напоминая о себе, как, наверное, хлопки крыльев неизвестной птицы, то приближающейся, то удаляющейся, непонятно зачем совершая замысловатое кружение над головой. Неправдоподобность происходящего уступила место реальности.

«Сколько же там?.. — думал Илья. — Неужели на сто жизней хватит? А если Коган врёт?.. Э-нет...»

Илья почувствовал прилив крови: это было странное ощущение — голова и грудь, руки и ноги словно чем-то наполнились, чем-то тяжеловато-тёплым. Подобного состояния он, кажется, не испытывал давно.

Делая тихие глубокие вдохи, Илья задерживал дыхание, а затем медленно и также бесшумно выдыхал, отчётливо слыша сильные удары сердца.

«Рокфеллер грёбаный!.. — пронеслось вдруг в голове. — Монте-Кристо!..»

Ночь шла на убыль, близился рассвет, а он так и не уснул. Осознание того, что он единственный, кто знает, где находятся «камушки», не отпускало. И волнение, поначалу не очень сильное, незаметно перешло в нервозность. Он чувствовал, как начали гореть щёки и уши. А ещё было ощущение, будто его выжали, точно лимон. Лёжа на койке, он и впрямь ощутил, как всё тело сделалось ватным, а из него словно начали уходить некие живительные соки.

«Спать!» — чуть ли не приказывал он себе.

Но сон не приходил, не давал покоя вопрос: что делать?

Всю жизнь, если мерить современными мерками, получалось, что прожил он так себе... никудашно, залезая в долги, от зарплаты до зарплаты, которая — что уж там... — всегда была курам на смех. Отца хоронил на чужие деньги. А что за все эти годы он дал жене, детям? Что они видели? Ровным счётом ничего. Даже за границей не были. И постоянно скандалы. В основном из-за денег. Просто удивительно: за столько лет — и не развелись. Другая давно бы бросила. Но куда она с двумя детьми? Вот и мучается, бедная. Теперь и вовсе одна. А сидеть ему ещё столько... мама не горюй!..

Затаив дыхание, стараясь не шелохнуться, чтобы не скрипеть койкой, Илья слегка приподнял голову и бросил взгляд в сторону Нары. И замер. Сквозь сумрак уходящей ночи, когда только-только начинает брезжить рассвет, он хорошо различил открытые глаза соседа: не моргая, эти глаза, казалось, смотрели на него в упор. Илья мог поклясться, что это так. Он даже заметил блеск зрачков.

Сколько длилась эта дуэль взглядов, он сказать не мог, но ему уже казалось, что вроде бы спящий с открытыми глазами Нара вовсе не спит, что он всё видит и понимает. Кроме того, догадывается о том, о чём думает Илья.

Чем дольше он смотрел на старого урку, тем больше одолевали сомнения. И когда опустил голову на подушку, твёрдой уверенности в том, что Нара спит, уже не было.

«Да чёрт с ним, — подумал Илья. — Не телепат же он...»

И хоть не было теперь твёрдой уверенности, что сосед спит, — не было и той, охватившей ранее, нервозности. Да, Илья чувствовал себя разбитым, но спокойствие, то ледяное спокойствие, выработанное долгой практикой тренировок, служившее защитой в трудные минуты, незаметно возвращалось. И мысли как будто ложились гладко, в ряд, одна к одной. Он даже стал подумывать, что прав Коган, что за такие «камушки» можно не только пятерик, но и червонец отсидеть.

Великий соблазн одолел Илью: догадка, что он обладатель огромного состояния, захватывала дух, пьянила, уносила к неведомым высотам. Но мысли — как этим богатством воспользоваться, как реализовать эти самые «камушки», — заставляли более трезво взглянуть на вещи, рушили эти надежды — ведь он, Илья, на зоне, и отбывать срок ему.. Об этом даже думать не хотелось.

В голове возникала путаница. Оказывается, всё гораздо сложнее, чем он предполагал. Недаром Серж такой фортель выкинул, поставив на кон собственную жизнь. Коей и поплатился.

На смену мечтам пришли сомнения: и покровительство Анальгина, и шконка рядом с Нарой... Всё теперь настораживало. И нехорошие подозрения закрались в душу.

Стараясь дышать бесшумно, Илья прислушивался к посторонним шорохам, к шагам ночного дневального и поглядывал на Нару, который — непонятно — спал ли?

Решение пойти к отцу Ионе созрело не сразу. Рассказывать ему о «камушках» Илья, конечно, не собирался: не кретин же он, — самому себе рыть могилу. А спросить кое о чём хотелось.

Атмосфера светлой печали царила в красном углу, где находился иконостас, стоял аналой и теплилась лампада. Это был тот самый кабинет следователя, который временно, до открытия строящегося храма, приспособили под молитвенную комнату. Часть помещения была отгорожена занавесью, за которой тоже были иконы, и желающий помолиться в уединении мог туда пойти.

Немало заключённых исповедовались впервые, поэтому отец Иона допустил к причастию не всех. Илья до конца дней своих будет помнить, как подходил к чаше. А потом была проповедь. Такая, что у некоторых выбило слезу. У Ильи тоже. Потому что, как никогда, вдруг поверил отцу Ионе — человеку ещё не пожилому, с редкой бородкой, островками покрывающей его круглые красные щёки. Поверил, что им, простым зекам, отвергнутым от общества, нужна любовь.

«Они и впрямь как малые дети», — разглядывая бритые головы, думал Илья. Он и сам чувствовал себя таковым — обманутым и униженным, точно ребёнок. Ведь не тяжкое преступление совершил. И совершил ли? Наркотики ему подбросили. Кто? Не столь теперь важно. Факт что подбросили. А если и преступал закон — по той лишь причине, что не мог отказать другу. Да Илья давно раскаялся. И Христос говорил, что пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию. И прав, тысячу раз прав отец Иона, утверждая, что страдания очищают, заставляют задуматься о пройденном.

Илья смотрел на тёмно-синие робы, на лица, в которых ещё недавно видел лишь жестокость и порок, и замечал, как постепенно в этой благодатной обстановке лица меняются, светлеют, как будто внутри с людьми что-то происходит, они словно перерождаются, избавляясь от всего наносного и ненужного. И впервые он подумал о том, что если б не арест, если б не тюрьма и зона, он бы так и жил — без веры в Бога.

Был ясный безветренный день. Солнце стояло в зените. В свой блок Илья шёл в чуть приподнятом настроении, не замечая, как раньше, колючую проволоку на заборах и вышках. «Скоро обед, — думал он, — а потом...» Что будет потом, он ещё не знал.

После обеда часть зеков в комнате для воспитательной работы смотрела телевизор. В секции было тихо, лишь у дальних шконок негромко брэнчала гитара. Когда Илья вошёл, звуки её смолкли. И если ещё вчера, не опасаясь попасть в изолятор, блатная братия, поддавшись полной расслабке и нарушая режим, играла в карты, курила и чифирила, то сейчас было всё иначе: молчание воцарилось вдруг, а в самом помещении стоял необычный порядок.

Никто не лежал на койках — все они были аккуратно заправлены. И Коган, усевшись на стул в проходе возле койки Ильи, закинув ногу на ногу, листал уже новый журнал. Штрифель с Плафоном находились тут же. Лишь Нара сидел на койке; редко пользовавшийся очками, теперь нацепив их на нос, читал Евангелие. И такое безмолвие стояло, что было слышно, как бьётся о стекло муха.

— Да убьёт её кто-нибудь! — взорвал тишину Плафон.

— Сам убей... — долетел до Ильи чей-то совсем слабый голос. А может, и не голос вовсе, может, это только показалось. Всё равно никто не сдвинулся с места. Лишь некоторое время спустя двое сидельцев из работяг, писавших, видно, письма, вышли. Вслед за ними потянулись и другие. Вышел и Анальгин: опустив глаза, он так и не взглянул на Илью. Затем вышли Гезон с Зямой.

Когда Илья шёл между шконок, напряжение уже витало в воздухе. Но в кармане его робы, аккуратно завёрнутая в обрывок чистой бумаги, лежала просфора, оставшаяся ещё от утренней службы, которую он приберёт на завтра. Её он и хотел положить в верхний ящик тумбочки. Но Плафон перегородил проход; вскинув ногу, упёрся ею в спинку койки.

— Дай пройти.

— А ты попробуй, — злорадно хихикнул Плафон.

— Сломаю... ногу-то...

Илья окинул взглядом присутствующих, посмотрел на Нара, который невозмутимо продолжал читать.

— Ей богу, сломаю, — сказал жёстко.

Плафон всё ещё ослабил. Но бледность, появившаяся на его лице, и блеск в глазах выдавали страх.

С намерением припугнуть Плафона, Илья сделал резкое движение рукой, и тот, пытаясь отпрянуть, застрял ногой между прутьями спинки койки и неуклюже свалился на пол.

— Видели!.. — вскочил он, выхватив заточку. — Все видели?!

Штрифель улыбался. Нара с той же невозмутимостью читал. Только Коган закрыл журнал.

— Я тебя прямо здесь замочу, каратист хренов!.. — Плафон сделал выпад в сторону Ильи, но в тот же миг, испустив короткий вопль, схватился за запястье. Заточка, лязгнув о металлическую дужку, отлетела под шконку. Её тут же подобрал Штрифель.

— Кино посмотрелся... — Коган глядел на Илью с каким-то даже сочувствием. — А ты что орёшь? — встав со стула, холодно бросил Плафону. — Хочешь, чтоб режимники слышали, чтоб всю зону на плац?..

— Да знает он, — словно оправдываясь, верещал Плафон. — Знает, падлой буду..

— Конечно, знает... — Нара посмотрел на Илью из-под очков. Затем, неспешно сняв их, закрыл Евангелие и положил книгу на тумбочку. — Ведь знаешь, Илюша. Знаешь. Или нет?

— О чём?

— О брюликах, — каким-то уже сирым голосом произнёс Плафон, продолжая несильно потирать запястье: ему и впрямь было больно.

— Пасть закрой! — Нара взглянул на Плафона так, что сомнения, кои ещё оставались у Ильи, исчезли окончательно. И всё же не верилось, не хотелось верить. — Ну так что, Илюша?..

— Ты о чём, Саныч?

— Не дури, паря, не дури... — Нара покачал головой, и это лёгкое покачивание не сулило ничего хорошего.

— Нара, это же кидняк, — вставил своё слово Штрифель.

— Не-е, это не кидняк. Это хуже — объява.

Не только на лицах Плафона и Штрифеля появилось удивление, оно появилось и на лице Когана.

— Да, объява. Или я не прав, Илюша? — Нара снова взял Евангелие, раскрыл книгу, заложенную на нужном месте. Приложив очки к носу, вслух стал читать: — «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Так Господь говорил. Через апостола Матфея. Ты ведь хочешь попасть в Царствие Божие?

— Не знаю, где ваши брюлики, — Илья хотел уйти, но теперь проход ему перекрыл Штрифель.

— Я же сказал: не знаю...

— Верю, верю, — повторил Нара. Встал с койки, подошёл к Илье и заглянул ему в глаза. — Верю, что ты не знаешь. Да тебе и знать ничего не надо. Ты только скажи, где урна?

— Какая урна?

— С прахом твоего папы, которого ты кремировал.

— Отец Иона... — грустная усмешка исказила губы Ильи.

— На него не грехи, он не при делах, — сказал Нара, — это всё хозяин. Растолкуй пассажиру, — кивнул Штрифелю

— Ну да, Агаян и придумал всё. В кабинете следователя, где вы все каетесь... — вор хихикнул, — жучок стоит. Только опер, что жучок ставил и прослушку вёл, давно прикормлен. Он и сказал, что ты с попом о кремации что-то гнал...

— Теперь понятно? — спросил Нара Илью.

— Более чем...

— Так где урна?

Илья молчал.

— Да пойми ты, друган твой нас кинул, тебя подставил, семью твою...

— Не вы, так Агаян с меня всё равно спросит...

— Во даёт! — скривил рот Плафон. — Совсем страх потерял, мусора боится, а нас как бы нет.

— Тебя, что ли, бояться, плесень галимая? — презрительно бросил ему Илья.

— Послушай, паря, — знакомым уже отеческим тоном продолжал Нара, — чужое взял не ты, База. К тебе претензий нет. Но надо всё вернуть. А насчёт хозяина... Завтра скажешь ему, где урна, потому что сегодня... — Нара подумал, затем продолжил: — Короче, всё будет в ажуре: обещал тебе Агаян условно-досрочное, значит, обещание выполнит. Слово даю.

Илья по-прежнему молчал.

— Не играй в героя, паря, не играй, — уговаривал Нара, — добра ведь желаю. Чужое взял твой друган, вернуть надо.

— Чужое ли?..

— Ты как Роден...

— Кто? — не понял Илья.

— Скульптор такой был. Стучал по мрамору и страдал высокими мыслями.

— Смешно...

— Очень смешно. Видел я, как ночью у тебя глазки-то горели. Бабки, поди, подсчитывал?

— Какие бабки?

— Наши, воровские! — резко ответил Нара и, видя его упорство, кивнул Когану: — Мобилу дай.

— Смартфон, — поправил тот, доставая телефон.

— Какая разница... — Нара уже не скрывал раздражения. — А впрочем, сам набери...

— Что?

— Не что, а кого... И чтоб слышно было...

— На громкость, что ли, поставить?

— Поставь.

Нара взял смартфон лишь тогда, когда заиграла мелодия таймера. Затем послышался женский голос, в котором Илья тут же узнал голос жены.

— Пусть она посмотрит в окно, — сказал ему Нара.

Не сразу Илья упрямил ошарашенную неожиданным звонком жену посмотреть в окно, а когда добился этого и услышал ответ, кого она там видит, Нара тут же отключил телефон.

— Не звери мы, паря, но всему есть предел. Где урна?

...Тогда, на следующий день после поминок, отвезти урну с прахом отца на кладбище и захоронить её не получилось.

Помимо тренировок всё какие-то дела находились. Словом, закрутился. Дальше и вовсе — то дождь, то не поймёшь что... Держать урну дома не стал — жена была против. Но нашёл достойное вроде бы место для неё. И мучился потом. Вот и советовался с отцом Ионой. Ведь думал, что временно, а оказалось... — ничего нет более постоянного, чем временное.

— Где урна? — повторил вопрос Нара.

— Жену с детьми не трогайте.

— Не тронем.

— В спортшколе, за стеклянным стендом, где кубки.

— Кто бы мог подумать!.. — удивлённо хохотнул Коган.

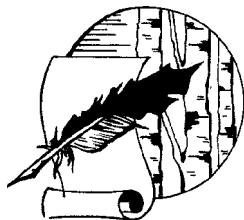
— А надо было бы думать, — проворчал Нара. Он как-то сразу выпрямился, словно гора свалилась с его плеч и, возвращая смартфон Когану, произнёс: — Ну, что стоишь? Звони. А я — телевизор смотреть, послушаю, что в мире делается.

И не торопливой походкой пошёл. За ним, собираясь кому-то звонить, направился Коган.

Только теперь Илья вспомнил о просфоре, что лежала в кармане в чистом обрывке бумаги. Он шагнул к тумбочке, чтобы положить просфору в ящик, но сильный удар в спину пронзил всё тело страшной болью. Особенно острой она была под левой лопаткой. Настолько острой, что спёрло дыхание. Он даже не вскрикнул. Хотел вдохнуть глубже, но второй удар сковал и этот вдох. А когда получил третий удар и горлом пошла кровь, одна мысль, которая приходила в последнее время всё чаще, как будто превратилась в реальность: он встанёт в строй рядом с теми ребятами, которые полегли под Грозным, и получает вместе с ними заветную пулю. Да, ему теперь этого очень хотелось. Желание было столь навязчивым, что в какой-то миг он вдруг пожалел, что это была заточка, а не пуля.

«Отец...» — было последним, о чём он подумал.

г. Подольск Московской обл.

Валентина КОРКИНА

КАК ПТИЦЫ

* * *

Обрывки фраз, осколки дней —
Отсвет былого — не напрасны:
О жизни думаю, о ней, —
О черно-белой, но прекрасной.

О, как дышалось жарким ртом!
О, как полны были значенья
Любимый взгляд, приветный дом,
Кустов шиповника цветенье!

Да и теперь — на склоне лет
Душа устало не вздыхает:
Вбирает вглубь небесный свет,
Рябиной зимней полыхает.

* * *

На перрончике маленькой станции
Рассыпается стук каблучков,
Да в кустах запылённой акации
Сухо щелкают створки стручков.

Я хожу в ожидании поезда —
К новой жизни, неведомой мне,
И так молодо, жарко, не боязно
Пробегают озноб по спине.

...Сколько глупых ошибок, нелепицы
На пути моём длинном, крутом.
Только день этот светится, светится:
Он не знает, что будет потом.

* * *

Спит в зеркалах вчерашний день.
Заглянешь — спрячется за раму —
И нет его. Как будто тень
Наводит кто-то на плетень,
Стирая тряпкой панораму.

А за порогом — тот же вид —
Дорога, пашня, купол клёна
Над домом. Пыльный куст глядит
С мольбой в глаза... Во рту горчит
От чёрной ягоды паслёна.

И гладь зеркальная пруда
Бесстрастно небо отражает:
В ней облаков седых гряда
Летит и тает без следа —
У кромки влаги навсегда,
Как день вчерашний, пропадает.

МУЗЫКА

I
Музыка Георгия Свиридова —
Солнечный торжественный восход,
Брызги света, в воздухе разлитого,
Ласточки стремительный полёт,

Ивушки-печальницы смирение,
Снега под ногами лёгкий хруст...
Сколько же любви и вдохновения
В этом половодье мыслей, чувств!

Слушаешь — и будто прикасаешься
Сердцем к чудотворным образам;
Слушаешь — на крыльях поднимаешься
К праздничным бездонным небесам...

II
Много памятных видов
В Курске... Только тот вид,
Где Георгий Свиридов
На скамейке сидит,
Мне особенно дорог:
Слышу, вижу, как тут

Вольной музыкой город,
Словно парус надут.

...Вот он, выйдя на воздух,
Вдалеке от столиц
Просто слушает звёзды,
Просто слушает птиц:
То ли в горних пределах
Пребывает душа,
То ли — бабочкой белой,
Над скамейкой кружа...

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ

Жарким яростным пламенем жгут
Голоса — смесь отваги с кручиной:
На едином дыханье поют
О войне и о смерти мужчины.

...Вот поглядят детей по вихрам,
Жён прижмут к сердцу, простоволосых,
И судьбу свою вверят ветрам,
И докурят свои папиросы:

Расставанье на век — на войну..
Вот погрузят их всех в эшелоны,
Женский плач разорвёт тишину,
Закричат вещим криком вороны,

Грянет песня Второй мировой,
Взмает в небо и ухнет в пучины,
Рассчитаться на «мёртвый—живой»
Повелит вам отныне, мужчины...

АННА

Она прожила, как смогла:
Покуда хватало силёнок —
В колхозе дояркой была,
Вручную доила бурёнок.

Давно деревянным крестом
Увенчана Анны могила...

О чём я? О самом простом —
Что сердцу понятно и мило:

О том, что стояла изба,
Росла в огороде рябина;
Что женская эта судьба
С другими слилась воедино;

Что Анна вовек не умрёт:
Она всю жизнь усердной
Вросла в наш бессмертный народ
И тоже осталась бессмертной.

У ФЕТА

Автобус. Остановка.
Волнующий сюжет.
Усадьба. Воробьёвка.
А Фета дома нет...

Но пусть его нет дома —
Открыта настежь дверь.
И соловей знакомо
Рассыпал в парке трель.

В тени дубов — площадка,
Где мы сошлись, тихи...
Так боязно и сладко
Читать свои стихи!

Хозяин где-то рядом...
Я знаю, в этот час
Он здесь, и строгим взглядом
Окидывает нас...

Разъедемся без боли.
Под сенью облаков
Нарвём у края поля
Охапку васильков

Для фото — всем на память,
Пока разлуки нет,
Пока наш праздник — с нами,
И в каждом сердце — Фет.

* * *

Этот скверик привокзальный
только тем и знаменит,
Что луна над ним фарфорово,
как блюдечко, звенит
О разлуке неминуемой...
о разлуке навсегда...
Не заглядывай в глаза мне
и не спрашивай: «Куда?»

... Не скажу тебе ни слова
про свою тьмутаракань,
Где теснятся дни-потёмки,
где — ни зги, куда ни глянь;
Где ненастная погода,
где я вечно неправа,
Где зачем-то существую
без тебя — едва жива...

Как напрасно с укоризной
ты сказал: «Легко ломать...»
О, как трудно я ломала —
даже страшно вспоминать!
Оглянусь — увижу скверик,
под фарфоровой луной.
Ты давно уже далече.
Ты пока еще со мной.

КАК ПТИЦЫ...

Пришитые к земному крепкой нитью —
К заботам, к добыванию еды,
Повадки птичьи знаем по наитью:
Полёты, песни, гнёзда — их труды.

Мы так похожи с птицами! Их крылья
Возносят в небо, в нас — парит душа.
А так — всё то же: неба изобилье,
Полёты — за душою ни гроша.

... Ничто плохое с нами не случится,
Пока земля — приветливый наш дом.
Богатые и нищие, как птицы,
Взлетим однажды — в небо упадём.

СРЕДИ НОЧИ

Очнёшься в мёртвой тишине, как воин в поле,
Смертельно раненый... За шторой — свет Стожар.
А сердце бьётся — «бух» да «бух» — так колоколит,
Что мысли с чувствами бегут, как на пожар.

Но что горит? Кого спасти? Себя ли? Друга?
Семью? Страну ли в тихом вкрадчивом огне?
И в неизвестность запелёнутая туго,
Лежишь недвижно в напряжённой тишине.

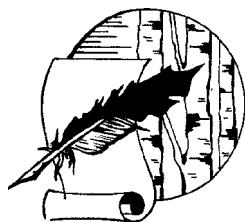
Нездешний голос вдруг окликнул — не иначе...
В испуге вздрогнешь и беспомощно замрёшь:
Ведь между сном и явью что-то, видно, значат
Все те вопросы, что себе ты задаёшь.

* * *

Если слово — такое же дело,
Как посев многотрудный зерна, —
С малолетства я им заболела
И до смерти останусь верна
Его власти святой и бессмертной,
До поры дармовой, как и свет,
Данный небом...
А встану над бездной
Предпоследней —
И спросит ответ
С меня Бог мой: «Созрела ль пшеница
На полях?
Уродилась ли рожь?
Что пожнёшь?»

...Мне страда моя снится —
И в душе — безответная дрожь.

г. Курск

Владимир БОЛЬШАКОВ

10 марта этого года в Российской государственной библиотеке состоялся поэтический вечер Владимира Викторовича Большакова. Многие читатели русской прессы давно знают Владимира Большакова как острого, очень актуального русского публициста, журналиста-международника, автора многих интересных книг на исторические и политические темы, в прошлом собственного корреспондента «Правды» и «Комсомольской правды». Но присутствующие в Голубом зале бывшей Ленинки убедились еще и в том, что Владимир Викторович помимо публицистического обладает и большим поэтическим талантом.

На вечере были представлены две объемные книги стихов известного автора — «Заветные тетради» и «Коловращение». Первая была издана еще в прошлом веке в издательстве «Евразия», а вторая — в 2017 году «Художественной литературой».

Владимиру Большакову по своей журналистской профессии посчастливилось побывать не только в огромном количестве стран, но и чуть ли не на всех континентах, не говоря уже о том, что он вдоль и поперек объездил всю нашу страну. И накопленный груз впечатлений, наблюдений и размышлений нашел отражение не только в очерках и статьях, но и, конечно же, в поэзии.

Два часа автор читал своим благодарным слушателям стихи, написанные в разные годы и в разных странах, стихи, наполненные экзотикой Египта, Палестины, Австралии, Франции, Камчатки, российского Севера... Это были очень современные стихи. Сделанные профессионально, образно, наполненные глубокой метафоричностью, они увлекали и завораживали слушателей, которые не скупались на аплодисменты. Это были разноплановые стихи — о войне и революции, о звездах и море, об одиночестве и любви, гражданские и юморные...

Стихи Владимира Большакова — это сплав разных поэтических традиций: современной европейской, перешедшей в основном на т.н. свободный стих, верлибр, и русской классической традиции, организующей себя четким стихотворным размером и рифмовкой. У Владимира Большакова обе эти тра-

диции переплетаются не только в разных стихах, но и нередко в одном стихотворении, что делает эти стихи необычайно оригинальными и, повторяю, очень современными.

Владимир Большаков еще в советское время публиковал свои стихи в журналах «Юность» и «Молодая гвардия». Но журналистская работа и политические события в мире и в стране заставляли отвлекаться от лирики, забирали время и творческую энергию. Видимо, по этой причине он стал широко и громко известен читателям как публицист и очень мало кому известен как поэт. Но вечер в Российской государственной библиотеке в какой-то степени восполнил этот пробел в нашем знакомстве с творчески разносторонним писателем.

Валерий ХАТЮШИН

НАД ОБРЫВОМ

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

Я строю замок на песке.
Я знаю — всё на грани срыва.
Но мы шагаем по обрыву
с тобой вдвоем, рука в руке,
и строим замок на песке...

Я знаю — всё у нас не так.
Непрочен и сыпуч фундамент.
И насмеются над нами
и говорят мне — «Брось чужак!
Зачем ты взялся строить замок?
Построил лучше бы барак!»

Из всех строительных контор
явились к нам прорабы скопом.
И спорят — перенять ли опыт
или не видеть нас в упор,
а попросту глазами хлопать
из всех строительных контор.

А замок на песке растет.
Он так изящен и прозрачен.
«Начальству строят, не иначе», —
народ судачит у ворот.

А ты молчишь и только плачешь —
боишься, замок упадёт.

Кричат нам:
«Всё на грани срыва!
Всё разлетится на куски!»
А замок реет над обрывом
всем предсказаниям вопреки.

О ВЕЧНОСТИ

Ты мучаешься?
Неспроста.
Никак понять не можешь,
что всё на свете — суета,
и эта мука — тоже.

Мы обратимся в прах и пыль,
раз уж из праха вышли.
Всё после нас сдадут в утиль,
включая наши мысли.

И наши беды от ума,
и наши передряги
сгорят, как старые тома,
на фабрике бумаги.

И как бы ни был ты весом,
остаться в мире этом
возможно разве колесом
да микроэлементом.

Не вечна даже красота.
Одна душа нетленна.
Всё остальное — суета
в параметрах Вселенной.

УХОДЯ

Прощай... Я большего не жду.
Я знаю, всё уже свершилось.
Часы сверяя на ходу,
я выхожу в ночную стылость.

Я ухожу туда, где ждут
меня с полночи до рассвета.
И вот вхожу, иду на суд —
в квартиру, залитую светом.

И вмиг погаснут фонари.
И стекла всхлипнут запотело.
И будет рядом до зари
ее лицо белее мела...

ИЗ ПИСЬМА

... Там, дома,
снежно и светло...
Здесь солнца пир...
Здесь в океане
медуз холодное стекло
глаза доверчивые ранит.

И птицы плачут до утра
в лиловых шапках джакаранды.
А где-то там
хмельной буран
стучит в окно
твоей веранды...

ОПЕРАЦИЯ

Если вдруг так случится,
что врачи кардиологи
вскроют грудную клетку —
представляю их ужас —
им по форме напомнит
сердце мое Австралию.

Будут мужи ученые
совещаться часами,
строить догадки.
Как? Почему?
Такого отродясь не видали!

И патологоанатом
скажет свое слово:

«Видимо, у него два сердца...
Это бывает...
Произошло сращенье
по причине неясной.
Операция? Вряд ли
это ему поможет...
Всё зашейте, как было,
и никому ни слова!
Не хватало нам сердца,
похожего на Австралию!»
И, завершая консилиум,
старый хирург скажет:
«Что ж, вы правы, коллега.
Может быть, рассосется».

СТРАНА ДЕТСТВА

Внутри меня — своя страна.
И мне неведомо доньше,
когда наступит там весна,
когда — цветение польни.

Там тени блёклые плывут
по просекам, быльем поросшим,
и всё любовь мою зовут,
давно оставшуюся в прошлом.

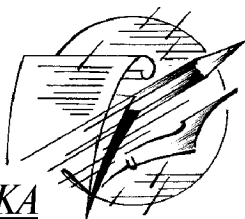
...Мне не отпущено ни дня
в стране, куда мне нет возврата.
Она живет, как и когда-то
Во мне...
И всё же — без меня.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТКА В ПОДРАЖАНИЕ США

Важным условием для выживания любого человека или вида, является его способность адаптироваться к изменчивому состоянию окружающей среды. Если стало холодно — искать место потеплее, нечего есть — учиться откладывать про запас и т.д. Вариантов решения подобных вызовов — масса. И там, где наш мозг не может найти выход из сложившейся ситуации, включается либо наш личный опыт, либо опыт, который тебе смогли передать твои соседи или наставники. Все эти качества: адаптация и извлечение уроков из пройденных ошибок — являются признаком интеллекта.

При этом, как свидетельствует народная мудрость, признаком подлинного ума является способность делать выводы из чужих ошибок, а не своих. Такого человека можно не только назвать очень наблюдательным, но и образцово умным.

К сожалению, с возрастом, гибкость ума значительно слабеет. Пожилому человеку сложно адаптироваться к переменам в обществе и уж тем более сложнее подвергать критическому осмыслению свои или чужие ошибки. Такой человек, как правило, обладает мощным багажом знаний и мудро-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

стью прожитых лет. Ему уже не требуется гибкий ум, потому что в его жизни почти все ситуации, с которыми он может столкнуться, уже распределены по неким приобретённым навыкам или шаблонам поведения. Это называется житейская мудрость.

В Древнем Риме или Древней Греции такие мудрые старцы обычно восседали в Сенате или Ареопаге и под их зорким надзором власть вела людей через все исторические невзгоды, советуясь с ними и прислушиваясь к их опыту.

Ни для кого не секрет, что сегодня управление российским государством сосредоточено в руках почтенных геронтов, которые ведут нас в «мир счастливого будущего». Просматривая автобиографию того или иного политического старца и, по совместительству, предпринимателя, невольно восхищаешься, какой насыщенной и деловой жизнью он живет, не забывая при этом и про собственное самообразование: куда ни посмотришь — кругом кандидаты или доктора наук! Истинно говорю вам, ни дать, ни взять, а в России воцарилась настоящая ноократия (дословно: «власть разума»)!

И настолько заумными бывают их решения, что нам остаётся лишь удивляться: несусветная глупость ли перед нами или очередная, недоступная пониманию смертных, политическая «многоходовочка».

В то время, пока Штаты трясутся от беспредела чернокожих и крайних левых, руководство нашей страны не может не порадовать нас своими «дальнозоркими» и «своевременными» инициативами. На днях стало известно, что МВД России по поручению правительства разрабатывает новый правовой режим для долгосрочного проживания мигрантов.

Казалось бы, очень своевременный шаг, особенно после того, что мы увидели у своего заокеанского соседа. Но мы слишком рано радуемся. Эти события никоим образом не связаны. Сама эта инициатива является естественным продолжением того плана мероприятий, которое правительство РФ утвердило по реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019—2025 годы.

Давайте, пройдемся по самым интересным местам. Новый правовой режим призван обеспечить: «

1. Упрощение порядка приёма в гражданство РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих компетенции, востребованные экономикой;

2. Упрощение порядка приёма в гражданство Российской Федерации отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, окончивших обучение в российских государственных образовательных организациях высшего обра-

зования по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам;

3. Совершенствование законодательства в части упрощения порядка предоставления отдельным категориям иностранных граждан и лиц без гражданства разрешения на временное проживание и вида на жительство в Российской Федерации, в том числе иностранным гражданам и лицам без гражданства, успешно освоившим в Российской Федерации имеющую государственную аккредитацию образовательную программу высшего образования по очной форме обучения и получившим документ о высшем образовании и о квалификации с отличием;

4. Увеличение срока постановки на миграционный учет участников Государственной программы и членов их семей, а также срока действия выдаваемых им виз;

5. Проведение мониторинга и анализа конфликтных ситуаций с участием иностранных граждан на почве межнациональных или межрелигиозных отношений и подготовка предложений по мерам, направленным на их предупреждение;

6. Проведение мероприятий по социальной и культурной адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в целях обеспечения на территории Российской Федерации межнационального и межрелигиозного мира и согласия...» и т.п. (Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 22 февраля 2019 г. № 265-р).

Я привел лишь часть тех инициатив, которые МВД обязано проработать. Как видим, общий вектор миграционной политики движется в сторону **упрощения** въезда в страну и, как следствие, **увеличения** притока миграции в Россию. И речь идёт не только о русских или украинцах, проживающих в ближнем зарубежье и желающих воссоединиться с Родиной (хотя и о них в Концепции как бы намекается), а прежде всего о трудовых мигрантах из Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан) и Закавказья (Азербайджан и Армения).

Понятное дело, что российская экономика находится сейчас не в лучшей форме и государство нуждается в дешевой рабочей силе. Т.е. ещё более дешёвой, чем может сегодня предложить рынок труда. Чтобы простимулировать и поддержать отдельные секторы экономики, такие как строительный бизнес, сферу обслуживания или сферу образовательных услуг, государство сознательно создаёт высокую конкуренцию в этих областях за счёт появления на рынке труда крайне дешевой иностранной рабочей силы.

Но вместе с тем, приток иммигрантов будет способствовать и выравниванию демографических показателей в России. За счет новоприбывших можно с легкостью закрыть

страшную и неприятную правду: население России опасно сокращается.

Приведу пример за 2016, 2017 и 2018 годы. Т.е. за последние три года, которые приведены на официальном сайте Росстата.

2016 год. Родилось: 1 893 256 человек. Умерло: 1 887 913 человек. Естественный прирост: 5 343 человек. Миграционный прирост: 261 948 человек. Всего население России увеличилось на 259 661 человек (Федеральная служба государственной статистики).

2017 год. Родилось: 1 689 884 человек. Умерло: 1 824 340 человек. Естественная убыль: 134 456 человека. Миграционный прирост: составил 211 880 человек. Всего население России увеличилось на 76 059 человек.

2018 год. Родилось: 1 604 344 человек. Умерло: 1 828 910 человек. Естественная убыль: 224 556 человека. Миграционный прирост: 124 844 человек. Всего население России уменьшилось на 99 712 человек.

Естественно, что эти статистические данные колеблются в разные стороны, в зависимости от года, но мы можем наблюдать характерную черту: основной прирост населения происходит именно за счёт иностранной миграции (читай: трудовая иммиграция из Средней Азии).

И несмотря на эти меры, прогноз роста населения страны — отрицательный, и за ближайшие 80 лет население России должно сократиться более чем на 20 млн. человек! Т.е. в среднем ежегодная убыль населения составит 250 000 человек. При такой неутешительной статистике наши великие умы считают, что иностранная миграция — единственное приемлемое решение. А там уже потомки разберутся, что да как, может, даже наступит «светлый коммунизм» и все проблемы как рукой снимет.

Ввиду того, что у нас не ведут ни национальную, ни религиозную перепись, сказать точно, сколько русских сейчас проживает в России — можно только с большим округлением, так сказать, на глаз.

Росстат в своей переписи за 2010 год указал, что русскими себя назвали 111 016 896 человек из 142 900 000 человек, т.е. 78%. Несложно предположить, что при отрицательном приросте населения, который в разные годы может составлять от минуса 250 000 до минуса 700 000 человек, национальный состав России изменился не в пользу коренного населения и для русских оно будет составлять, скорее всего, цифру где-то в районе 70—75%. Более точные данные Росстат представит уже после 2020 года.

Между тем, мы не учитываем здесь и то обстоятельство, что трудовые мигранты, остающиеся в России и рождающие тут детей, потенциально имеют возможность оформить гражданство для своего ребенка и, конечно же, пользуются этим.

В среднем около 2 млн. мигрантов в год приезжают в Россию для работы (согласно статистике пограничной службы ФСБ России, опубликованной на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). В 2019 году 500 тысяч мигрантов получили гражданство РФ («МВД оценило ежегодный приток мигрантов в Россию более чем в 16 млн. человек»)! Количество нелегальных трудовых мигрантов колеблется дополнительно от 2 до 5 млн. человек.

При такой печальной ситуации российские чиновники с завидным упорством стараются не замечать того, что такая миграционная политика не является решением проблемы, а всего лишь временная мера, которая только усугубит национальную катастрофу России. Я не зря привел в этой статье и упоминание о мерах по разработке системы предупреждения национального и религиозного напряжения, а также возможности адаптации иностранцев в культурном поле нашей страны. Но правительство с завидным упорством стремится повторить путь США по решению их межнациональных конфликтов, который, как мы можем видеть, потерпел полных крах: ни чернокожие, ни мексиканцы, ни пуэрториканцы не встроились в модель общего американского правосознания. Каждая приведённая этническая группа сохранила свои особые взгляды на систему взаимоотношений с государством. Для чернокожих или латиноамериканских нелегальных мигрантов закон — это то, чего следует как можно лучше и чаще избегать. И как следствие — это массовые беспорядки в США, приведшие не только к разграблению магазинов и серьёзному экономическому урону, но и к гибели невинных людей.

Создание условий для расширения этнической миграции в России породит те же самые проблемы. Только в более радикальном русле. Наличие низкоквалифицированного труда вкупе с поощрением внедрения мигрантов в систему получения высшего образования произведёт к обвалу зарплат и в сфере высококвалифицированного труда, так как появятся специалисты, которые могут себе позволить более низкую зарплату. Как следствие, многие коренные жители страны будут либо вынуждены уйти с ранее занимаемой работы, либо согласиться с понижением своих фактических доходов. И как следствие, вырастет озлобленность к приезжим.

Но так как МВД призвана урегулировать все возможные конфликты, то возникнет необходимость в расширении реп-

рессивного аппарата. И уголовное законодательство продолжит свое движение к ужесточению и расширению понятия экстремисткой деятельности. Увеличатся преследования за «неудачные» шутки, «неудачные» фотографии, «неудачные» высказывания и статьи. И такая картина ожидает нас в ближайшем будущем, благодаря «продуманной» миграционной политике в России. Уже многие годы наша страна, кстати, занимает почётные места лидеров среди стран с наибольшим притоком мигрантов, уступая лишь США и соперничая за второе место с Германией.

Почему правительство так уверено, что расовые беспорядки обойдут Россию стороной — большая загадка. Почему, следуя общему курсу с США и Европой в области миграционного законодательства и навязывая русскому обществу парадигму «всеобщего равенства», в один прекрасный момент у нас не могут восстать меньшинства с требованием компенсации за «империалистическую или советскую эксплуатацию», которая нанесла непоправимый вред их культурной самобытности?! Непонятно, почему этого не может произойти.

Что можно сделать в этой ситуации? **Давно настало время начать диалог о проблемах и опасностях иностранной миграции.** В первую очередь, необходимо спросить коренных жителей России, как они относятся к такой ситуации в целом. Русские люди весьма гостеприимны, и нас не смущает ни цвет кожи, ни религия мигрантов, но вот когда эти «гости» начнут отбирать нашу работу, а это обязательно произойдёт из-за возросшей конкуренции и падения оплаты труда, какой будет выход у коренного населения? Лучше работать и составить здоровую конкуренцию мигрантам? Очень смешно. Это абсолютно нереально и преступно по отношению к своему народу — требовать от своих же граждан еще «туже затянуть пояса» ради трудовой конкуренции с мигрантами. Необходимо вынести проблему трудовой миграции в пространство общественной дискуссии, хотя бы на уровне муниципалитетов, заставляя народных избранников искать законодательные пути защиты интересов граждан. В противном случае, мы сможем лишь в очередной раз убедиться, что т.н. «демократия» в её нынешнем виде изжила себя как политическая система, призванная защищать свободу граждан и их право на достойную жизнь. Принимай хоть тысячу поправок к Конституции — лучше не станет. Потому что не в поправках дело, а в способности делать выводы из печального опыта наших соседей. Пока таких выводов российские власти не сделали.

АИСТ

РАССКАЗ

Белорусская деревня Радимичи, некогда большая, имевшая свою ферму, силосную башню, выгон, теперь насчитывала только шесть жилых домов. Да и проживали в них большей частью одинокие старухи.

Мы с женой, родители которой происходили из этих мест, приехали сюда после многолетнего перерыва и деревни не узнали. Силосная башня давно обрушилась и угадывалась лишь по густо поросшему крапивой холму. Пруд, в котором я когда-то удил карасей, превратился в неподступное болото. Не было бегающих по пыльным улицам ребятишек и мычащих по утрам и вечерам коров. Тишина и оцепенение поселились тут.

Впрочем, поля окрест были возделаны. Из соседнего, более крупного села сюда временами наползала техника — углублялись мелиоративные каналы, косилась на лугах трава. Признаться, ухоженный вид этих лугов, зеленых полей кукурузы, желтых ковров рапса, как и волшебное исчезновение борщевика, поразили нас еще на въезде в Беларусь.

ПРОЗА

Километра за четыре до деревни мы сделали остановку возле небольшого, увенчанного рыжествольными соснами холма. На этом холме, под его сухим песчаным одеялом покоились родители жены и более далекие ее предки. Тут было как-то не по-земному тихо, пахло хвоей и увядшими цветами. Меж оградок росли кустики черники с нетронутыми ягодами, можжевельник и боярышник. Могилы, в отличие от городских кладбищ с их тяжелыми полированными надгробиями и пышными цветниками в каменных рамах, были тут совсем обыкновенны: кресты — деревянные либо отлитые из бетона, холмики — поросшие травой, с воткнутыми в них пластмассовыми цветочками, кое-где — поникшие цветы в баночках с позеленелой водой. На таких простых деревенских кладбищах мне всегда чудится, будто лежащие тут отжившие люди откуда-то глядят на меня. Но не снизу, не из-под земли, а откуда-то сбоку или сверху. Глядят, как глядит на тебя твое отражение в воде.

Кладбище называлось Рябинкой — по имени речки Рябинки, протекающей в подножии холма. Рябинка эта, по воспоминаниям жены, была некогда вполне приличной речкой, а теперь представляла собой ручеек, едва приметный в гуще камышей.

Немногочисленные обитатели Радимичей мою жену Нину помнили и отнеслись к ней с радушием и теплотой. И в первую очередь — соседка Фаина.

Это была крупная, даже грузная женщина с ясными серыми глазами и лицом, сохранившим следы былой красоты, из-за чего слово «старуха» к ней никак не лепилось. Хотя была она далеко не молода и обременена болезнями. Фаина родилась и до зрелых годов жила в Радимичах, знала и всегда хорошо отзывалась о родителях Нины, была с ними одного поколения. Зиму Фаина отсидивалась в городе, где имела квартиру, а с первым теплом ее доставлял в родную вотчину на своей легковушке дальний родственник, и он же поздней осенью забирал ее обратно в город. По хозяйству управляться она была уже не в силах, даже из дому редко выходила из-за больных ног, а помогал ей во всем Степан Сотник, щуплый и крикливый мужичонка, о котором речь еще впереди.

Дом у Фаины небольшой, аккуратный, обшитый вагонкой и выкрашенный в ровный зеленый цвет, оттеняющий белые наличники.

При входе во двор всякий новый человек (а таким человеком в данном случае являлся я) невольно должен был оторопеть. И, правду сказать, я оторопел. Оторопела и жена. И было, от чего: выкошенная поляна перед крыльцом сплошь

была уставлена диковинными деревянными фигурами. Тут были и кабан с острыми клыками, и рыба неопределенного сорта, и семейство зайцев, и леший с носом-сучком, и синий крокодил на пяти ногах, сделанный из пня с корнями. Казалось, мы попали на выставку народных промыслов. Но, как скоро узналось, всё это было творением рук Степана.

Нине особенно понравился еж с выточными из дерева и окрашенными в серый цвет «иголками» и курносой мордочкой. Моё же внимание привлекли две толстые змеи, переплетшиеся между собой в каком-то мучительном напряжении.

— Нашел такой корень пригодный, возиться, почитай, не пришлось! — прокричал мне из огорода автор, видя, что я задержался возле змей.

И была еще более искусная работа, правда, не законченная, — аист с приподнятыми ажурными крыльями. Именно приподнятыми. Прежде я встречал фигуры аистов со сложными либо с широко распахнутыми крылами. У этого же они были чуть воздеты, как будто выражая сомнение: лететь или не улетать? Трудно было поверить, что из дерева, пусть даже не из цельного, можно вырезать столь тонкие, едва ли не прозрачные крылья. Аист был неокрашенный, желтовато-белый и едва уловимо пахнул липой.

Фаина это увлечение своего работника откровенно не одобряла.

— Делом бы занялся, чем безделицами своими, — не раз корила она при мне Степана. — Крыша у бани течет, забор, того и гляди, ляжет...

Однако гостям (в частности — нам с Ниной) хозяйка дома говорила про эти рукоделия не без гордости:

— Это Сотник всё сам вырезал! Нигде этому ремеслу не обучался, а вон как похоже! Я иной раз пугаюсь, из дому выходя: что за заяц-великан сидит?

Разговаривали мы в просторной комнате, у стола, покрытого голубой рельефной скатертью. Фаина подробно рассказывала нам свои хворобы.

— Почему и пришлось этого Сотника взять, — заключила она.

— И давно он у тебя? — спросила Нина.

— Уж третий год.

Фаина знала о своем помощнике немного.

Попал Степан в эти места еще в юности, из Приуралья. Жил поначалу в отдаленной от Радимичей деревне, там женился, однако попивал и работал неважно. Всё больше резал свои «безделицы». А когда жена, видимо, стремясь выручить хоть какую-то копейку, продавала эти поделки, Степан еще

горше запивал. В конце концов женщина не вытерпела и прогнала непутевого мужика из дому. Изгнанник ютился сперва у соседей в сарае и там же пил с соседом, за что и соседка его прогнала. Поскитавшись, Сотник прибрел в полуопустевшие Радимичи и вселился в один из заброшенных домов. Стал подрабатывать у местных вдовствующих старух: какой дров наколет за стакан дешевого вина и пачку сигарет, у какой крышу подправит за миску вареной картошки. Фаина тогда была еще не совсем разбитой — он ей воду из колодца таскал, по осени картошку помогал выкапывать. Получал за то полный обед. А как она занемогла, так уже и весь огород, и дрова, и баня, и вода, и всё остальное хозяйство перешло под его опеку. И сам он жил летом при Фаине, спал на топчане на веранде ее дома. А в сарае гремел цепью и ворчал его злой косматый пес Мухтар.

— У него что, никаких родственников нет? — сочувственно спрашивала у Фаины про Степана моя жена.

— Ниночка! Какие у него родственники! Его родители родили да и выпустили, как лягушку. И не узнавали ни разу, как он и что. Так и вышел непутевый, необразованный. Два класса в школе проучился, а ему пять записали, пожалели, а ума так на два класса и осталось. И по мужицкой работе никуда он не годится — забор вон подправить не может, веревкой подвязал, а тот опять падает. Только и знает ерунду эту, «безделицы» свои вырезать, точно ребенок. В детстве, видать, не наигрался. А по годам — дак мой сверстник, седьмой десяток уже.

Степан и выглядел немолодо — сутулый, сморщенный, с жиденькой светлой порослью там, где бывают усы, и редкими волосками на коричневом подбородке. Один глаз его всегда был прищурен, придавая ему хитроватый вид. Хотя по натуре, как я убедился, это был человек на редкость уникально бесхитростный. Ходил он в разных сапогах (один черный и большой, другой — черно-синий, поменьше), в каких-то женских светло-серых трикотажных штанах и синем свитере с дырками на локтях.

Каждое утро и вечер Сотник шествовал мимо нашего дома с коромыслом и двумя ведрами на нем — к колодцу. Коромысло походило на лошадиный хомут, с вырезом под шею. Ведра болтались на крючках из проволоки, соединенных с «хомутом» короткими цепочками.

И всякий раз Степан неизменно останавливался против нашего крыльца у старой скамьи из одной доски и закуривал, не спуская с плеч коромысла. Затем, потоптавшись нерешительно, кричал (такова была его манера говорить):

— Ну что, молодые?! Спите еще?!

И лишь когда я выходил из дому на его крик, он со звяканьем ставил ведра на землю и присаживался на скамье с видом человека, которого пригласили присесть побеседовать.

— Ну что? — повторял он уже не столь громко, но всё же достаточно громко, чтобы слышали ближние соседи. — Что делаете? Нинка печку топит?

Ни меня, ни саму Нину почему-то не оскорбляло это его фамильярное «Нинка». Так Степан звал всех женщин, за исключением Фаины. Печь же была его излюбленной темой. При каждой встрече он осведомлялся, не топила ли Нина печь и не собирается ли топить. Вероятно, у него сложилось представление, будто топить печь для женщины — это величайшее удовольствие или же неотъемлемое регулярное занятие, вроде причёсывания или подкрашивания губ.

— А ты что делаешь? — отвечал я вопросом же.

— Вот за водой иду. Фаина воды просила наносить, баню топить буду. Фаина говорит, чтобы по полведра носил! — снова раздражался он криком, очевидно, желая, чтобы Фаина у себя в доме также слышала. — Мне что, по двадцать раз туда-сюда ходить?! Не натаскаешься!

— А что, в городе у вас плохая вода? — спрашивал он через минуту. — Фаина говорит, плохая.

— Да, не очень, — подтверждал я.

— А у нас тут хоро-о-ошая, чи-и-иста-ая, — растягивал он в улыбке блёклые губы.

— А ты кем работаешь? Директором? — спрашивал он в другой раз.

Как я убедился, всех приезжающих из больших городов Степан считал директорами. «Фаину троюродный племянник привозит, директор». Или: «Фаина говорит, у вас сын уже большой. Наверное, директор».

Поначалу, пока не привык, меня удивляла и смешила эта Степанова прямо-таки ребячья наивность. Как-то угостил меня другой житель Радимичей сушеной рыбой, подлещиком, но, не будучи любителем пива, я отдал ее Сотнику.

— Хорошая рыба! — громко одобрил тот, сгибая корявыми пальцами рыбёху. — Откуда? Из города привез?

— Да нет, здесь засушил, — решил пошутить я. — Вчера рыбачил — вот и засушил.

— Молоде-е-ец! Быстро! Быстро ты! — искренне восхитился старик.

В один из первых дней по приезде Нина вывесила во дворе освежить залежавшееся за годы постельное бельё. Степан,

проходя мимо со своим коромыслом, остановился, закурил, покачал головой, после чего прокричал:

— Ого! Уже настирала сколь! Быстро! Быстро управилась, молоде-е-ец!

— Степан, — спросил я его однажды во время утренней беседы на скамье, — где ты научился такие фигуры вырезать?

— А нигде! — энергично выкрикнул он. — Так, баловался в молодые года, ножичком резал, стамеской, напильником шоркал. А потом один приезжий, бабки Ньюрки внук, директор, подарил мне два специальных резака. Ими куда сподручнее. Я ему за то орла дал. Большой орел, с крыльями вширь, — и Степан растопырил руки в продранных рукавах, показывая размах крыльев подаренного орла.

Как-то я застал Степана за вырезанием. Вернее, за подготовкой к вырезанию: топором он вытёсывал болванку для будущей поделки.

— И что это будет? — поинтересовался я, подойдя ближе.

— Ящера вот хочу сделать, по телевизору видел, — с прищуром глядя на меня, проговорил вполголоса мастер. Но потом не выдержал и закричал на весь двор: — А Фаина ругается! Кабачки, говорит, поливай, а не безделицами занимайся! А что их каждый день поливать-то?! Сгниют! Ясное дело: сгниют!

— Крыша в бане течет, огород в сорняках! — послышалось на это из дому.

— Вишь: ругается, — кивнул на дом Сотник, как будто даже довольный, что хозяйка его ругает. — Бульбу прополол, воды нанес, малину набрал — всё ей мало!

— Как он мне надоел! — горестно качая головой, жаловалась нам с женой Фаина. — Кричит, матерится! Всем в деревне надоел. А как его прогонишь? Сама ничего не могу. И ведь делать ничего толком не умеет. Пол в бане фанерой застлал — где такое видано? Руки не из того места выросли, вот что. Только безделицы свои и умеет вытачивать.

Но когда какой-то проезжающий через деревню горожанин прельстился Степановыми поделками и за стакан водки выменял у него фигуру кабана, Фаина ругала Сотника весь вечер.

— Дурак! — не столько со злостью, сколько с досадой восклицала она. — Ну какой же ты дурачина! Тебя вокруг пальца обвели, а ты и рад. За стакан бурды такого кабанчика променял! Невдомек дураку, какой славный был кабанчик. Но аиста — слышишь? — как доделаешь, не смей отдавать! Слышишь, Сотник?! Умру как — поставишь его на мою могилу на Рябинке — пусть меня крылами прикрывает.

Степан как будто намеренно не спешил довершить это свое произведение, тщательно обтачивая, зачищая наждачной бумагой каждое перо. Даже при небольшом дождике он заносил аиста на веранду, остальные же фигуры просто накрывал кусками полиэтилена.

— На зиму я все эти его деревяшки в сарае запираю и ключ с собой увожу, — поведала как-то Фаина нам с Ниной, — иначе все их пропъет, ничего не останется. Он такой: чуть выпьет, и — ой! — беда!

По словам Фаины, приезжая после долгой зимы в Радими-чи, она заставала Степана изможденным, оборванным, совсем больным. Как он жил всё это время, можно было лишь гадать.

— Как он тут без меня — не знаю. Знаю только, что пьет. Пенсию всю пропивает, так что и есть нечего, — сокрушалась Фаина. — Придет к Пилипычу: «Дай картошки на dranки», — просит. А я оставляю ему — пять мешков! Пять мешков на один рот! Куда девает?!

— А при вас не пьет? — поинтересовался я.

— Что ты! Разве я позволю?

— А пенсия?

— И пенсию забираю. Я так поставила вопрос: если хочешь нормально питаться — отдавай деньги все до копейки. А нет — чеши к себе на гору! В развалюху свою. Живи там с крысами. И он всё отдает, боится. То, было, лисички собирал, сдавал и пил на это, — повествовала Фаина. — Но сейчас перестал. А деньги его я откладываю и покупаю ему на зиму муки бидон — знаете, в каких молоко с фермы раньше возили — и бидон макарон и круп. Ну еще краски просит — рукоделия свои красить, да клею.

— А в доме у себя ты его на зиму не решаешься оставлять? — спросила моя жена.

— Ой, Ниночка, упаси господи! Он пьет — это одно. А другое — что курит. Ой, сколько курит! Я его называю: «живая кочегарка». Идет — и дым следом, как из трубы. Оставь его в доме — он точно дом спалит. Я и тут на веранде не хотела его поселять. Скажут: мужичка себе подобрала, полюбовника. Бабы-то эти деревенские такие зловредные, злые на язык. — (Фаина, пожив в городе, похоже, уже не относила себя к деревенским). — Всякое мелют. А того, что мне уж на Рябинку собираться пора — этого не видят. Не хотела его брать, но совсем здоровья не стало, одной уже никуда. А больше на деревне и мужиков-то нет, кто бы стал помогать. Вот и терплю.

Она с трудом, вперевалку подошла к газовой плите и принялась помешивать что-то в булькающей кастрюле. Вкусно запахло.

— Готовлю вот Сотнику, мясо тушу, — пояснила она нам. — Первое уже и не варю: сил нет. Еле сижу. Сама вот помидор съела да кефиру и больше ничего не буду — нет аппетита. Сейчас буду давление мерить и таблетку от давления пить.

— И мне таблетку давай! — донесся неожиданно из сеней громкий возглас Сотника, услышавшего, видать, конец разговора. — У меня от твоей работы тоже давление. — Он вошел в избу с мешком, грохнул его на пол у печи.

— Постыдился бы! — огрызнулась Фаина. — Какая у тебя работа! Больше лежишь или в игрушки свои играешь.

— «Игрушки»! Шепу вот таскаю, потому что ты каждый день топишь. Мерзнешь среди лета.

Фаина действительно сидела в теплом доме одетая в свитер, толстую юбку, шерстяные носки, накинув на плечи и спину большой серый шерстяной платок.

По субботам, когда Степан готовил баню, Фаина вознаграждала его за труды пивом, купленным в автолавке.

— Пива он выпьет — еще ничего, — как бы оправдывалась она перед нами. — Покупаю иногда. А вот «белой» ему нельзя: совсем дурной после нее. Ниночка, я вас с Сашей прошу: никогда не давайте ему этой балды, — и она выразительно шелкнула себя пальцем по горлу. — Он и без того дурак дураком, а как выпьет, так — ой!.. Упаси господи!

Заслуженное пиво Степан пил на скамеечке перед крыльцом в компании своих деревянных существ. Пил он неспешно, с довольным прищуром поглядывая по сторонам.

— Выпей пива! — крикнул он раз мне, как всегда громко и грубовато, когда я проходил мимо их калитки. Для наглядности он поднял за горлышко и потряс темно-коричневую пластиковую бутылку.

— Спасибо, Степан, но пиво я не потребляю, уже говорил тебе.

— Нинку боишься? — понимающе покивал он головой. — Не бойся, она не узнает.

Сказано это было без малейшей иронии, а наоборот, серьезно и сочувственно. Верно, у Степана укоренилось в мозгу представление о матриархальном устройстве человеческого общества. Когда-то, видно, его гоняла мать, потом жена, теперь им командовала Фаина. Получалось, что женщины созданы для надзора за мужчинами.

Когда же я прошел во двор и присел с ним рядом, он пожаловался:

— Купила мне пива два литра, и себе почти пол-литра сразу отлила — на лекарство, говорит. «Ты мне покупала», —

говорю. А она: «Хватит тебе, меньше пьяный будешь». Такая жадная!

Но я-то знал, что Фаина вовсе не жадная. Сколько раз она предлагала Нине: «Пойди в огород луку нащипай и укропу, картошки молодой вам Сотник накопает». А когда, съездив в город в магазин, мы привезли ей коробку хорошего печенья, она воскликнула: «Ой, Ниночка, зачем? Куда мне?! Нельзя мне сладкое. Ладно, Сотнику дам, он любит».

Степан отхлебнул пива, после чего прибавил:

— Деньги все забирает, рубля не выпросишь. Работаю на нее как раб — за миску супа.

— Кто же тебя неволит? — возразил я. — Никто ж не заставляет тебя ей служить. Ушел бы, если так уж в тягость.

— Как я ее брошу, Фаину?! — повернулся Степан ко мне. — Она ж без меня пропадет!

Плотнув пива, он неожиданно заухмылялся:

— Говорю ей: «Вот женишь и уйду от тебя». А она мне: «Степа, а меня на кого покинешь? Что я буду делать, если ходить не могу?» Фаина без меня пропадет, — убежденно и как будто с ощущением своей тяжкой, но важной миссии повторил Степан. И снова повторил, по своему обыкновению: — Женился бы, да Фаину жалко. Да и баб хороших нет, — добавил, подумав.

Похоже, он и сам в эти минуты верил, что мог бы в любой момент жениться и уйти от Фаины, но что оставался лишь из человеколюбия.

— Ты ведь был женат, — напомнил я. — И где же твоя жена?

— Одна — в своей деревне, другая — в Витебск уехала.

— Удрали от тебя?

— Я сам их прогнал, — нахмурился Сотник, и даже прищуренный глаз обнаружился на секунду и зло блеснул.

— Что, плохие были жены?

— А ну их! — неопределенно отмахнулся он.

А вот Фаина была убеждена, что это Сотник без нее пропадет.

— Сварить себе ничего не умеет, — сокрушалась она при очередном нашем визите. — Ни постирать. Я ему не стираю, конечно... грязь его... я брезглива. Замочу вон в корытце с порошком, а сам уже стирает. А без меня и этого не делал бы. Каждый год одежду ему какую привожу: плащ хороший в прошлый год отдала, брюки мужа покойного. Да и другие деревенские, бывает, отдают, жалеют его. Приеду — а он опять в обносках! Куда деваает, не пойму. Дарит кому или продает за копейки — сказать не могу. Сам молчит, не признается, матерится только.

Говоря это, Фаина привстала, болезненно морщась, из-за стола и, отведя занавеску, стала всматриваться в окно.

— Вон куст трясется! — произнесла она сердито. — Этот уже ягоду жрёт.

— Кто? Сотник? — не понял я.

— Птицы! Сотник, наоборот, гоняет их. Правду сказать, плохо гоняет, ленится. Уж сколь пообъели! Красной смородины вовсе не осталось. Теперь черную вон жрут.

В следующую минуту послышались громкие хлопки ладонями и свист.

— Дрозды эти драные опять смородину клюют! — донесся сварливый возглас Степана. — Если бы я их не гонял — ничего бы уже не осталось, ни одной ягодки!

Степан действительно гонял птиц, но толку от этого, на мой взгляд, было немного. Пока он свистит и хлопает ладонями в одном конце двора, дрозды, точно издеваясь над ним, нахально трещат и клюют ягоды в другом конце.

— Оглоеды! — топает ногами Сотник. — Ружья на вас нет!

Нередко, стоя посреди двора, Степан кричит в сторону соседнего дома (с дальней от нас стороны):

— Давно этого черта не видно лысого! Не выходит! Бойтся! Фаину бойтся! Украл дрова — теперь не выходит.

Зимой у Сотника была обязанность (вероятно, добровольная) присматривать за Фаиным домом. И вот, по его словам, однажды он застал соседа Петра бродящим по Фаининому участку.

— Я ему: «Ты что тут ходишь?» — рассказывал он в десятый раз. — «Что ты, черт, вокруг чуждого дома выхаживаешь? Что ты тут высматриваешь?» А он: «бу-бу-бу» — и всё. После того дрова из сарая и пропали. Он уволок, больше некому. Не зря высматривал. Погоди, Фаина тебе пиндюлин-то задаст за дрова! — проорал он в расчете, что подозреваемый услышит. — Возьми еще хоть одну палку — получишь пиндюлей!

Но все было тихо на соседском дворе. От нелюдимого, действительно практически не выходящего за пределы своей территории соседа я ни разу не слышал ни слова в ответ на Степановы обвинения.

— Да, такой это человек нехороший, — подтверждала Фаина. — А может, и на голову больной. Ни с кем в деревне не здороваются, в автолавке ничего не берет, сам всё из магазина на велосипеде привозит..

Последний довод, похоже, был для Фаины особенно убедителен.

— С палкой ходит, с клюкой, — добавлял Степан. — Станет нормальный человек с палкой ходить? Бойтся, что его за

дрова отмутузят. Здоровый бугай, а меня боится. Я ему прямо сказал: только сунешься к Фаининому дому — я тебе задам!

— Про дрова я, правда, не уверена, — высказалась вполголоса Фаина, когда Сотник вышел из дому. — Не пойман — не вор. Может, и сам Сотник на водку обменял, кто знает? От него всякого можно ждать.

Нам нравилась здешняя спокойная, простая жизнь. Нравилась тишина. Бывало, я даже просыпался среди ночи от этой непривычной, необыкновенной тишины. Разве что мышь прошуршит где-то за обоями да мотылек забьется, застучит мягко о стекло, и снова тишь. Старый дом по-своему, по-деревенски неспешно отсчитывает ползущее время. Я вдыхал запах этого старого жилья — пыльный запах сена, набитого под кровать, разошедшегося дерева, половиков. И лежа так в темноте, думал порой про Степана и Фаину, про то, как они ругают друг друга и как друг в друге нуждаются. Вот оно, человечество в миниатюре...

Однажды ранним утром (Нина еще спала) я расслышал с улицы какие-то повторяющиеся охающие или стонущие звуки. Вышел: у калитки стояла, тяжело дыша и опираясь одной рукой на столбик, а другой держась за сердце, Фаина.

— Ой, скорее! — простонала она. — Скорее: помрёт!

— Кто помрёт? — сразу не понял я.

— Сотник. Прибил он его... Сотника моего. Петька-сосед... совсем прибил.

Опережая с трудом, вперевалкудвигающуюся грузную Фаину, я почти бегом припустил к ее дому.

Степан, серый, небритый, похожий лицом на прошлогоднюю картофелину, сидел у крыльца, опираясь локтями на ступеньки и вытянув по земле ноги в своих разномастных сапогах. Глаза его были — один, как всегда, прищурен, другой полуприкрыт, но оба странно неподвижные. Никаких видимых ран я на нем не обнаружил, не считая круглой шишки на затылке.

— Палкой он его приварил, — разъяснила подошедшая Фаина, — клюкой своей. Степка застал его, как он, разбойник, бидон из бани алюминиевый волок. Ой, господи, неживой совсем! Я уж «Скорую» по мобильному вызвала. Милицию надо вызвать еще.

— На кой черт твоя милиция! — проворчал вдруг, поморгав глазами, Сотник. — Я ему тоже, знай, таких пиндюлин задам! Сидит сейчас, небось, стонет.

— Ожил, слава тебе, господи! — сложила у груди пухлые руки Фаина. — Я уж думала: не жилец мой Сотник.

— «Думала!» Сколько тебе говорил: запирать баню следует. А тебе денег на замок жалко!

— Твоя правда, надо повесить замок, — угодливо согласилась Фаина, но тут же возразила себе: — Да когда ж такое было, чтобы баню запирать! Дожили!

Позднее Степан рассказал, что его верный Мухтар почуял происки врага на расстоянии.

— Гавкает да гавкает. «Что ты гавкаешь, волчина?», — говорю. А он на меня смотрит да рычит, да рвется. Вот какой пес! — с гордостью произнес хозяин. — Молодец! Умный пес. Он Петьку этого давно не любит.

Врачи «Скорой» установили, что помимо легкого сотрясения мозга у Сотника имеются более серьезные недуги.

— Нина, у него давление такое!.. — восклицала, округляя глаза, Фаина. — Не поверишь! Сто восемьдесят на сто пятьдесят! И пульс восемьдесят. Я обалдела просто! Сказали: тяжелое ему нельзя таскать. Я ему давно говорила: по полведра носи. Так разве он слушает? Я ему: «Сотник, ты что делаешь?!» Я прямо матом на него! А ему, дураку, всё не доходит — таскает полными ведрами. Дала ему от пульса таблеток — так у него давление от них еще выше. За черникой теперь уж не хочу его отправлять, боюсь.

Фаина после этого происшествия стала трястись над здоровьем своего работника.

— Два раза сегодня ночью выходила, всё спрашивала: «Не холодно тебе, Степа?» — самодовольно рассказывал всем встречным Сотник. — Да что мне сделается! Сама под двумя одеялами спит, а мне и под одним нипочем. Какой летом холод?!

Жители деревни сочувствовали Сотнику и проклинали и без того всеми отвергнутого Петра.

— Всё мне: «Степа, как ты? Степа, как ты?» — не без удовольствия делился со мной Сотник. — А что?! Я плохого никому не делаю. Потому и люди ко мне так. Я не как этот лысый — по чужим баням да сараям не лажу! — прокричал он уже во всё горло, чтобы слышал его враг. — Ишь, затихарился! Сидит, как бобер в норе, носа не кажет. Бидон хотел слямзить. Я тебе слямжу! Спасибо скажи, милицию не вызвали, а то получил бы тюрьму! Пожалел я его, — признался мне Степан уже не столь громко. — Разве это дело — соседа сажать? Да какой ты сосед! — снова заорал он. — Хер ты, а не сосед! Надо было вызвать. Да пожалел, вишь ты... — словно дивясь самому себе, этой своей мягкости, повторил он.

Короткий наш отпуск окончился. Вот уже и дом заперт, и вещи уложены в машину. Осталось зайти к Фаине попрощаться.

— Давай купим что-нибудь из Степиных поделок, — предложила жена, пройдя во двор. — Вот эту лягушку, например. Какая она смешная! А еще лучше — аиста. Он замечательнее всех получился. Такого — хоть в музей.

— Во-первых, он еще не доделан, — охладил я супругу. — Во-вторых, Фаина просила никаких денег Сотнику не давать, чтобы он не напился. А в-третьих, Фаина сама облюбовала этого аиста, просит поставить его ей на могилу.

— Ну, это она, наверное, несерьезно, — предположила жена. — Рано ей еще на тот свет собираться. И она же понимает, что такого аиста сразу стащат.

— Может, и понимает, может, и несерьезно, а всё же нам тут вклиниваться негоже.

— Пожалуй, — согласилась Нина. — Ну, тогда что-нибудь другое. Вот хотя бы ежа. Как он сумел его так сделать? Колючки выточить... и покрасить каждую — наполовину серым, наполовину темно-серым. Это же сколько труда! А давай мы ему что-нибудь за ежа подарим, раз уж деньги ему нельзя. Дождевик твой! Ты говорил, он тебе тесен.

Так с нами в город поехал этот рукодельный Сотников еж.

А сам Степан, провожая нас, стоял на дороге в ярко-синем пластиковом плаще (хотя с неба едва накрапывало). Плащ сидел на нем широким колоколом.

Как позже мы узнали, дождевик этот так же загадочно исчез, как исчезали у Степана и другие вещи, про которые упоминала Фаина.

Уезжать было почему-то грустно. И всё стояла перед глазами неказистая фигура Степана в синем дождевике.

Мы ехали молча, и по сторонам проплывали голые выкошенные луга и сумрачные перелески.

Зимой мы не единожды звонили Фаине, справлялись о ее здоровье. Она жаловалась на болящие ноги и поясницу, на прыгающее давление, на плохой аппетит. И всё вспоминала деревню, Радимичи. Как там дом без нее? Как Сотник, не спился ли совсем, не пропал ли?

По весне, однако, в деревню она не поехала: слегла. А осенью ее похоронили на Рябинке (по ее на то указанию и на отложенные ею для этого деньги). Дальнему ее родственнику, что возил ее из города в деревню и обратно, перешла ее квартира, а дом, как стало ясно из завещания, она передала во владение Степану Сотнику.

Мы в то лето в Радимичи не ездили и о последующих событиях узнали только через год от тамошних жителей.

Рассказывали, что Степан, узнав о смерти Фаины, пил, не просыхая, несколько дней. Пьяный, расхаживал по деревне, предлагал всем выпить за упокой души умершей и, потрясая ключами, похвалялся, что Фаина, дескать, никому другому, а именно ему, Степану, оставила дом и все хозяйство. Наконец протрезвев, измятый и больной, он обнаружил, что пропил не только очередную пенсию, но и весь запас дров, оба алюминиевых бидона, телевизор и все свои резные фигуры, прежде запертые в сарае.

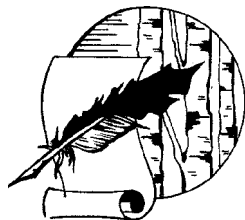
Два дня, говорили, он ходил мрачный, ни с кем не разговаривал, а на третий день отправился в соседнее село, куда, во двор некоего ценителя народного творчества, перекочевали его изделия. Как долго велись и на каких условиях завершились переговоры, точно не известно, а только вернулся Сотник с аистом.

Аиста он отнес на Рябинку, поставил его у могилы Фаины и ушел из деревни со своим косматым Мухтаром. Никто о нем ничего больше не слышал.

Аист же, понятно дело, не простоял на кладбище и недели. Как будто спорхнул и улетел. Но ведь и приносимые на могилы живые цветы тоже недолго стоят — истлевают.

Уже гораздо позже, через третьи-четвертые уста, дошел слух, что кто-то, дескать, видел похожего, тонкой работы аиста в селении за восемьдесят километров от Радимичей. Хотя возможно, это и не тот аист, а другой, совсем другого мастера-самоучки.

г. Санкт-Петербург

Валерий ЛАТЫНИН

КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ ГРЯДУЩИХ ГЕРОЕВ

Переводы из сербской классической поэзии

Коста АБРАШЕВИЧ
(1879—1898)

БРАТСТВО

Довольно злобы! Мании величья,
Из века в век давивших род людской;
Пусть братство путь проложит сквозь различья,
Пусть счастье торжествует над тоской.

Довольно крови, пролитой напрасно,
Довольно бесновать за ратью рать,
Вперёд пусть выйдет милое нам братство,
И пусть обнимет крепко брата брат.

Долой все митры и долой короны,
Что жизнь проклятой делают для нас;
Пусть братство поднимается на троны,
Чтоб жар сердец народных не погас.

Зачем держав закрытые границы,
Где зло возводит тысячи проблем?
Пусть страшное безумье прекратится,
Пусть братство миром овладеет всем.

Довольно тьма умы людей морила,
Довольно их давил незнания мрак,
Пусть братство дарит им источник силы
И воссияет свет. Да будет так!

Провозгласим: долой наследство это!
Цепей холопских да минует бич!
Нам братство станет праведным заветом,
Свобода прогремит победный клич.

Рабы встают! Предгрозьем время веет,
Час воли грянет, не сдержать его!
В круг братства становитесь же скорее,
Пусть брат обнимет брата своего!

Динко ЗЛАТАРИЧ
(1558—1613)

НА ПУТИ К ВОЗВЫШЕННОМУ

Чарующий пламень прекрасных очей
Пусть долго не гаснет в юдоли моей,
Чтоб я не блуждал среди всемирных сует
И видел не тьму, а немеркнувший свет.
Годами душа замерзала во мне,
И вдруг для неё мир открылся в окне,
Она обновилась, как стылый цветок,
Лишь утренним солнцем зарделся Восток.
И стало не властно теперь надо мной,
Что ценно веками для твари земной.
Услады и блага уже не в цене,
Господство и власть отвратительны мне.
К возвышенным целям ищу я свой путь
И слабостям мира меня не свернуть.
Желчь сладость отравит на старости лет:
Мы только что были, и вот нас уж нет.

Воислав ИЛИЧ-младший
(1878—1924)

МОЙ ЗОВ

Как трепещущий лист или праха частица,
Оказался я здесь — среди житейской юдоли,
Чтобы счастья людского из чаши напиться
И познать все оттенки страданья и боли;

Чтоб услышать, как раб безутешный рыдает,
Дать надежду ему, коль другие не дали,
Чтоб, услышав в груди моей сердца удары,
Струны ваших сердец в унисон трепетали.

Чтоб излитые мной состраданье и нежность,
Из которых в душе красота создаётся,
Сохранили в своей глубине неизбежно
Семена доброты, что к живущим пробьётся.

А когда я исчезну в безбрежности звёздной,
От земли улетаю, как осенью птицы,
Пусть у всех, по ком лил я прощальные слёзы,
В светлых душах звезда золотая родится.

Никола Петрович НЕГОШ
(1841 — 1921)

НАДО ВОЕВАТЬ...

«Надо драться!» — клич безумца,
разве он хоть что-то знает,
сколько зла и сколько горя
людям войны причиняют.

«Надо драться! — говорит он, —
пусть в сраженьях кровь прольётся,
ведь лежащим на перинах
слава в руки не даётся!»

Надо драться!.. И без боя
все умрут в своей постели.
Кто герой, как я, сумеет
отличиться в ратном деле.

Надо драться! А правитель
больше трусов слушать любит.
Ополчимся же скорее!
На войну! И будь, что будет!»

Полно призывать, кликуша!
Мы вчера лишь воевали!
А что ты герой бесстрашный,
этого, поверь, не знали!

Любомир П. НЕНАДОВИЧ
(1826—1895)

ЗАРЯ

Что-то с гор к нам катит, разливаает негу,
Тёплый ветер дует, нет сугробов снега.
То не тварь лесная — вся земля трясётся,
Не мираж, не призрак, ибо всяк смеётся.
Это наше солнце небо подпалило,
Солнце, что так долго к нам не выходило.
Это наше солнце скоро вновь родится,
Чтоб помочь от мрака всем освободиться;
Чтоб согреть нам руки, что давно остыли,
Чтоб утешить сербов, тех, что приуныли;
Просветить до донца христианам души,
Чтоб сплотились сербы и зажили лучше;
Чтоб окрепла вера, общий лад — в итоге,
Чтоб алтарь воздвигнуть средь славянства богу.
Это наше солнце, узнаём светило,
Вместе с ним встаём мы, обретаем силы.
Но готовы будьте — солнце к небосводу
Из зари кровавой медленно восходит.
Через море крови двигаться народу,
Чтоб суметь из рабства выйти на свободу.

ОБЩИЙ ДОМ

Вино расплескалось из Марковой чаши,
Оно обагрило окрестности наши;
И в каждое сердце, что сербским зовётся,
Надежда и сила отныне вольётся.
Не хмель виноградный пролился из чаши,
То будит заря земли спящие наши:
— Вставайте, вставайте, рассвет наступает,
Всем хватит работы, — заря заывает, —
Для общего дома возводятся стены,
Пусть все поработают там непременно.
Ни денег, ни жизни своей не жалейте,
Обитель большую построить сумеите,
Чтоб в том светлом доме смогли поместиться
Все те, кто от матери сербской родится.
Чтоб были уверены, дом наш построив,
Что он — колыбель для грядущих героев.

Пусть в доме очаг согревающий пышет,
Чтоб сербы не мёрзли под чьей-нибудь крышей.
Вставайте, вставайте над сонным покоем,
Общинно мы дом всенародный построим.

Милорад М. ПЕТРОВИЧ
(1875—1921)

РЕКРУТЫ

Утром нас сёстры цветами украсили,
Инеем были букеты подсолены.
Матери грустные расцеловали нас
И проводили с надеждой надломленной.

Дома сегодня отцов наших не было,
Чтобы понять нас, как мы отцов поняли
В день, когда дружно они нас покинули,
Мы вслед за ними уходим колоннами.

Многие муки их стали сединами,
Путь их нелёгкий отмечен сраженьями,
Но в свой черёд мы приходим на смену им,
Мы — их наследники и продолжение.

Валом морским сила юная вздыбится,
Сложатся сказки о нашем характере,
Песнь для потомков — какими же были мы,
Их пропоют наши сёстры и матери.

ПЕСНИ

Воскликни, фея, с сербских гор,
Пусть каждый холм тебе ответит,
Пусть братья выйдут на простор
И стяг свободы их приветит.

К победам Душан нас зовёт,
На Косово князь Лазарь кличет,
К нам Марко с палицей идёт,
И саблю достаёт Обилич!

Бог с нами! Боже, нас веди,
И Белому Орлу дай силы,
Чтоб к солнцу он нашёл пути
И вновь свобода нам светила!

Петар ПРЕРАДОВИЧ
(1818—1872)

ХОРВАТ ИЛИ СЕРБ

Ты сердишься, хоть мы и побратимы,
Твердишь, что сербское ношу я имя,
Что сербами прапрадеды все были,
На Косово святую кровь пролили.
А я, их внук, о сербах забываю,
В Хорватии постылой проживаю!
Укор твой, брат, гнетёт меня, однако,
Не будь солдатом, я бы мог заплакать;
Но я прощаю эти обвиненья.
Другие лезли б в драку, без сомненья.
Но если поединок всё же нужен,
Седлай коня, скачи сюда, мой друже.
Мы секундантов по местам расставим
И сердце от мучения избавим...
Оставив память твёрдую, как камень,
Что оба брата были дураками!

Бранко РАДИЧЕВИЧ
(1824—1853)

* * *

Где наши дивные цари?
В могиле.
Где короли-государь?
В могиле.
А где же наши господа,
Что затерялись без следа?
В могиле?
А эти сивые сычи —
Обиличи, Юговичи,
Неужто смерть и их взяла,
В могилу навсегда свела?
О, не грусти о том, браток,
Добро сулит судьбы виток.
Ружьё у серба под рукой —
Знаменьё дивное, брат мой.

Душан СРЕЗОЕВИЧ
(1886—1916)

ПРОБУЖДЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

Забвенья песню шелестит листва;
Блуждает ветер по раздольным нивам,
Под поцелуями его трава
От ветра уклоняется игриво.

Душа весны, что красочно цветёт,
Вселяется в мечтанья поневоле.
И всё в душе светлеет и поёт,
Уходят прочь страдания и боли.

Я вслушиваюсь жадно в бытие
И чувствую невидимые нити,
Что пробуждают естество во мне,
Как будто бы в преддверии открытий.

Джюра ЯКШИЧ
(1832—1878)

МОЛЧИТЕ, МОЛЧИТЕ...

Молчите, молчите! Перо вздымал я —
Воздаст мне славу народный глас;
Сабля в крови — в сраженья вступал я,
Я был смелей и честнее вас!

Вы бой наблюдали, таясь в сторонке.
Так знайте, я рабства не мог терпеть!
Когда мы клинки поднимали звонко,
То шли за победой своей на смерть!

Над полем трубят нам сигналы громко,
С шипением ядра вершат полёт,
Ты падаешь молча, без слов и стоны,
И с радостью гибнешь за свой народ.

Пожаром сраженья пылают лица,
Небо — в дыму, не видать синевы,
Волками нам предстоит возвратиться...
Но вы, молчаливые, где были вы?!

РУССКИЙ НАРОД И КОНСТИТУЦИЯ

Российская Федерация — это многонациональное государство, в котором русские (титульная нация России) составляют 83% всего населения. Русский народ имеет интеграционный статус в составе многонационального государства, народ, который выполняет объединительную функцию для государственности множества народов.

Российская Федерация носит название русской нации. Русские являются государствообразующей, объединяющей нацией.

После крушения СССР в стране разразился кризис в межнациональных отношениях. Некоторые народы РФ стали решать свои национальные проблемы обособленно от других народностей, проживающих рядом.

Историческая российская государственность дважды в XX веке (в 1917 г. и в 1991 г.) подверглась эксперименту по теории о «праве наций на самоопределение», в результате которого один из крупнейших народов мира — русский — утратил это право.

Русская Россия оказалась разгосударственной, денационализированной, в состоянии экономического истощения и демогра-

РУССКИЙ ВОПРОС

фической депрессии. Многие годы Россия являлась демографическим донором для национальных образований. Русские фактически сформировали основу промышленных рабочих и инженерно-технических кадров в национальных субъектах, в том числе, и в «ближнем зарубежье».

Теперь русские стали либо иностранцами, либо гражданами второго сорта. Произошла деформация единого национального организма, на создание которого Русь потратила века нелёгкой исторической работы.

31 марта 1992 года был подписан Федеральный договор (Чечня договор не подписала), который преследовал цель разграничения полномочий общедо- федеральных органов и субъектов федерации. Этот договор не устранил противостояние, с одной стороны, Федеративных законов и актов субъектов Федерации — с другой. Не разрешил проблемы национальных отношений. Фактически договор закрепил неравноправие различных субъектов Федерации.

Конституция РФ 1993 г. была принята после вооруженно-го разгона парламента, во время разрушительного властвования демократии. Посредством демократических лозунгов об ограничении роли государства в условиях саморегулирующегося рынка Российское государство было в значительной степени ослаблено. Конституция была принята поспешно, когда к руководству страной были допущены недостаточно компетентные в юридическом смысле люди, и ставка была сделана исключительно на экономические методы решения проблем. В условиях политической нестабильности, острой борьбы за власть в Конституционное собрание, в основном, были включены лица по занимаемой ими должности и назначенные президентом. По результатам обсуждения проекта Конституции в таком составе её окончательный текст, принятый на референдуме, подвергся правке.

Кроме того, в 28 субъектах РФ из 89 Конституция либо не получила большинства голосов, либо не выносилась на голосование.

В Конституции РФ предусмотрено 6 видов субъектов: республика, край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ. Республики в составе России, а также автономные области и автономные округа — это национально-государственные образования. По территориально-государственному принципу образованы края, области, города федерального значения. Президент Ельцин предложил национальным образованиям брать суверенитета столько, сколько они «проглотят». Началась лихорадка суверенитетов. Повсеместно провозглашалась политическая и

экономическая самостоятельность и независимый государственно-правовой статус отдельных субъектов Российской Федерации.

Русские как единый народ в общем государстве столкнулись с фактом дробления национального организма.

«Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен..., но живой, исторически выросший культурно оправдавшийся **организм**, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием, этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне, он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой...», — писал великий русский ученый И.А Ильин в работе «О грядущей России».

В процессе суверенизации, охватившей Россию, русские, проживающие в национальных образованиях, оказались перед фактом возможной утраты исторической и государственной идентичности в связи с тем, что их государством теперь становится не Россия, а территориальное образование, названное именем другого народа. Понятие «Россия» лишается духовной глубины и превращается в «центр», к которому проявляется неприятие со стороны отдельных образований.

Возникла проблема создания механизма воссоединения русской нации и гармонизации национальных отношений на ее территории с целью предоставления русскому народу законных прав в материальной, духовной и демографической областях, а также проблема защиты прав русских, проживающих на территории своей исторической родины, но насильственно оставленных жить за пределами РФ.

С принятием Конституции РФ 1993 г. Россия была провозглашена симметричной федерацией, хотя фактически таковой не является. В России сохранилось опасное состояние неустойчивой и кризисной федерации. Конфликтность и нестабильность заложены в самой форме национально-государственного устройства России, когда определенные этнические общности представляются как субъекты права. Национально-государственные образования (республики в составе РФ, автономные области, автономные округа) имеют более высокий статус, нежели государственно-территориальные образования (края, области, города федерального значения).

Республики являются государствами в государстве, автономные округа являются субъектами в субъектах — краях. Из пяти автономных областей осталась одна — Еврейская автономная область, в которой проживает 4% евреев от всего населения автономной области.

Согласно Конституции РФ республики и другие субъекты федерации находятся в разных правовых условиях. Контроль за соблюдением Конституции РФ в республиках подлежат лишь их Конституции и законы, в то время как в остальных субъектах контролируются все законодательные акты.

Представительство русских от краев и областей в Совете федерации по 2 человека, и от республик, автономных округов и областей — тоже по 2 человека. При этом численность населения субъектов во внимание не берется.

Отдельные субъекты приобрели более высокий статус — республики (государства). Несколько бывших автономных областей перешли в разряд республик.

Башкортостан, Татарстан, Бурятия, Тыва, Саха (Якутия) и другие республики провозгласили себя в своих конституциях суверенными государствами. Коми распространила свой государственный суверенитет на всю территорию республики. Карелия объявила экономический суверенитет. Башкортостан добился для себя дополнительных прав по бюджету и налогам. Почти все конституции республик в одностороннем порядке относят к компетенции республик решение вопросов владения, пользования, распоряжения природными и иными ресурсами, определяют порядок пользования объектами федеральной собственности, присваивают широкие полномочия в сфере финансово-валютного и денежно-кредитного регулирования.

Субъекты федерации в одностороннем порядке наделяют себя полномочиями, льготами и привилегиями на основании договоров, которые они заключают с органами государственной власти РФ, правительством, федеральными министерствами. Договоры эти, как правило, противоречат Конституции РФ. Отношения таких субъектов с федеральным центром принимают иждивенческие, сепаратистские формы. Ослабляется управляющая роль федерального центра. Национальный фактор используется республиками как фактор давления на федеральный центр. Национальные интересы выдвигаются и при решении общероссийских вопросов.

Правовой и фактический статус республик по объему предметов ведения и полномочий, льгот и привилегий значительно превосходит статус краев, областей, городов федерального значения, где проживают преимущественно русские.

В Конституциях ряда республик закрепляется главенствующая роль этнической общности, именем которой названо образование. При решении общереспубликанских вопросов предпочтение отдается также конкретной общности (Бурятия, Башкортостан, Коми, Удмуртия).

Русские и граждане других национальностей в таких республиках находятся в национальном неравноправии. И это при том, что лишь в 4 из 21 республики этническая общность составляет большинство населения.

В Тыве по конституции данной республики этнические тыва пользуются особыми покровительством и защитой как внутри республики, так и за ее пределами.

В нарушение Конституции РФ Тыва приняла республиканский закон об объявлении военного положения.

Республиканские законы о воинской службе приняты также в Башкортостане и Саха. Адыгея решает вопросы обороны, безопасности, судоустройства. Саха (Якутия) предусматривает порядок образования территориальных воинских и иных формирований.

Конституции ряда республик не содержат нормы о пребывании республик в составе Российской Федерации (Башкортостан, Татарстан, Чечня).

Бурятия изменяет свой государственно-правовой статус путем референдума. Как указано в республиканском законе, такое решение считается принятым, если за него проголосовало более половины граждан республики, в том числе половина граждан бурятской национальности, принимавших участие в референдуме (п.4 ст.60 конституции Бурятии).

Данная норма нарушает конституционный принцип равноправия граждан независимо от национальности и их равного права на участие в управлении делами государства и общества .

Тыва вписала в свою конституцию право выхода из состава РФ.

Некоторые конституции не содержат нормы о пребывании республик в составе РФ (Башкортостан, Татарстан.)

Как правило, конституции субъектов противоречат Конституции РФ в части фундаментальных принципов организации государственной власти, компетенции субъектов и в сфере правового регулирования свобод и прав человека.

Параллельно с Конституцией РФ стали заключаться двусторонние договоры между РФ и субъектами. В договорах проводится перераспределение ряда предметов ведения и полномочий Российской Федерации в пользу субъектов РФ (Татарстан, Башкортостан, Саха, Свердловская область).

При заключении двустороннего договора с Россией о разграничении предметов ведения Татарстан предусмотрел участие республики в международных отношениях, самостоятельность во внешнеэкономической деятельности, создание национального банка, республиканское гражданство, право опротестовывать законы РФ и др. Все эти полномочия прямо нарушают российскую Конституцию. Подобный же договор заключен с Башкортостаном.

Равноправные по Конституции субъекты федерации имеют неравные возможности в решении насущных социальных проблем. Края и области, населенные преимущественно русскими, имеют заниженные по сравнению с республиками возможности при решении социально-экономических вопросов. Неравными являются и права субъектов в области налоговой политики. Так, республики отчисляют в Федеральный бюджет 10% налога от прибыли, а края и области — 50%.

Разный статус субъектов Российской Федерации создаёт фактическое национальное неравноправие. Такое положение сложилось в результате деления России, в 20-х годах, когда революционные политики создали неравные по конституционному статусу субъекты. **Налицо несправедливость в отношении русских, составляющих большинство, которое несёт на себе всю тяжесть национального неравноправия.** Такое неравноправие способствует возникновению личностно-бытовых конфликтов между русскими и представителями других этнических общностей, именем которых названы конкретные образования. Национальное неравноправие оказывает непосредственное влияние на жизнь русских, проживающих, как и этническая общность, на своей земле, но в условиях национальных республик-государств, созданных революционными политиками и вновь закрепленных в Конституции 1993 г.

Нормотворчество в отдельных субъектах федерации зачастую нарушает основные принципы правовой регуляции, значительно уменьшает эффективность действий всей правовой системы.

Соблюдение конституционного принципа единства правового пространства в России (п. а, ч.1, ст. 72 Конституции РФ) не контролировалось, в силу чего, по данным В.Г.Вишнякова (ж. «Государство и право». 1998. №12) более 1400 нормативных актов опротестованы прокурорами как не соответствующие федеральному законодательству, 44 000 нормативных актов были подвергнуты экспертизе Министерством юстиции РФ. Третья часть из них признаны не соответствующими федеральному законодательству.

Директор Института государства и права РАН академик Б. Н. Топорнин писал, что четвертая часть актов, в том числе и конституции некоторых субъектов Российской Федерации, противоречат федеративным законам (ж. «Государство и право». 2000. №7).

При этом роль Конституционного Суда Российской Федерации незаметна. Суд выглядит как федеральный законодатель, либо в отдельных случаях в своей работе руководствуется политической целесообразностью. Конституционный Суд РФ не обеспечивает единого соблюдения Конституции РФ всеми субъектами, входящими в состав России.

Для формирования единого конституционного пространства необходимо создание действенного механизма реализации конституционного равноправия субъектов Российской Федерации. **Не вызывает сомнения, что внутри суверенного государства не могут существовать другие суверенные образования. Единое, неделимое государство является неограниченным носителем суверенитета в рамках своей территории.**

Общегосударственная (федеральная) власть определяет границы своего властвования, устанавливает пределы юрисдикции органов власти субъектов, так как является самостоятельной и окончательной на всей территории.

Осуществляя свои властные полномочия, общегосударственная власть имеет полное право применять необходимые меры правового принуждения в отношении конкретного образования на основании верховенства и неограниченности суверенитета Федеративного государства.

Федеративное принуждение — это правовой институт, который используется в случаях конституционных правонарушений, имеющих место в субъектах, с целью охраны интересов общества и государства. Исполнение конституционных обязанностей обеспечивается применением определенных требований личного или организационного характера.

Обеспечение приоритета Федерального закона исключает столь распространенное нарушение Основного закона Российской Федерации.

Известно, что все устойчивые федерации в мире строятся по территориальному принципу.

Национальная государственность, которая является основой федеративного устройства России не обеспечивает равноправия всех граждан, независимо от их национальности.

В новых конституционно-правовых условиях национальное самоопределение в России вписывается в форму национально-культурной автономии.

Национальные интересы народов России способны реализовываться в условиях культурных автономий без особого территориального статуса автономности по национальному признаку. Национальная (этническая) государственность как единственная основа федеративного устройства России не обеспечивает равноправия и соблюдения прав человека безотносительно к его национальности.

Второй Всемирный Русский Собор, прошедший в Москве в 1995 г., отметил катастрофическое состояние русского народа и принял очень своевременную и важную резолюцию «О государственной программе защиты, сохранения и возрождения русского народа». Собор предложил разработать государственную программу защиты, сохранения и возрождения единого русского народа, одобренную президентом, правительством и законодательными органами России. Во втором пункте резолюции предложено создание в российской исполнительной и представительной властях отдельных органов, непосредственно отвечающих за государственную политику в отношении русского народа и предусмотрение отдельной строкой в государственном бюджете финансирования русской национальной программы.

Всемирный Русский Собор провозгласил право русского народа, который к концу XX века оказался насильственно расчленённым и лишённым собственной исторической государственности, на воссоединение, на самоопределение русских на всех своих исторических территориях.

Воссоединение и самоопределение — главная задача русских. Это право не может оспорить ни одна международная инстанция. Государствообразующая русская нация — это та реальность, которая выполняла и всегда будет выполнять основную роль в жизни России и в её политике.

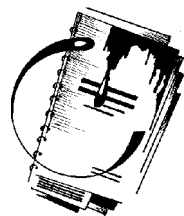
Алексей МУХИН,
член Экспертного совета при председателе Госдумы РФ,
член Ассоциации историков спецслужб

НА КОГО НАПРАВЛЕНО ЭТНИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Стремительное распространение нового образца корона-вирусной инфекции COVID-19 открыло миру глаза на воз-можный характер новой мировой войны. В считанные дни вирус проник практически в каждый уголок нашей планет-ты. Ежедневно заражались десятки тысяч человек по всему миру. Крупнейшие государства тратили миллиарды долла-ров на борьбу с новой смертельной болезнью, а лекарства от нее до сих пор нет.

Странно и само появление COVID-19, которое, по мне-нию многих вирусологов, имеет искусственный характер. Есть мнение, что этот «коронавирус» появился в результате роковой ошибки учёных, которые пытались создать оружие в биологической лаборатории. Ужаснее всего, что подобные лаборато-рии, разрабатывающие смертоносные вирусы, разбросаны по всему миру. Многие из них функционируют под видом безобидных исследовательских центров, за-нимающихся научными экспериментами в интересах биологической безопасности. Но на деле всё обстоит иначе.

Огромное количество американских био-лабораторий, созданных ими на разных

ДОСЬЕ "МГ"

континентах, якобы должны были помочь с поиском вакцины от нового вируса. Однако результаты деятельности данных учреждений в борьбе с коронавирусом отсутствуют, их просто нет. При этом в самих Соединённых Штатах ситуация с заражёнными и умершими от COVID-19 стала трагедией национального масштаба. А биологические лаборатории на территории самой Америки не раз становились источником распространения опасных инфекционных заболеваний в различных странах.

Утечки опасных вирусов, таких как сибирская язва, птичий грипп, ботулизм, бруцеллёз, происходят и в американских лабораториях четвёртого уровня (наивысшего). В Штатах их около 15. Так, например, в 2013 году из научно-исследовательской лаборатории в американском городе Галвестон прямо из морозильной камеры пропала пробирка с опасным вирусом Гуанарито (Guanarito), а в 2014 году были закрыты две биологические лаборатории в США, которые «потеряли» образцы сибирской язвы и птичьего гриппа.

14 апреля 2020 года ряд украинских депутатов направил официальный запрос президенту Украины Владимиру Зеленскому с просьбой подтвердить факт существования на Украине, по меньшей мере, 15 биологических лабораторий, финансируемых Соединёнными Штатами. Посольство США в Киеве не отрицает информацию о базировании данных лабораторий на украинской территории. Американская сторона утверждает о мирном характере проводимых с 2005 года экспериментах, однако вспышки опасных болезней на Украине могут свидетельствовать об обратном. 2011 год — вспышка холеры, погибло 33 человека; 2014 год — холерой заразились 800 человек; 2016 год — 20 военнослужащих погибли от вируса, похожего на грипп, а среди гражданского населения выявлены 364 смертельных случая; за 11 месяцев 2019 года корью заразились 5371 украинцев, среди них 2347 — дети. Для сравнения, в 2017 году было зафиксировано всего 87 случаев, а в 2016 — 3.

Вашингтон своеобразно оказывает помощь биологическим лабораториям на Украине: выделяет деньги на строительство новых корпусов уже существующих лабораторий, закупает мебель и современную аппаратуру и не перестаёт контролировать стандарты работы и качество исследований.

Украинские депутаты Ренат Кузьмин и Виктор Медвечук утверждают, что американцы выделили баснословную сумму в 2,1 миллиарда долларов на эксперименты в своих лабораториях по всему миру. Это огромные деньги, которые невозможно израсходовать только на покупку одной мебели и строительство дополнительных корпусов.

История сотрудничества Украины и США в области уничтожения оружия массового поражения, проходящая только на территории Украины, начинается в 1993 году с момента подписания договора о транспортировке ядерных боеголовок из Украины в Россию. Программа постепенно расширялась, в 2005 году Киев и Вашингтон подписали дополнительный договор № 840-138 от 29.08.2005 — между Министерством здравоохранения Украины и Министерством обороны США о предотвращении распространения технологий, патогенов и знаний, которые могут использоваться в ходе разработки биологического оружия.

Согласно дополнительному договору, Штаты модернизируют бывшие советские, а ныне украинские лаборатории, в которых находится множество опасных вирусов, таких как сибирская язва или чума. Невооружённым глазом виден первостепенный интерес американского правительства к финансированию подобных проектов. Особенно если они основываются на секретных разработках советских учёных по созданию биологического оружия.

Если ещё раз вчитаться в суть договора, то стороны должны были предотвращать распространение технологий, патогенов и знаний, а не активно работать над их созданием. Не лучше ли было вовсе уничтожить лаборатории или проводить опасные исследования в своей стране? Но Вашингтону оказалось намного проще и безопаснее экспериментировать за океаном, на чужой территории, где в случае ошибки учёных «наштампованный вирус» будет уничтожать граждан совсем другого государства.

По информации украинских депутатов, в мире существует около 400 биологических лабораторий, финансируемых на средства американских налогоплательщиков. 15 из них находятся на Украине: три в Киеве и во Львове, по одной в Одессе, Херсоне, Тернополе, Ужгороде, Виннице, Харькове и Луганской области, две в Днепропетровске.

На строительство каждой лаборатории затрачено от 1,5 до 1,9 млн. долларов и около 400 тысяч на закупку оборудования. Самой дорогой стала Одесская, на которую потратили 3,49 млн. долларов.

После распада СССР биолaborатории США стали создаваться на территориях новоиспечённых республик с заметной регулярностью. Помимо Украины в фокусе Вашингтона оказались Грузия, Таджикистан, Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Молдова. Причём количество лабораторий, созданных по периметру российских границ, с каждым годом только растёт. При этом не только географи-

ческая расположенность вблизи российских границ объединяет эти лаборатории между собой. Ещё их связывает тот факт, что доступ ко всем объектам и результатам исследований имеют исключительно американские специалисты. Местные учёные и технический персонал банально не имеют доступа даже внутрь помещений, где проводятся наиболее важные и секретные исследования.

Интерес к американским секретным лабораториям вырос после того, как в 2018 году появилось скандальное расследование болгарской журналистки Диляны Гайтанджиевой, раскрывающее шокирующие факты о военной программе биологических экспериментов США по всему миру. В частности, речь шла о Центре общественного здравоохранения им. Ричарда Лугара, созданного в Тбилиси по программе DTRA в 2011 году. Эта биологическая лаборатория с третьей степенью биозащиты доступна только специалистам из США, имеющим доступ к секретной информации. Задачи центра: исследование биоагентов (сибирской язвы и туляремии), вирусных заболеваний (включая геморрагическую лихорадку Крым-Конго) и сбор биологических образцов для будущих экспериментов.

Примечательно, что после того, как в 2014 году Центр Лугара был оснащён специальным оборудованием по разведению насекомых и начал реализовывать проекты по сбору, изучению и тестированию уровня их заражения, было зафиксировано преобладание нетипичных для этой местности насекомых, а также количество участвовавших случаев различных заболеваний у населения страны.

В 2008 году при поддержке USAID была открыта Центральная референс-лаборатория в Кишинёве в рамках проекта «Предупреждение ВИЧ/СПИДа и гепатитов В и С», но с оговоркой: правительство и службы безопасности Молдовы не имеют доступа в лабораторию и не контролируют ход исследований.

Наращивание военно-биологических мощностей также происходило в Средней и Центральной Азии. Так, в 2007 году в Узбекистане появляется первая национальная референс-лаборатория, расположенная в Ташкенте. В 2013 году заработали ещё две — в Андижане и Фергане, а в 2016 году — в Ургенче (Хорезмская региональная диагностическая лаборатория). На территории Узбекистана регулярно происходят вспышки эпидемий, в том числе — неизвестного происхождения.

В 2008 году Армения присоединилась к программе DTRA по снижению биологической угрозы, а уже к 2018 году аме-

риканские подрядчики создали целую сеть из 12 биолaborаторий в стране, потратив на это около 50 млн. долларов. Три из них находятся в Ереване — в Центре по контролю и профилактике заболеваний, в Госслужбе безопасности пищевых продуктов и в инфекционной клинической больнице «Норк», а региональные лаборатории действуют в Иджеване, Гюмри, Мартуни и Ванадзоре. Вирусологи отмечают, что в результате деятельности этих лабораторий резко ухудшилась эпидемиологическая ситуация в стране, а также в Кавказском регионе и прилегающих районах в целом.

Как известно, после распада СССР в Азербайджане осталась бесхозная сеть объектов, состоящая из 6 НИИ, 29 региональных и 53 полевых биостанций, что весьма заинтересовало США. Поэтому в 2005 году Азербайджан подписал соглашение с Минобороны США «О сотрудничестве в сфере технологий и патогенов, связанных с развитием биологического оружия и нераспространения информации в этой сфере». Так, в 2013 году появилась центральная референс-лаборатория в Баку стоимостью около 170 млн. долларов, специализирующаяся на исследовании патогенных микроорганизмов в образцах человеческого и животного происхождения. Кроме того, построены и модернизированы около 10 станций биологического мониторинга в разных районах Азербайджана в рамках сотрудничества с американцами.

В том же году в Таджикистане западными компаниями, аффилированными с оборонной промышленностью США, создана сеть бактериологических лабораторий в Согдийской и Хатлонской областях в Душанбе и республиканской туберкулезной больнице «Шифо» в Вахдате.

В 2016 году в Алматы открылась Центральная референс-лаборатория на базе Казахского научного центра карантинных и зоонозных инфекций имени М. Айкимбаева. Строить её начали американцы ещё в 2010 году, выделив на эти цели 80 млн. долларов. Тогда Вашингтон заявил, что озабочен эпидемиологической ситуацией в мире, и хотел бы помочь Казахстану в борьбе с инфекционными заболеваниями по примеру других постсоветских республик, где такие лаборатории уже работали. Более того, и место для строительства выбрали особенное — зону сейсмической активности.

К тому же, географически страна располагается на территории с постоянными ветрами, и попавшая в атмосферу инфекция может быстро распространиться на большие расстояния. Утечка опасных инфекций поставит под удар жизнь миллионов жителей Казахстана, а также российских граждан, проживающих вблизи казахской границы.

Как заявляет Пентагон, создание сети референс-лабораторий США на территории бывших советских республик нацелено на недопущение в этих странах утечки в окружающую среду штаммов микроорганизмов, а также для минимизации шансов биологической атаки на Америку. Непонятно только, как, например, Казахстан или Молдова смогут организовать биологическую атаку на США. Не ясен и тот факт, почему эти исследовательские центры находятся в больших городах с высокой плотностью населения, где утечка вируса наиболее опасна.

Политики и эксперты многочисленных стран, на чьей территории созданы биологические лаборатории США, задаются вопросами: «Почему нет каких-либо результатов работы этой сети лабораторий в борьбе с COVID-19? Почему такая масштабная сеть медучреждений, функционирующая в интересах биологической защиты, не сделала ровным счётом ничего для защиты даже своих граждан»? Ответы на эти вопросы лежат на поверхности.

Основная цель США заключается в другом — окружить Россию не только войсками, но и биобазами, что в случае возможной военной угрозы позволит нанести стремительный удар наиболее непредсказуемым и смертоносным биологическим оружием. А как мы знаем, новый вирус может очень быстро распространяться, и его последствия для человека пугают даже опытных докторов.

При этом не исключено, что американцы создают не просто биологическое оружие, а этническое оружие, направленное исключительно на истребление россиян и всего славянского этноса. И если США являются так называемыми правообладателями результатов работы биологических лабораторий, может, в результате печального опыта борьбы с COVID-19 на своей территории им стоит задуматься о безопасности собственной нации, а не продолжать изобретать способы уничтожения других народов?»

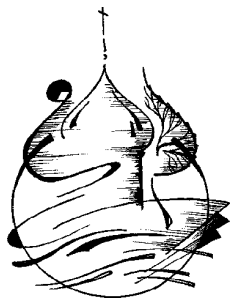
«Аргументы недели»

Александр ЩИПКОВ,
заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора,
профессор философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

ПАНДЕМИЯ И НОВАЯ САКРАЛЬНОСТЬ

Тема коронавирусной эпидемии активно формирует общественно-политическую повестку. Церковное сообщество также оказалось вовлечено в политическое отыгрывание коронавирусной темы, которая приобретает в церковной среде наряду с политическим и богословский, а нередко и прямо эсхатологический подтекст. Вопреки усилиям священноначалия, направленным на формирование у паствы ответственного восприятия происходящего, наблюдаются попытки создать богословскую концептуализацию событий, связанных с COVID-19, которая подтолкнула бы Церковь в трудный момент к принятию необратимых решений, направленных на ее секулярную реформуацию. Такая концептуализация требует особой информационной повестки, которая обозначается тезисом «пандемия как задание от Бога» (блогер Виктор Судариков).

Речь идет о якобы уникальном характере пандемической ситуации, которая является прямым обращением Бога к верующим, дабы «обличить и вразумить Своих, то есть Церковь» (игумен Петр

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мещеринов). Используется толкование этой ситуации в духе «Божьей кары» и «Божьего послания», смысл которого послания аксиоматичен, абсолютно ясен, касается всех членов Церкви без исключения и должен привести к кардинальному повороту в осмыслении самой Церковью собственного положения и собственной миссии, а в конечном счете к ее радикальному реформированию на секулярных основаниях. В пределе — это призыв к продолжению церковной «перманентной революции», начатой еще весной-летом 1917 года реформаторски настроенным духовенством при прямой поддержке Временного правительства. Собственно реформаторским духом был пронизан весь Поместный Собор 1917—1918 гг., инициированный также Временным правительством.

Некая кардинальная политическая перемена (например, отречение государя) принимается под давлением самоназначенной группы «прогрессивной общественности» без обсуждения — как магистральный принцип, направленный на богословскую переоценку существующих религиозных ценностей. Обсуждению подлежит что угодно — будущие ценности или будущий язык Церкви, но не сам факт «переоценки ценностей». Этот факт обязателен для исполнения. Этот факт — сам по себе есть «высшая ценность», которая не обсуждается: ведь что не обсуждаемо, то сакрально.

Это направление мысли хорошо известно в западном модернистском богословии. Некое особое событие вселенского значения (например, теракт 11 сентября) используется как повод для смены богословского дискурса. В отношении предыдущего богословского опыта используется выражение «сброс на ноль» и таким образом исходное условие превращается в императив.

Эпидемия — это особый случай, но таких особых случаев в принципе может быть сколько угодно: богословие после Освенцима, после «Шарли Эбдо», после майдана, после землетрясения-наводнения-пожара-торнадо — всегда после чего-нибудь. Каждый раз постмодернистское богословие выдвигает новое «сакральное» событие, чтобы от него оттолкнуться и задать критерии некой новой сакральности. Далее «новая сакральность» успешно используется в политических и экономических целях, но это в условиях уже победившей реформации, у нас же в России церковная реформация пока является домашним заданием, поставленной целью, на которую в первую очередь и направлены усилия.

«Богословие после» имеет предельно обширный набор тематизаций. Сегодня выдвигается идея «богословия после эпидемии». Логика этого взгляда состоит в том, что Церковь

после пандемии, после закрытых храмов и служб без паствы — уже не может быть прежней. Слюдьми Церкви произошло нечто такое, от чего они необратимо изменились.

Эта позиция наглядно присутствует в высказываниях мрян и священников, присутствующих в блогосфере. В качестве примера мы выбрали статьи священника Павла Великанова («Коронавирус и Церковь: промежуточные итоги»; «Пасха 2020, или Кто в Доме Хозяин?») и проповедь на Вербное воскресенье священника Никиты Бадмаева. Первый — москвич, второй — петербуржец. Оба принадлежат к интеллектуальному слою «лидеров мнения», слою активных сорокалетних протоиереев, в руки которых постепенно переходят идеологические и властные рычаги управления.

Общий смысл их высказываний: не сам вирус, но Бог с помощью вируса выгнал из храмов прихожан, поскольку прогневался; Его не устраивает наше маловерие и наше неверное понимание назначения Церкви: «Значит, неудобно Ему наши службы, не нужны Ему такие молитвы, не хочет Он видеть нас в золочёных и великолепных храмах...» (Бадмаев).

Иными словами, вирус — это Божье наказание и великий знак свыше. По мнению Павла Великанова, данная ситуация объясняется тем, что Бог готовится к какой-то великой «битве»: «Ты столь решительно сбрасываешь со Своего Тела старую застывшую оболочку, с которой мы так свыклись и сроднились... Ты разминаешься перед какой-то очень важной, очень значимой для Тебя... битвой? Возможно, той самой — Последней Битвой?..»

Если протоиерей выступает как медиум, толкующий знамения, значит, нам навязывается вера в тайное знание, а не в Слово Божие, и это чистый гностицизм. Но дело еще и в том, что утверждение о «битве» выглядит едва ли не как пророчество скорого Армагеддона и конца света. Господь якобы решил отбросить «застывшую» Церковь, а взамен принять и возвысить другую, живую, обновленную, реформированную Церковь.

Нас подталкивают к мысли о неизбежности церковной реформации и о скором появлении грядущего реформатора — ведь Бог уже «разминается» и вот-вот отшелушит застывшую церковную скорлупу со своего Тела.

Некоторое время назад протоиерей Алексей Уминский демонстрировал в своих высказываниях похожую логику, утверждая, что в трагедиях XX века «виновата Церковь», потому что не смогла их предотвратить, а, следовательно, место и роль Церкви в современном обществе должны быть как-то

заново определены. Хотя, заметим, что все революции, репрессии и мировые войны вдохновлялись исключительно секулярными идеологиями.

Мысль о том, что Бог через эпидемии являет нам Свою волю, которую мы должны постичь и принять за руководство к действию, может произвести впечатление лишь на мятущегося и напуганного человека. Настаивание на своей способности лично читать послания Бога, адресованные всей Церкви, неизбежно ведет к эзотерике и гностицизму, что и приходится констатировать.

Результаты этой богословской методики обычно неутешительны. Бадмаев в финале своей проповеди заявляет буквально следующее: «И как будто Бога нет... Он опять умер, теперь от коронавируса...» Это перифраз Фридриха Ницше, главного богоборца XIX века. Ради красного словца не пожалеешь и отца. На этот раз Отца Небесного. Так инерция пост-модернистского игрового сознания, оттолкнувшись от спектакля на тему «конца времён» и Армагеддона, доводит до прямого, хотя, вероятно, и невольного кощунства.

Выдавая эпидемию COVID-19 за веку в истории Церкви, аудиторию подводят к некоему «откровению», напоминающему пророчества Феклуши из «Грозы» Александра Островского: «Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние!» Можно отнести это явление к псевдостарчеству, а можно охарактеризовать резче — как лжепророчество. Христос предупреждал: «Берегитесь лжепророков».

Вариант вирусного «богословия после» имеет два разных смысловых уровня. Они создают универсальное и «неопровержимое» объяснение того, почему Церковь должна реформироваться. Потому что таково задание Бога, которое мы поняли безошибочно в минуту смертельной опасности и отверженности, когда паства не может войти в Его храмы. Он не пускает нас туда, и этот гнев Божий замаскирован под вирус. Если мы позволим настроить нас на этот апокалиптический тон, то далее легко примем уже любые «спасительные» пророчества, выводы, суждения, ведь главное — чтобы не стало хуже. Великанов пишет об этом практически открыто: «А у нашего Бога, оказывается, отменное чувство юмора!.. Он ведь просто чуть-чуть приблизил реальность смерти к каждому дому. Чуть-чуть снизил градус праздничного пафоса». В нормальном состоянии христианин не может ни помыслить, ни воспринять подобное суждение, ибо какой же юмор в том, что люди умирают, задыхаясь как в газовой камере?

Любое «богословие после» эксплуатирует чувство страха. Чувство страха иррационально и заставляет даже рассудительного человека верить в то, во что тот раньше не верил. Но «богословие после пандемии» пошло дальше и к страху присоединяет чувство вины, коллективной вины перед Богом. Играет на соединении чувства страха и чувства вины, комбинирует их. Так в лабораториях комбинируют генетический материал вирусов, соединяя разные компоненты. Нам предлагается путь от новозаветного к ветхозаветному состоянию. В Ветхом Завете присутствует принцип коллективной ответственности народа до седьмого колена. Христос этот принцип отменил. Навязывание евангельскому сознанию принципа коллективной ответственности означает, в сущности, декатехизацию и обратный путь к Ветхому Завету.

Реформация — дело всеобщее, касается оно абсолютно всех, и надо как-то объяснить членам Церкви, почему они все вместе должны согласиться быть реформируемыми. Лучшее всего для этого подходит тезис: все виноваты, значит, все должны покаяться, измениться и идти в реформацию как в революцию. Впрочем, слово «как» избыточно: реформация и есть революция в Церкви. Это, по мысли реформаторов, единственное условие спасения.

Никита Бадмаев: «И самое время сейчас... подумать — за что наш Господь изгоняет нас из наших Его храмов?» Ответ: Церковь «обветшала» и трескается, рассыпается наподобие статуэтки, образ которой предлагает нам Павел Великанов. Или так: «вирус внезапно оказался той иголкой, которой Господь ткнул в наше разнесённое от гордости брюхо, и оно — раз! и сдулось» (Петр Мещеринов).

Нам внушают, что нынешняя Церковь — уже ненастоящая, мертвая, непригодная, в сущности, предлагая Церкви отменить саму себя. Парадокс этого «откровения» заключается в том, что его предпосылка — эзотерическая, а вывод из нее следует секуляристский: давайте реформируем Церковь. Факт закрытия храмов используется как предлог для продвижения политической повестки.

Мы понимаем, что читателя интересуют конкретные предложения — что именно хотят изменить в Церкви. Список этих новаций давно сформирован и хорошо всем известен. Повторим здесь основные его положения:

Отмена института патриаршества и возвращение к синодальной системе управления;

переход от епископальной системы, идущей от понятия апостольской преемственности, к церковному парламента-

ризму: выборность епископата и духовенства, трехгодичная ротация членов Синода и других церковных учреждений;

переустройство Церкви в конфедерацию свободных и независимых друг от друга приходов (протестантский принцип горизонтального устройства вместо иерархического вертикального);

легализация прямого участия духовенства в политической борьбе, включая уличную;

создание профсоюза духовенства для консолидированного противостояния епископату;

создание мирянского движения, неподконтрольного епископату и духовенству (формирование социальной базы как рычага воздействия на Церковь);

реформирование монашеских уставов (выборность игуменов, духовников) для ослабления влияния монастырей на народную религиозную жизнь;

богословская реформа в русле «парижской школы». Например: дальнейшее развитие идеи всеобщего священства, что открывает дорогу мирянам к управленческим рычагам; совершение Евхаристии мирянским чином, рукоположение священников не епископом, а другими священниками и многое другое;

кардинальная реформа церковного искусства. Смена «устаревшей» формы, которая необходима для изменения содержания: русификация богослужения, создание новой иконы, архитектуры, облачений, музыки и проч. Передача права идеологического «заказа» и богословской интерпретации церковного искусства от епископа к «профессионалу» — художнику, музыканту, архитектору;

передача контроля за финансовыми потоками белому духовенству (вариант — мирянам);

запрет государству оказывать материальную, политическую и экспертную поддержку Русской Церкви (противопоставление Церкви и государства с целью ослабления обоих исторических институтов).

Перечень запланированных изменений, как мы видим, внушительный. Сравним: в конце 1980-х годов было предложено нечто подобное в светской жизни — начать историю России с нуля, не с дореволюционных традиций, а именно с нуля, взять новый исторический старт. Это привело к краху страны. Сейчас нам точно так же предлагают упразднить тысячелетний опыт русской церковной жизни и начать жизнь Церкви «с нуля».

Разговор верующего с Богом опосредован Писанием и святоотеческим наследием, мы находимся в рамках их незавер-

шенного, исторически длящегося толкования. Без учета совокупного опыта Церкви, опыта наших единоверцев этот процесс неполноценен. Он не может происходить в форме эзотерических откровений и массового покаяния.

Периодизация Церковной истории связана с соборами (это в первую очередь), гонениями, преодолениями расколов и ересей, но никак не с эпидемиями. На самом деле эпидемия — не кара и не знамение, но испытание. Причем Бог нас испытывает постоянно, а не только сейчас, и хотя были в прошлом и войны, и революции, и другие эпидемии — «последние времена» не наступили, и знать эти даты нам не дано.

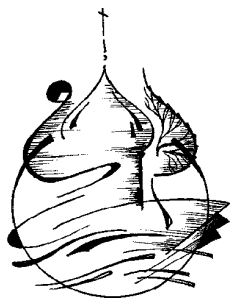
Эпидемия требует бережного отношения к ближнему, но в ней нет ничего, что требовало бы от Церкви структурных изменений. Не существует «богословия до» и «богословия после», богословие следует своим путем, согласно промыслу Божьему. Мы не можем угадать, чего Бог хочет от нас именно сейчас, зато мы хорошо знаем, чего Он хочет всегда. И эпидемия на это никак не влияет.

Глазьев.ру

УБИТЬ БОГА

Началось с того, что мне прислали ролик 15-летней давности, в котором предположительно Билл Гейтс рассказывает сотрудникам Пентагона о так называемом «гене Бога». Думаю, многие этот ролик видели. Речь там идёт о методе управления конфликтами на Ближнем Востоке, где население, по мнению американских экспертов, слишком религиозно, подчас даже фанатично. Так вот, для того, чтобы снизить уровень религиозности, американские учёные генетики работают над созданием специальной вакцины, способной уничтожить в ДНК человека, как они его называют, «ген Бога».

«Вирус будет внедрён в человека, — говорит Гейтс, — он будет мутирован, и из фанатика мы сделаем нормального человека». Знаменательно, что в докладе «чудесным» образом упоминается и пресловутый коронавирус. «То, что мы сделали, — продолжает докладчик, — это респираторные вирусы: грипп или коронавирусы. Мы считаем, что это лучший способ для осуществления всего плана, конечно, если люди будут подвержены вирусам. И мы уверены, что это удачный под-

СИМВОЛ ВЕРЫ

ход». То есть искусственно созданная пандемия послужит лишь предлогом для вакцинации коренного населения Ближнего Востока с целью снижения их религиозности.

Мне, как человеку верующему, все эти сказки про «ген Бога» показались настоящей шизофренией. Феномен веры, как мне подсказывала интуиция, не может быть связан с материей, то есть никак не зависит от генетики. Нам, православным, веру определяет Дух Святой, ниспосланный нам, главным образом, в таинстве крещения. «Может, фейк, — подумала я. — Всё-таки видео плохого качества, вполне допустим вариант накладной озвучки». Но дело было даже не в видео, а в самой теме. «Неужели, — недоумевала я, — эти несчастные атеисты-прогрессисты и правда считают, что Бога можно «убить», разрушив ДНК человека?» Стало даже смешно. Решила разобраться...

То, что фактически каждая серьёзная разведка в мире является в большей или меньшей мере «Аhnenerbe» — структурой, занимающейся, кроме всего прочего, изучением всяких «паранормальных» явлений, причастна к оккультным практикам, экстрасенсорике и пр., — так это давно известно. Генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов, с которым довелось работать некоторое время, рассказывал о существовании целого отдела в СССР, строго засекреченного, который занимался как раз всякими «чудесами». Коллеги Леонида Григорьевича разрабатывали, например, технологии вхождения в чужое сознание. И существенно в этом направлении продвинулись.

С древнейших времен человечество интересовалось тем, что собой представляет сознание. Сильные мира сего использовали самые различные технологии воздействия на психику.

«В XX веке магическая практика древних жрецов вышла на научный уровень исследований, что сразу же оказалось в поле зрения спецслужб, — рассказывал генерал-майор ФСО Борис Ратников в интервью «Российской газете». — Особое внимание этой проблеме уделялось в Великобритании, Германии и Советском Союзе. В нашей стране, к примеру, практически все люди, обладавшие сверхъестественными способностями, контролировались органами ГБ. Вы даже не представляете, какая война мозгов развернулась на этом поприще в первой половине прошлого века. Я вряд ли преувеличу, если скажу, что порой велись настоящие «астральные» битвы. И всё это было засекречено и закамуфлировано, наверное, не меньше, чем ядерный проект». Ратников участвовал в формировании группы экстрасенсов в Главном управлении охраны СССР.

Система «бесконтактного боя» Кадачников или экстрасенсорные программы генерал-лейтенанта Савина — всё это

абсолютно реально и известно военным. В КГБ СССР по обозначенной «специальной» тематике работало почти 30 институтов с центром в Новосибирске. Производились подробные тестирования на экстрасенсорные способности сотрудников. «В свое время в КГБ при тестировании проходил 1 человек из 400», — вспоминал Борис Ратников. Задачей спецгруппы было практическое применение экстрасенсорных методов. В частности, эти специалисты работали на опережение, локализацию угроз, выявляли намерения потенциальных террористов, противодействовали нападению.

Одно дело экстрасенсорика, вхождение в пограничные состояния, медитации, тибетские монахи с их способностью владеть собственным телом, но когда к этой таинственной области подключается наука, в частности, генетика, вирусология, биоинформатика, нейробиология, радиобиология и прочие области знаний, играющие сегодня ключевую роль в формировании стратегий национальной безопасности ведущих стран, то научная фантастика становится реальностью. Несмотря на то, что биологическое оружие было запрещено согласно Женевскому протоколу в далёком 1925 году, работы велись и ведутся в этом направлении до сих пор учёными многих государств.

Далеко не случайно именно сейчас, во время мирового «коронабесия» (биологической войны), 14 мая на заседании правительства РФ В.В. Путин объявил о том, что Россия активно работает над инновационными достижениями науки и предложил создать национальную генетическую базу данных. Сказал, что создание этой базы необходимо для обеспечения суверенитета России.

Ещё три года назад на Всемирном форуме молодежи и студентов в Сочи президент говорил о том, что если безнравственные люди начнут вмешиваться в генетический код с целью создания человека по определённым характеристикам, то это будет страшнее ядерной бомбы. Но там же было упомянуто и то, что это всё равно неизбежно в ближайшее время. В том же 2017-м президент на встрече с членами Совета по правам человека сообщил, что в нашей стране «некто» целенаправленно ведёт сбор биоматериала её жителей с неизвестными целями.

«Некие организации собирают биологический материал наших граждан по всей стране. Причём по разным этносам и людям, проживающим в разных географических точках Российской Федерации. Весь вопрос только в том, зачем они это делают, делают целенаправленно и профессионально. Мы однозначно являемся объектом пристального интереса». Через пару дней Франц Клинецвич, зампред Комитета Совета Федерации по безопасности и обороне, с ходу предположил,

что это подготовка к войне при помощи биологического (генетического) оружия. «То, что они этот материал собирают, — пояснил Клинецвич в интервью «КП», — это та тенденция, которая уже лет 40 существует. Когда собрано большое количество биоматериала — с разных мест по одним и тем же национальностям и когда это всё в конечном итоге анализируется... На базе этих данных сегодня вполне можно создать (и это уже доказано) всякие возбудители, штаммы и химические элементы, которые приведут к тому, что люди начнут болеть какой-то новой мутирующей ангиной, к примеру... Вы поймите правильно, ядерное оружие — уже вчерашний день».

Вопрос о генетике человека очень волнует правительство. В марте прошлого года президентом был подписан Указ «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности» до 2025 года. В нём говорится о том, что в скором будущем у россиян должен появиться генетический паспорт и общий генетический профиль населения.

И вот, спустя всего несколько лет, Путин одобряет решение собирать генетический материал у россиян. Он утверждает, что наши достижения в биоинформатике дают возможность создать базу генетической информации, а также разработать специальные средства для поиска, анализа и моделирования нужной информации.

Выходит, что разные генетические фирмы по заказу Запада исследуют генофонд и русских, и финно-угров, и т.д. И это правда, а не выдумки? Клинецвич на этот вопрос в 2017 году ответил чётко и ясно, сказав: «Да, к сожалению». То есть текущие события указывают на то, что идеальным результатом для США (силами международной фармацевтической корпорации) является создание такого «этнос-точного» биологического оружия, которое бы воздействовало только на противника, а своих избегало. Полным ходом на Западе идёт создание вирусов или бактерий, поражающих избирательно: по расовому, половому, этническому или религиозному принципу.

Согласитесь, что на фоне происходящего, когда американские биологические лаборатории фактически уже создают киборгов, во всю используют искусственный интеллект, применяют биологическое оружие — вирусы, токсины или патогенные микроорганизмы, история про «ген Бога», выглядит не такой уж неправдоподобной.

Им мало было распять Христа, рушить храмы и убивать верующих... Теперь они решили изобрести вакцину против Бога...

ПЕСНЯ РЕКИ

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Читатель, я хочу рассказать о себе. Но не сухо, не казённым языком дат, имён и диагнозов. Я хочу рассказать то, что думаю о своей жизни, о своей судьбе и вещах, с которыми сталкивалась. То, что интимно, сокровенно. И что действительно наболело во мне.

Итак. Я родилась в городе Ульяновске в 1988 году. Родилась, как говорят у нас в семье, «с приключениями». Мама рожала меня в 36 лет. Беременность была лучшей в её жизни, без проблем. Но, видимо, из-за каких-то опасений по поводу своего возраста и риска не доносить мама решила на шестом месяце лечь-таки на сохранение в роддом. И вот тут началось... Как гласит мудрая пословица, «не было печали — купила баба поросё»...

Начну с того, что наши врачи часто вообще не думают головой, а перестраховываются от греха подальше. Мама была молодой цветущей женщиной в свои 36. Но это не помешало лекарям назначить ей переливание донорской плазмы. Зачем? Якобы воз-

СУДЬБЫ

раст серьёзный, кислородное голодание может начаться у плода, ну и всё в таком духе. Запугали маму, она и согласилась, хотя сама медик и прекрасно понимала, что это всё не нужно.

Далее по списку... Когда стали ей делать это самое переливание, первый пузырьёк с плазмой был вроде нормальный. А второй медсестра поставила и ушла, не удосужившись даже посмотреть, что жидкость в нём какая-то зеленоватая... Мама с первой же каплей почувствовала себя плохо. Медсестру не дозвалась, хорошо ещё, что сама пережала трубку. Но всё равно было поздно. Отравили нас с ней этими переливаниями. И только спустя 11 лет выяснилось, что в той синюшной плазме ей занесли гепатит С.

После этого у неё начались роды. Но теперь уже другие врачи решили, что рожать на шестом месяце ей рано. А посему роды загасили, накачав маму препаратами так, что я у неё в животе даже шевелиться перестала.

Сейчас вот я думаю: может быть, я родилась бы здоровой тогда, пусть и так рано. Или, возможно, последствия были бы не такими серьёзными. А врачи продержали меня в отравленной среде ещё месяц, пока у мамы уж совсем не начал разлагаться желчный пузырь, и билирубин её не пошёл во все щели, включая плаценту и мои мозги.

Природа не дура. И организм человеческий тоже никогда не принимает глупых бессмысленных решений. Если роды начались, значит так лучше для всех. Значит, они нужны здесь и сейчас. Врачи вмешиваются в эти механизмы, не уважая и не понимая их до конца. А что в итоге? Да, мне всё-таки спасли жизнь. Но перед этим её же испоганив. Спасли жизнь, но не исправили своей ошибки. И вряд ли уже когда-нибудь её исправят. Нет у медицины такой возможности. Потому что она вмешивается туда, куда не должна, и где знает ничтожно мало... И теперь вот чудовищно поздно рассуждать обо всём этом... Хотя, может быть, услышав меня, кто-то всё же задумается?..

Через месяц мне всё же позволили родиться. И сразу увезли на выхаживание, где полгода делали со мной неизвестно что, не пуская ко мне маму и ничегошеньки ей не говоря. До сих пор после этого у меня на ногах маленькие круглые шрамики. Это до какой степени можно колоть маленькие ножки новорожденного, чтобы спустя 32 года у него остались следы от этого?!

Потом меня отдали маме. Про мою болезнь никто ей не сказал ни слова. И вообще, видимо, врачи до последнего старались скрыть последствия своей деятельности. Потому что в медкарте моей до восьмимесячного возраста мне писали

«здорова» упорно и не смотря ни на что. Но ведь мать не обманешь. Ребёнок не переворачивается, не берёт в руки игрушки, не сидит и не ходит. Кажется, что тут и ежу всё станет понятно. Но нет. Ежей тогда не слушали. «У вас прекрасный ребёнок!» — говорили в больнице маме. Пока она окончательно не забила тревогу и не настояла на консилиуме врачей. И на этом консилиуме вновь хотели окончательно написать «здорова». Мама уже меня одевала и собиралась домой, как вдруг одна опытная врач подошла и неожиданно дёрнула меня за ножки. Тут у меня руки и пришли в хаотическое движение, а врач ахнула и поставила мне диагноз ДЦП. При этом она печально произнесла: «Мне вас, мамочка, очень жаль, но из этого ребёнка ничего не получится. Лучше вам её сдать» Вот так. Сразу. Как кирпичом по башке...

У моей мамы хватило сил не верить. И хватило любви, чтобы не отказаться от меня, вырастить и выкормить своим потом, кровью и слезами. За что ей огромное, неизмеримое душевное спасибо.

Одевая меня тогда, она думала: «Я никогда больше к вам не приду»... Ей пришлось прийти ещё много раз, неисчислимое количество больниц и клиник обойти. Но этого врача, как сразу, она ко мне больше ни разу не подпустила за долгие 10 лет. Уже потом нас как-то столкнула судьба. И я видела, как стыдно было передо мной этому опытному пожилому врачу.

Вот так и началось это моё существование. Далее после объявления диагноза пошли будни, наполненные таблетками, уколами, больницами и врачами. А так же болью, страхом и разочарованием. Потому что попытки меня лечить проваливались, как правило. И ещё потому что, применяя на мне всякие методы терапии, никто не думал о том, что я чувствую. Почему-то мой плач считался чем-то ничтожным по сравнению с результатом. Но его-то (результата) как раз и не было. Но даже если и был, разве он стоил того отчаянья, боли? Это взрослые люди могут терпеть, зная, что это на пользу. А я, будучи маленьким ребёнком, отчётливо чувствовала ненависть к причиняющим мне боль. Я помню, как в голове проносились мысли: «Мама, почему ты позволяешь им всё это со мной делать??? Ты ведь видишь, как я страдаю. Возьми меня на руки, унеси подальше...» Естественно, что после таких нервных нагрузок симптомы мои становились ещё круче, ещё сильнее. Вообще напрочь отпало желание лечиться. Всякое врачебное вмешательство стало вызывать «трясучку» и бешеный страх. Реакция эта и сейчас сохранилась.

Дорогой читатель, я понимаю, что лечение необходимо. И как можно в более раннем возрасте. Но опираясь на свои

чувства, скажу, что современные доступные методы лечения — ад для малыша, для его психики, ещё не зрелой, ранимой, нежной. Любящие родители, подумайте, что вам нужнее: непременно скорейшее физическое выздоровление, физическая «нормальность» или душевный покой и счастье вашего малыша? Ведь это не заменяющие друг друга вещи. Если он будет счастлив, будет постоянно ощущать вашу любовь и терпеливую поддержку во всём, поверьте, он сам, своей волей добьётся многого, может, даже и большего, чем вы его сможете заставить, насильно разламывая его больное тело слишком ранними и непонятными для него процедурами... Он добьётся этого, будьте уверены. Но только когда созреет его воля.

Я это чувствовала на себе и чувствую до сих пор. Это субъективная истина. Но для меня она неопровержима. Прощу вас, не совершайте над ребёнком насилия, даже во имя его же пользы. Он не в состоянии понять этого. Его боль и страх никуда не исчезнут, не забудутся. Они будут жить в нём до старости где-то глубоко внутри, в глубине души. И этих шрамов не залечить никому и никогда...

Вот так время и шло. Больницы, больницы, больницы... В страхе, что я не смогу ходить, мне разрабатывали ноги. Судьба подкинула сюрприз: ноги пострадали мало. А вот руки почти не работали, почему я и не смогла себя обслуживать.

В промежутках между лечением зияла бедность, насмешки и безразличие окружающих. В то время было множество предрассудков. Моей маме пришлось нелегко. Кто-то считал её алкашкой, кто-то гулящей, потому что бытовало мнение, что у нормальной женщины не рождаются дети-инвалиды. И мне тоже доставалось. Как правило, от детей, родители которых носили в себе вышеуказанные предубеждения.

А бедность была потому, что моей пенсии на двоих не хватало. По уходу платили (и платят) копейки. Работать мама не могла. Меня нельзя было оставлять без ухода. Думаю, детдома оттого и полнились такими детьми. У матерей был очень нелёгкий выбор из-за такого насмешливого, издевательского отношения к ним государства...

Бедность временами доходила до того, что приходилось стоять на рынке с протянутой рукой. Каково это было маме, гордой, молодой и красивой женщине, знает, пожалуй, один Бог. Я только видела, как она после этого без сил лежала на диване, не двигаясь...

Я росла жизнерадостной. И ничем, кроме болезни, не отличалась от других детей. Хотелось играть, руки не слушались — научилась играть ногами, а позже и рисовать. Это не

казалось чем-то странным, скорее наоборот, естественным. Чем же ещё играть, если руки не слушаются? А ноги как раз были послушны и почти не дёргались. Играла как все, одевала кукол, раздевала, пеленала и не знала, что это «ограниченные возможности». А ещё много думала. Благо, как раз на это судьба давала мне много времени. И ещё, слава Богу, здоровый ум.

Научилась сидеть в 6 лет. Просто, видимо, что-то до меня дошло, я взяла и села, будто делала это всю жизнь. Мама очень этому радовалась.

Ходить научилась года через четыре. Тоже с приключениями. Мама лечила меня в Москве. Мне делали пересадку ствольных клеток раза два или три. В последний раз мы попали туда с просроченной прививкой от полиомиелита. Чтобы не ехать обратно, сделали прививку, а через день — саму операцию. Оказалось, этого делать было категорически нельзя. На этой почве у меня развился менингит. Я очень долго болела, лежала в постели. А могла бы, наверное, и совсем умереть.

Выздоровев, я вскоре научилась ходить. Помаленьку. Сначала падала часто, расшибалась. Потом вроде приспособилась. Мама говорит, что это лечение помогло. Не знаю, почему, но я с ней не согласна.

Сидя, рисовать было удобнее. И я стала этому упорно учиться. Поначалу не очень получалось, но времени было много, и всё-таки моё желание рисовать победило.

Как только на бумаге стало получаться что-то отчётливое, люди стали вокруг удивляться. «Рисует ногами?!» — постоянно слышалось от них. Сначала негромко и нечасто, только от знакомых, которым мама показывала рисунки. Мне это было смешно, потом непонятно. А когда про мои изобразительные увлечения разнюхали журналисты, и вовсе стало противно. Почему? Потому что, как бы они ни старались, во всех их статьях и материалах отчётливо слышался лишь один подтекст: калека рисует экзотичным способом.

Да, они меня хвалили, восхищались мной. Они воспевали во мне героя. Но героя не потому, что я чего-то добилась важного, а потому, что вот я такая вся неспособная, а тоже пытаюсь жить, как и все. Поверьте, это очень неприятно — знать, что твой труд ценят лишь потому, что он выполнен не теми конечностями, которыми обычно принято. А сам по себе, без уточнения способа изготовления, он бы не обратил на себя такого внимания. Получается, картины мои ничего не стоят без моей болезни?

Это как обезьяна в цирке, которая складывает 2+2 и получает 4. Этому все дивятся. А когда ребёнок в школе делает то

же, никому и в голову не приходит его хвалить, потому что это в порядке вещей... А я не хотела, и не хочу теперь быть такой цирковой мартышкой — предметом, которому все дивятся. Мне невыразимо больно теперь носить клеймо «девочки, рисующей ногами». Мне противно до слёз, когда представляют меня в таком свете, пусть и не намеренно. Тем не менее, так уж сложилось, что имя моё никому не запомнилось иначе как газетно-развлекательный слоган. И когда теперь предстаёшь перед чиновниками и хочешь, чтобы тебя узнали, приходится вспоминать это ужасное прозвище и называться им.

Кто-то скажет: «Но ведь это пример для других, для тех, кто и в лучших условиях чувствует себя плохо и ничего не хочет делать...» Ответьте, почему кому-то должно стать лучше от осознания, что мне хуже? И вообще, уверены ли вы, что мне хуже всех?

Училась я на дому. Ввиду того, что не могла писать сама. Собственно, сначала наши «продвинутые» чиновники хотели из-за этого запихнуть меня в класс с отстающей программой. Это при том, что мне и с нормальной программой было скучно. Я читать-то в четыре года начала. Но видимо предрассудки чиновников и людей вообще и здесь сыграли свою роль. Почему, интересно, всех людей с ограниченными физическими способностями автоматически считают умственно отсталыми? И с этим трудно что-то поделать. Разве что просто жить так, чтобы видно было сразу твоё совершенно нормальное умственное развитие.

Усилиями мамы меня всё-таки перевели на обычное индивидуальное обучение, на котором я благополучно проучилась десять лет.

Возраст брал своё понемногу. И однажды простых приятельских отношений со сверстниками и детского оптимизма вдруг стало чудовищно мало... У меня были подруги и приятели, с которыми можно было и поиграть, и поболтать. Позже были так же и те подруги, с которыми обсуждалась жизнь. Но всё равно. Вдруг временами стало накатывать глубокое и жуткое душевное одиночество. И в голову вдруг стали приходить печальные мысли...

У подруг моих уже были друзья-мальчишки, позже парни. Они влюблялись, целовались, гуляли, держась за руки... Я тоже вырастала из простых игр в Барби и Кена, но у меня не было подобного опыта. Да к тому же мама всегда немного опасалась за меня, когда я проявляла интерес к противоположному полу. Вернее, простая дружба ей казалась не страшной. А вот если я в кого-то влюблялась...

Вопросы любви и брака в семье с детьми-инвалидами, как правило, обсуждать боятся. Потому что боятся беречь эти желания в таком ребёнке. Думают, что таким мечтам всё равно не сбыться. В семье стараются не думать о том, что ребенок-инвалид может любить и быть страстным, казаться красивым, несмотря на свою болезнь.

Но ведь человек с любыми поражениями организма всё равно когда-то взрослеет. И появление у него желаний, соответствующих возрасту, неизбежно. Желание любить и быть любимым, красивым, сексуальным всё равно возникнет в своё время. С этим ничего нельзя сделать. Поэтому лучше помочь человеку в его желаниях. Рассказывать о семейных отношениях, о своём опыте в личной жизни, о том, какие проблемы возникают в отношениях между мужчиной и женщиной... Заглушать эти стремления, чувства — значит, совершать насилие над природой человека.

Другое дело, что родители, обычно, не знают, как помочь. И от этого им тоже больно за своих детей. В нашем обществе прижилась жёсткая евгеника. И если от инвалида не шарахаются, как от чумного, если с ним не обращаются, как с дебильным, не стерилизуют при рождении (не дай бог, даст своё уродское потомство!), то это уже хорошо, это продвинутое «толерантное» отношение. На этом всё и кончается. При этом никому нет дела, что ДЦП, например, не заразно и не передаётся по наследству.

Помню, ко мне приходил парень, здоровый, старше меня года на 4. Мы беседовали на всякие темы почти каждый день. Он мне жаловался на своих девушек, на свою жизнь. Его бросали, он бросал кого-то, влюблялся и разочаровывался. Но этот парень ни разу не спросил меня о моей личной жизни, о моих чувствах. И совсем не подозревал, что я влюблена в него уже год! А я сидела к нему так близко и всем существом желала, чтобы он заметил... Когда же терпенья моего не стало, и я созналась, парень был в шоке. Он даже, наверное, и не знал, что я вообще могу влюбляться. И конечно, всё кончилось предложением «остаться друзьями». Мне было очень горько. Как бы он ни старался меня пощадить, я-то ведь знала, что он просто испугался моей болезни.

С этого и начались мои раздумья о дальнейшей жизни. Всё, что я выше писала об обществе и его предрассудках, вдруг стало передо мной вырисовываться со всей своей ужасной реальностью. Стало понятно, что парни не видят во мне девушку, а видят только некое бесполое существо, некую жилетку для излияний, достойную жалости, но не любви и ласки. А ещё они видели во мне вышеупомянутую цирковую

мартышку. Так у меня было со всеми здоровыми друзьями и даже с теми инвалидами, которые не были так тяжелы, как я. Вывод был один — меня никто никогда не полюбит, и жить со мной, быть ко мне привязанным всецело обычный здоровый мужчина не захочет никогда. Зачем, когда есть вокруг столько здоровых женщин? Чем я лучше их?

Оставался второй вариант: найти подобного себе партнёра. Пыталась. Встречалась с хорошим парнем-инвалидом. Но, видимо, в отношениях между людьми диагноз играет последнюю роль. Общих интересов у нас с этим парнем не было. Да и вдобавок, смотря на него каждый раз, я словно сталкивалась сама с собой, я будто гляделась в зеркало, вновь и вновь осознавая нашу общую беспомощность и ущербность. Это доводило до отчаянья, до иступления. А порвать с ним мешала мысль: «Что, сама больная, а тебе здорового подавай? Не посмотри на тебя ни один здоровый!»

В конце концов у меня началась жуткая депрессия. С парнем-инвалидом я порвала, так и не поцеловав его ни разу. После этого совсем уж бессмысленным стало мне казаться моё существование. Возникали мысли уйти в монастырь вместе с мамой или в инвалидный дом... Ведь мама-то не вечная, это я хорошо понимала. А кому ещё нужен уход за таким человеком? Можно ещё, конечно, было сделать такую карьеру, чтобы хватило на прислугу и на сытую самостоятельную жизнь.

По этому пути я и пошла. Наряду с этим, уничтожая детские мечты о любящем муже и простом тихом счастье, я замыкалась в себе. Никому не показывая своей слабости, я пыталась быть гордой и старалась казаться независимой изо всех сил. И начала чувствовать, как с каждым днём моё жизнерадостное детство, моя наивность, мои живые чувства — всё это утекает от меня безвозвратно. Я теряла себя по капле. Карьера, это не то, о чём можно мечтать ночами, ради чего можно жить. Она была бы для меня золотой клеткой, она убила бы меня... И убивала.

Стихи мои появились в этот период, чтобы хоть часть души сохранить от смерти. Но и они были насквозь пропитаны болью, которая их породила. И кроме этой боли, казалось, во мне не оставалось ничего... Я начинала ненавидеть этот мир, эту никчёмную свою жизнь.

На тот момент была в моей жизни одна необыкновенная девушка. Она стала мне не просто подругой. Как ангел-хранитель, спасала эта девушка меня от отчаянья, от боли. Стихами, песнями и простыми словами вылечила она мою больную душу, открыла мне глаза на очень многие вещи. Да, обыч-

ный мужчина не захочет за мной ухаживать. Но ведь на свете есть и необычные люди... И им красота внешняя не так важна, потому, что они умеют любить по-настоящему. Милая моя подруга нашла чудесный выход для меня — надежду... Она показала, что мир добр и прекрасен. Только нужно самой что-нибудь подарить миру, нужно самой быть столь же прекрасной. И если тело слабо, надо выбелить, выкрасить душу. Ведь именно такую душу ищет необычный, умеющий всесильно любить мужчина.

Так и началось высветление моей жизни. И сейчас хочу сказать и родителям, и просто читателям: если вы чувствуете, что не можете помочь ребёнку, близкому человеку, не оставляйте всё, как есть. Найдите или помогите ему найти друга, который сможет сделать это, раскрасить его жизнь цветами радуги. Такие люди есть, их много. Просто надо искать. Они сами очень скромны и не выделяются из толпы. Эти люди — одуванчики среди бурьяна. Но собою они освещают любую свалку...

Таких людей было несколько на моём пути. И они все укрепляли мою надежду, помогали и помогают не падать духом. Я думаю, что эти все чудеса стали возможны, потому что мои милые друзья, а может быть, и сама жизнь искренне полюбили меня. Поверьте, нет ничего сильнее любви. Это ценнейший дар...

Я чувствовала их любовь. Это давало мне необычайные силы. Я вновь начала мечтать. Опять научилась смеяться. И теперь уже не надежда была у меня в сердце, нет, там теперь укоренилась монолитная, как скала, уверенность в том, что и я буду счастлива, что уже где-то есть человек, который меня услышит, увидит сквозь внешнюю оболочку то, чем я на самом деле являюсь. И полюбит... Полюбит так, как никто никогда не любил. И всё преодолеть будет способно его огромное, горячее сердце и руки, сильные, но такие безмерно ласковые...

О, да, это знание стало так неопровержимо, что порой становилось страшно. А если всё будет не так? Что ж... Жить без этого знания, без этой надежды я всё равно уже не смогла бы.

Я перестала ныть, перестала бояться неизвестности. Все силы направила на то, чтобы развить в себе нечто, перекрывающее физические недостатки. Я стала изменять всю свою внутренность ради того, чтобы понравиться тому, о ком точно уже знала всё, о ком мне грезилось во сне и наяву. Временами я думала, что схожу с ума, но что-то мне подсказывало, что делаю всё правильно.

Он пришёл однажды... Воистину, он сотворил чудо... Он увидел меня на концерте бардовской песни, обычный с виду

парень. Мы встретились взглядами впервые и узнали друг друга сразу. Нет, понимаете, раньше на меня всегда смотрели. С любопытством, с жалостью, снисходительно, с высокомерным презрением. Но ТАК на меня не смотрел никто и никогда. Это было ошеломляющее чувство...

Концерта бардов мы не слышали. Он смотрел на меня этим взглядом, и мне казалось, что видит насквозь всё моё существо. Я всё пыталась спрятаться за рядом сидящих. Но получалось плохо. А когда мама прочитала там со сцены мои стихи, и весь зал вдруг стал смотреть на меня, как на зрелище, я и вовсе вжалась в кресло. Почему-то я подумала, что теперь этот парень точно отвернётся. Но нет! Мало того, эта разница во взгляде его и толпы была так разительна, что я чуть с ума не сошла.

Этот парень вообще оказался умён. Он сразу понял, что неудобно мне в толпе разговаривать. Мама моя дала ему номер телефона, по которому он и попросился в гости. Мама тогда пыталась меня уверить, что ему хочется посмотреть мои картины и стихи. Чёрта с два! Слишком много я видела таких «интересующихся!» Этот был совсем другой.

Знаете, это было похоже на сон. С ним было так легко, так хорошо... Он оказался потрясающим другом, чутким, интересным. Мы запросто болтали, забывая всё — и время, и проблемы...

Меня никто никогда, кроме мамы и близких людей, не брал за руку. Даже для простого приветствия. Да и сама я стеснялась своих вертлявых, непослушных рук. И вдруг оказалось полным сюрпризом, как своевольная, неукротимая конечность вдруг утихла в тёплой ладони любящего человека... Он поймал её на лету, и больше не выпускал. Ему было всё равно до причин, заставляющих эту руку трепетать и сжиматься.

Потрясающе! Это чувство вообще не выразить словами. Оно несказанно. Только одна мысль почему-то всплыла у меня в мозгу: «Он взял меня за руку?! О, Боже!»

Я пропала. С этого момента я уже не помню точно, что происходило. Кажется, он сказал, что я буду его женой, и после этого слёзы мои текли ему на плечо... И как-то незаметно он, говоря о своём будущем, стал вдруг отчетливо повторять выражение «**наши** дети». У меня сердце уходило в пятки, когда он это произносил. И почему-то было так больно и приятно одновременно.

Вот так бывает в нашей жизни. Это реальность. И это случилось со мной.

Моего героя, моего любимого мужа зовут Коля, я живу с ним уже 16 лет. Почему-то, когда люди клянутся быть вместе «в горе и в радости», они зачастую имеют в виду только ра-

дость. Конечно, у нас есть и проблемы, и выяснения отношений, и порой в резких формах — всё, что есть и будет в любом браке. Главное — это решение быть вместе. Когда вы в нём утверждаетесь, проблемы вас начинают закалять. У нас был период «притирки», за который мы многое поняли. Случалось, что мы сидеть на месте не могли от радости. И наоборот, от скорби ничего не хотели делать. Но это для нас — стимул к дальнейшему саморазвитию, к лучшему познанию друг друга и жизни. И это не может нас разлучить.

Жизнь сложна. А жизнь вдвоём — тем более. А когда один из супругов инвалид, тут нужен особый подход к семейной жизни. Пришлось мне приспособиться к новой роли — научиться стирать с помощью Коли, готовить... Раньше я даже не знала, как кипит вода в кастрюле. Почему-то мама всё считала, что меня рано этому учить. Или не знала, как... В моём доме всё приспособлено для этого. Теперь готовлю так, что вроде муж не жалуется. Правда, я делаю это долго. Поэтому, если нет времени, я занята или блюдо слишком сложное, готовит Коля.

Когда в мае 2005 года я выходила за него замуж, все были в шоке, включая наших родителей. Их почему-то смущала та ответственность и те заботы, которые он на себя «повесил». Что же касается не близких людей, то тут вообще возник целый каскад мнений, который и сейчас довольно яростен. Бедный мой Коля стал сталкиваться с мерзкими выдумками относительно причины нашего брака. Вплоть до того, что нас и вовсе нет на свете, всё придумано журналистами...

Общество современных людей без проблем воспринимает браки инвалидов с инвалидами. Пары же инвалид плюс здоровый расцениваются как нечто из ряда вон выходящее. И это только в прессе выставляют их как высшее проявление человечности. Массы же в основном этого вообще не понимают. В их головах понятие «жена» — это нечто стирающее, готовящее пищу, растящее детей... И не выполняющая хотя бы одного из этих условий считается плохой женой. А не выполняющая всех этих задач — не жена и не женщина вовсе. И если кто-то и женится на такой, то только из жалости. Либо не имея другого выбора. Печально, но так думает большинство здоровых людей.

Но есть люди, которые живут по другим законам. Они готовы подарить счастье не совсем здоровому, но дорогому человеку.

С войны, например, часто приходили мужья инвалидами. Какие-то жёны их выгоняли или жили с ними, унижая их. Но были и те, кто приняла любимого, ухаживала и поддерживала до конца жизни.

Природа мудра и добра. Если ты слаб или болен, рядом с тобой должен оказаться кто-то сильный. Друзья мои по несчастью, их родители, их близкие, верьте в закон любви. Для неё нет ни старых, ни больных. И нет преград перед ней, кроме наших страхов. Для неё мы все — люди. Не бойтесь ничего на этом пути! И мечтайте, мечтайте так, как только способны ваши сердца и души. Это даёт силы идти вперёд, это иссушает слёзы и утоляет любую боль. И обязательно стремитесь воплотить эти мечты. Делайте хоть маленький шагок им навстречу. Тогда не будет счастливее вас на всём белом свете...

В 2019 году свершилось сразу два чуда, воплотились две наших огромных мечты. Мы переехали в наш новый домик, хоть и недостроенный, но такой родной, недалеко от леса, настоящего, дикого, у ручья, под большой горой, среди цветущих яблонь. Не так далеко от цивилизации. Коля смог подвести водопровод, обустроить удобства в доме и наладить горячую воду. Это произошло только благодаря неустанной помощи людей — от губернатора до простых работающих друзей. В одиночку мы бы не смогли построить этот дом. И как прекрасно видеть, когда мир подхватывает твою мечту, когда у тебя самого исчерпаны возможности. У нас ещё не достроены крыльцо, сарай и прочее. Но я верю, что и впредь Вселенная подхватит наш замысел и пронесёт его через неурядицы и препятствия.

И ещё в 2019-м у нас родилась дочь Ярослава. Маленький человечек и такое огромное, безмерное счастье с привкусом бессонницы, непередаваемым запахом мёда и молока, оттенками безудержной радости и бесконечной энергии. Теперь и ей во сне рассказывает свои сказки ветер, и птицы поют колыбельные о новой жизни, новых просторах и безграничных возможностях. Я смотрю на неё и вспоминаю, что когда-то у меня не было ничего, даже надежды. И ведь серьёзно казалось, что ничего и не будет. Странная штука — Жизнь.

СТАРЫЙ ДУБ

За полем тёмной полосой кудрявился лес. Деревья в нём перешёптывались с небом, с полем и ветром. Лесное сообщество жило по своим законам. Оно словно не замечало одинокого седого исполина, стоявшего в поле, не слышало стонов его на холодном ветру.

Как изгой, отделённый от леса ветрами да полевыми травами, стоял в поле огромный дуб, сгорбленный, словно ста-

рик. И лет-то ему немного было. Три века для дуба — не старость. Да, видно, не годы виноваты...

Когда-то он был красивым, статным. До самого леса шелестела молодая дубрава его сыновей. И радовался отец каждой весной, глядя на новые, проросшие из желудей росточки, и лелеял, и оберегал их...

Но однажды в молодую дубраву пришли люди. Словно ветром ледяным от них повеяло, и глаза недобрыми были. Стали люди топтать проросшие жёлуди и деревца маленькие ломать да топорами рубить, чтоб под ногами не мешались. Застонал дуб-отец, загудел ветер в его могучей кроне, взревел грозно, взвыл отчаянно. Но не услышали люди, не обратили внимания. И уже валили на землю стройные дубки. Старый дуб рыдал, гудел со страшной силой. Он умолял, чтобы не трогали, пощадили его детей, чтобы взяли люди его самого для своих нужд. Но ствол у дуба-отца оказался слишком толстый, и множество ветвей держали тяжёлую крону. А людям нужны были тонкие ровные брёвна...

Наконец, люди ушли и увезли с собой мёртвую молодую дубраву. Маленькие порубленные и затоптанные деревца так и бросили умирать. Ни одного живого не оставили. И вместе с ними умирал от горя трёхвековой дуб-отец.

Год от года он дряхлел. Черви стали точить корни и ствол. Сильный полевой ветер да молнии обломали, опалили могучие ветви. Ведь не было больше рядом верных сыновей-защитников. Жёлуди на нём больше не созревали. Листьев — и тех становилось всё меньше.

Эта осень, наверное, стала бы последней в его жизни. Дуб ждал, уходя в зимний сон, последнего удара весенней молнии. Ждал, как спасения от бессмысленных одиноких страданий, от воспоминания, которое невыносимо было хранить в себе. Лучше сгореть дотла под грохот майского грома. Пусть жизнь торжествует вокруг, пусть не омрачает старый, сгорбленный старик-дуб праздника её...

Но в один из дней под ноябрьской холодной моросью дуб обнаружил на маленькой своей веточке чудом уцелевший от ветров и червей вполне созревший жёлудь...

О, как же нежно вздрогнуло старое дерево от этого внезапного открытия! Как бережно прятало оно в остатках кроны свою маленькую драгоценность, защищая от колючих порывов поздней осени... И прислушивался отдаленный лес, и даже ветер на время стихал, когда старый дуб баюкал в своих скрипучих ладонях новую искорку жизни, новую надежду, напевая известную лишь ему одному колыбельную. Дерево

старалось изо всех сил продержаться жёлудь на веточке до первого снега, чтобы не убили его заморозки на голой земле. Когда же повалил белый пух с неба, дуб подбирал подходящий порыв ветра — нужно было забросить жёлудь на расстояние от родительского ствола, но не слишком далеко, и обязательно с южной стороны, чтоб защищала малыша широкая отцовская спина от холодных ветров, но свет ему не загораживала.

Всё рассчитал дуб. Жёлудь, упавший на мягкую снежную перину, тут же накрыла своим одеялом метель. Когда она окончилась, дуб стряхнул с себя белый покров, чтобы малышу было теплее. Потом, склонившись, словно мать над колыбелью сына, он уснул до весны, полный тихой надежды и ожидания...

И вот уже день стал длиннее. Снег потихоньку сползал в овраги, превращаясь в веселые ручьи. На пригорках, на пригретых кочках дружным зелёным ковром вставали травинки. Вернулись перелётные птицы с дальних краёв. Вечера стали теплее и наполнились удивительным многоголосьем.

Отдалённый лес в изумлении наблюдал, как первым из всех окрестных деревьев просыпается старый дуб. Он старательно брал своими корнями соки земли. Он гнал червей из ствола и ветвей. Он захотел жить. Нужно было продержаться хотя бы ещё два года. Вдруг проклюнется его единственный жёлудь? Если прорастёт из него деревце, придётся старому дубу жить ещё очень долго. Иначе кому малыша защищать и лелеять? А для этого надо быть здоровым, сильным. Вот и принялся дуб убирать даже из самых застарелых своих трещин всех паразитов, погнал соки в жилах с удвоенной силой и скоростью. И почек оживил на себе как можно больше, чтобы гуще была листва, чтобы крона могла лучше противостоять ветру.

Уже в мае стоял неподалёку от леса помолодевший огромный дуб. Он даже немного распрямился. Дуб стоял красивый, статный, как когда-то давно. И только морщины на его стволе да трещины напоминали о прошлом.

Он стоял, развесистый трёхсотлетний, стоял почти в чистом поле, словно сказочный витязь. Когда оседала на нём утренняя роса или дождевые капли, старался он сбросить с себя всю воду туда, где в земляной мягкой подстилке медленно набухал его единственный желудь, его маленькая драгоценность. Каждым днём следил дуб, замерев, как приподнимается с земли сухой прошлогодний листок, всё выше толкал его крохотный стволик... и вот, наконец, сбросил чуть в сторону.

У подножия трёхвекового своего родителя распрямылся росточек. Нежно-зелёными своими листиками он улыбался миру и помахивал ему приветливо. Над ним высился дуб. Он хотел заплакать от счастья, но у него не было слёз. Тогда пригнал ветер облачко. Тёплый, словно слёзы умиления, прошёл дождик. А потом высоко-высоко выгнулась через всё небо радуга. И всё вокруг приветствовало новую жизнь.

Старый дуб стоял, роняя на землю капельки. Он теперь хотел лишь одного, чтобы пришли к нему люди с добрыми глазами, чтобы поселились они рядом на многие века и чтобы защитили они молодую будущую дубраву..

ПЕСНЯ РЕКИ

Этой песни в мире нет милей и слаще.
Где щебечут птицы в заповедной чаще,
Где вода пьянее самой крепкой браги,
Я беру начало родником в овраге,

От земли весною напитавшись снегом,
Я бегу босая, заливаясь смехом.
И друзьям навстречу я спешу смелее,
Чтобы слиться с ними, чтобы стать сильнее.

По камням и щебню озорно ступая,
Я танцую с ветром и дождём хрустальным.
И внимают горы в одеялах елей,
Как звучит мой голос в тишине ущелий.

Мне бегут в объятья ручейки и речки,
И утёсы дружно подставляют плечи.
Моего потока всё мощнее волны,
Берега всё дальше и положе склоны...

Позади пороги и вершин откосы.
Я теку в долине, отражая звёзды.
Отражая небо, и Луну, и Солнце,
Серебро живое в моих венах льётся.

Корабли речные в голубых просторах.
Суетятся рыбы в изобильных водах.
Красотой сияя от тепла и света,
Я потоком Жизни заполняю дельту.

Здравствуй, мой хороший, мой родной и вечный!
Обними волнами ты меня за плечи.
Я к тебе стремилась и в пылу, и в горе,
Лишь тебе навстречу я точила горы.

В глубину прибоя занырну игриво,
Растворюсь в объятьях твоего прилива.
Я так долго силы берегла ревниво.
И пришла. Прими же, Океан, любимый...

Собирая влагу на морских просторах,
Устремится ветер на холмы и горы.
Где вода пьянее самой крепкой браги,
Вновь беру начало родником в овраге.

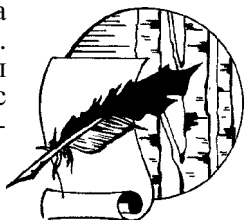
с. Болтаевка Ульяновской обл.

Геннадий СУЗДАЛЕВ
(1939 — 2015)

СЛАВА

В стихах Вячеслава Богданова не просто его биография и хронология лет. Это биография и философия души. Биография его сверстников. Потому они так доступны и близки нам. А, главное, в них вместились частица биографии души России.

А в свою очередь боль земли — это и боль поэта: «Нет ничего больней на белом свете, Чем наблюдать июльский листопад». Поэзия Вячеслава Богданова создана памятью детства в тамбовском селе, а мужество и зрелость даровал ей Урал. Скорее, не сам Урал, а его люди, с которыми он пятнадцать лет работал на металлургическом заводе, с которыми многие годы жил поэтическими горестями и радостями в литературном объединении «Металлург». Не прошло бесследно его близкое общение с земляками, известными советскими поэтами Борисом Ручьевым, Людмилой Татьяничей, Валентином Сорокиным. Большое влияние на его творчество оказала поэзия Лермонтова, Некрасова, Блока и особенно Есенина. У Вячеслава Богданова была своя поэтическая тропа. И главная заслуга его в том, что он сумел органически породнить сельскую тему с городской. Нашел к этому свои, богдан-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

новские ключи: «Закалён я мартеновским зноем И степными ветрами продут».

«Он не только рабочий, но и поэт, думающий о судьбах земли. Ему суждено представлять в своем лице и «людей городских и людей деревни» — писал Василий Фёдоров в предисловии к поэтической книжке Вячеслава Богданова «Голубой костёр».

Бывая в Москве, Слава любил приходить в Центральный дом литераторов (ЦДЛ). Его тянуло к друзьям, в атмосферу этого дома. Однажды он пригласил меня. Его многие знали. Когда он дружески здоровался с известными поэтами, я завидовал ему и в то же время внутренне гордился им. Самым памятным в тот раз было знакомство с Николаем Тряпкиным. Их с Богдановым связывала многолетняя дружба. Мы сидели за столиком. Тряпкин напевал мелодии на свои стихи, закрыв глаза и отбивая ногой такты. Потом он положил руку на плечо Богданову и сказал: «Завидую тебе. Село — это да. Знаю хорошо. Стихи о нем получаются как надо. Живу в Москве, а стихов о городе нет. Хочу написать, а не могу. У тебя есть и то, и другое. И хлеб, и железо. Молодец. Завидую».

В творчестве каждого поэта есть высоты, которые определяют степень его таланта. Далеко не каждая высота, взятая поэтом, становится стратегической. В творчестве Богданова есть такая высота. Это органичное слияние города и деревни. Чаще в стихах других поэтов город противопоставляется селу. У Богданова они друг с другом связаны духовным родством, как оно и есть на самом деле:

*Судьбой мне вверено до гроба,
По праву сердца и сельчан,
Земную славу хлеборобов
Роднить со славой заводчан.*

В поэме «Звено» он с гордостью говорит: «И я — звено единства между ними». Это о хлеборобах и заводчанах, с которыми он проработал в коксохиме ЧМЗ больше десятка лет, а главное — о своем лирическом герое.

Любовно и бережно храня память о тамбовском селе, где он родился и вырос, он безоглядно любил наш край. Для него и то, и другое — составные одной судьбы и великой Родины: «Здравствуй, край красоты и железа — Молчаливая гордость Руси!»

Дорого обошлись моему вечному другу, русскому поэту Вячеславу Богданову строки из бесследно пропавшей поэмы, обращённые к России: «Накажи их, Россия, бесплодьем За великие муки твои!» Он читал нам эту поэму в узком кругу.

Читал отрывки из нее участникам Кемеровского совещания молодых писателей в 1966 году, среди которых, видимо, были и бесы из Москвы. Они знали об этой поэме. Они и «угостили» его в ЦДЛ зельем, от которого он умер. Они убили Пушкина, Лермонтова, Есенина и многих русских гениев. Что им Богданов?!

Включишь телевизор — они, включишь радио — они, возьмёшь газету — они. Всюду они помыкают нами, любящими свою Родину и свой народ. «В своей стране я словно иностранец» — говорил Богданов словами Есенина.

Однажды вечером, мы гуляли с ним по площади Революции. Я говорю ему: «Слава, ты счастливый человек». «Почему?» — спросил он. «Потому что у тебя одна только фамилия чего стоит — Богом данный человек. А имя твоё на каждом углу — «Слава труду!», «Слава КПСС!» Он засмеялся. Мне и сегодня с именем Богданова хочется образовывать новые словосочетания: Слава Тамбовщины, Слава Урала, Слава России. Кстати, об Урале. Было бы очень правильно, достойно и справедливо назвать одну из улиц в Metallургическом районе Челябинска, где Богданов жил и работал, его именем. Он больше сделал доброго для Урала, чем Клара Цеткин и Соня Кривая, вместе взятые.

Всякий раз, когда я читаю живые стихи Вячеслава Богданова, они наполняют мою душу тихим и печальным светом.

Вячеслав БОГДАНОВ
(1937 — 1975)

К 45-летию со дня гибели поэта

Я ПРИШЕЛ В ЭТУ СТЕПЬ...

РАЗДУМЬЕ

Эту жизнь я люблю,
Как вначале.
Ты веди меня, сердце,
Веди.
Тридцать лет у меня за плечами,
Сколько будет еще впереди?

По дорогам ни дальним,
Ни близким
Не терял я впустую
Ни дня.
Видно, как беспокойною искоркой
Наградила Россия меня.
Только трудно одно перенести мне,
Хоть в родные края не вернусь,
Я запел бы о городе песню,
Да деревню обидеть боюсь.
Ты, деревня, прости,
Дорогая,
Город стал мне хорошим отцом.
Я меж вами стою
И не знаю —
Ну к кому повернуться лицом?!
Чтобы жить мне, не ведая горя,
Чтобы сердце не рвать пополам,
Я хотел бы уральский мой город
Передвинуть к тамбовским полям.
По крови хлеборобов наследник,
По труду своему — металлург.
Только знаю, что в час свой последний
Мне в деревню захочется, друг...

ПАМЯТИ ПОЭТА

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу..
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоят мне на том берегу.
Сергей Есенин

Улеглась в гостинице гульба,
Желтый мрак качался в коридоре.
Как смогла ты,
Подлая труба,
Удержать такое наше горе?!
Не вино сдавило вдруг виски,
Не метель,
Что выла, словно сука, —
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туго.

Спал подлец,
Напившись в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь...
Смертный миг...
Лёд треснул на Оке...
Только мать на всей Руси проснулась...
Что же ей почудилось тогда?
Может быть,
Взаправду увидала,
Как с небес
Горячая звезда
На крыльцо морозное упала.
И зажгла зарю в селе звезда.
Мать у русской печки суетилась.
По снегам глубоким,
Как беда,
Весть на санках к дому подкатилась.
Рухнул месяц с голубых высот.
И березы
В дымной круговерти,
Словно петлю,
Рвали горизонт
И стонали голосом бессмертья.

КОНЬ

Мой добрый конь,
Не порти борозды,
Тяни свою,
Как подобает, соху.
Ты потрудись,
Я дам тебе обсохнуть,
Поставлю корм
И принесу воды.
Ты привыкай к седелке,
Хомуту...
Тебе в раздольях
Травяного луга
Не снилась,
Вижу,
Тяжкая подпруга
И удила холодные
Во рту.
А видел я,
Когда луга свежи,

Когда зарей распахнута долина,
Когда ты, шею выгнув лебедино,
Скакал навстречу верстам
Для души.
И, доскакав до зыбкого пруда,
О берег бил неистово копытцем,
Но, сунув морду в гриву кобылицы,
Ты был смиренен в час такой
Всегда...
Теперь в упряжке рвешься на дыбы
И мечешься,
Как будто от удушья,
Но две оглобли,
Как конвойных ружья,
Стоят на страже
У твоей судьбы...
Угомонись,
Неугомонный конь!
Артачиться,
Как видишь,
Бесполезно.
Удил вовек не перегрызть
железных
И не порвать
Жестокую супонь...
Ты с хомутом смиришься
Навсегда.
Но только вот
До боли будет сниться
Весенний луг,
Гнедая кобылица
И ты,
Летающий к берегу пруда...

Я ПРИШЕЛ В ЭТУ СТЕПЬ...

Распоясала степь заревую дорогу,
Молодая трава наклонилась немного.
Наклонилась трава,
Словно всё еще дремлет,
И корнями взялась за надежную землю.
Далеко,
Широко степь уходит куда-то,
Где бредут облака,
Точно овцы, кудлаты.

Я пришел в эту степь — широте поучиться,
Я пришел в эту степь — росной далью лечиться.
Я лечиться пришел от промашки вчерашней,
Почернела душа,
Как весенняя пашня...
А промашка моя — я врага не осилил,
Неудача моя — неудача России!..
А Победа моя — ее кровное дело.
Кровь раба еще в дедовском сердце сгорела...
О, родимая степь, травяное наследство,
И удачи моей неизменное средство!
После встречи с тобой — за победой победа,
Враг мой век не имел степь такую, как эта!

ОЗЕРО

Откипело озеро степное,
Синевой пронизано насквозь,
В берега,
Оплавленные зноем,
Присмирив на время,
Улеглось.
Что его негаданно
взъярило?
Не бывает бури
без причин!
И какая
Зоревая сила
Вырывала камни из глубин?
Озеро бунтует
Не впервые,
Раздвигая берега,
Как тьму.
Назвенели воды дождевые
Про свободу-волюшку ему..
Потому металось так мятежно!
Может быть,
Поднявшись на дыбы,
Океан увидело безбрежный
Из своей
Кольцованной судьбы!
Но ему
Из берегов разбитых
В океан прорваться не дано!
И крутые камни,
Как обиду,
Засосало илистое дно.

РУСЬ

Обжитый мир под солнцем, под луной
И под лучами звездными косыми,
Где дух веков кружится надо мной
И распахнулся далями России.
И я иду навстречу тем векам,
Голубоглазый, русский, коренастый.
Колосья прикасаются к рукам,
Озера колышаются глазасто.
Земля всю вращается, кричит
Холмом, золой, что с ней на свете было...
Роняет солнце тихие лучи
На обелиск, на братскую могилу,
И кланяюсь я прошлому опять,
Родной земле за все крутые были.
Я в мир пришел — творить, а не рыдать,
Века и так к нам на слезах приплыли...
Нам прошлое сегодня, как броня,
И в нас живут его земные боли.
Не потому ль мы встали у огня,
Не потому ль мы распахали поле?!
И, вглядываясь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни, неба, пуши...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.

* * *

Не учился быть я в жизни гибким
И с концами не сводил концы...
Тяжело заглаживать ошибки,
Остаются жёсткие рубцы.
Сколько зло за горло не держи ты —
Не согнёшь — проклятое — в дугу...
Да, круты у жизни лабиринты,
Погасить я скорость не могу.
... Всё идёт в спокойном ритме вроде,
И с концами сходятся концы...
Но горят к неожиданной непогоде
От ошибок жёсткие рубцы!

Иван БУНИН

К 150-летию со дня рождения

ЗОЛОТОЕ ДНО

РАССКАЗ

I

Тишина — и запустение. Не оскудение, а запустение...

Не спеша бегут лошади среди зеленых холмистых полей; ласково веет навстречу ветер, и убаюкивающе звенят трели жаворонков, сливаясь с однообразным топотом копыт. Вот с одного из косогоров еще раз показалась далеко на горизонте низким синеющим силуэтом станция. Но, обернувшись через минуту, я уже не вижу ее. Теперь вокруг тарантаса — только пары, хлеба и лошадки с дубовым кустарником...

— Ну, что новенького, Корней? — спрашиваю я кучера, молодого загорелого мужика с умными, слегка прищуренными глазами.

— Новенького? — сдержанно отвечает Корней, не оборачиваясь. — Нового у вас ничего нету.

— Значит, живете по-старому?

— Это правильно. Плохо живем...

Не много нового узнаю я и в имении сестры, где я всегда делаю остановку на пути к Родникам. Кажется, что еще год тому назад усадьба не была так ветха. Полы и потолки в зале еще немного покосились и потемнели, ветви запущен-

ЛАРЕЦ

ного палисадника лезут в окна, тесовые крыши служб серебрятся и дают кое-где трещины... А по двору, держа в поводу худого стригуна, запряженного в водовозку, еле бредет полуслепой и глухой Антипушка, и разохшиеся колеса водовозки порою так неистово взвизгивают, что больно слушать.

— Так плохи, говоришь, дела? — спрашиваю я сестру, которая задумчиво смотрит куда-то вдаль, на косогоры залугами и речкой.

— Совсем, совсем плохи! — поспешно, как будто даже с удовольствием подтверждает сестра. — Будь капитал, еще, может быть, можно было бы поправиться. Ведь земля-то лучше золотое дно. Но банк, банк!

— Зато тишина-то какая! — говорю я.

— Уж этого хоть отбавляй! — с угрюмой иронией соглашается племянник-студент. — Действительно тишина и прескверная, черт ее дери, тишина! Вроде: высыхающего пруда. — Издали — хоть картину пиши. А подойди — затхлостью понесет, ибо воды-то в нем на вершок, а тины — на две сажени, и караси все подохли... Дно-то, действительно, золотое, только до него сам черт не докопается!

II

Дорога вьется сперва по перелескам. Потом пропадает в большем кологривовском заказе. В прежнее время она далеко обходила его; теперь ездит прямо, по двору усадьбы, раскинувшейся по бокам лесного оврага своим одичавшим садом и кирпичными службами. Как только в лес врывается громыхание бубенчиков, из усадьбы отвечает ему угрюмый лай овчарок, ведущих свой род от тех свирепых псов, что сторожили когда-то не менее свирепую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантас, сопровождаемый лаем, с грохотом катится по мостикам через овраги, смотрю на груды кирпичей, оставшихся от сгоревшего дома и потонувших в бурьяне, и думаю о том, что сделал бы старик Кологривов, если бы увидел нахалов, скачущих по двору его усадьбы! В детстве я слышал про него поистине ужасы. Одна из любовниц пыталась опоить его какими-то колдовскими травами — он заточил ее своим судом в монастырь. Когда объявили волю, он «тронулся», как говорили, «в отделку» и с тех пор почти никогда не показывался из дому. Медленно разоряясь, он по ночам, дрожа от страха, что его убьют, сидел в шапочке с мощей угодника и громко читал заговоры, псалмы и покаянные молитвы собственного сочинения. Осенью однажды его нашли в моленной мертвым...

— Не знаешь, не продали еще? — спрашиваю я у Корнея.

— Продали, — отвечает он. — И продали-то, говорят, за трынку! Живет тут приказчик от наследников, а ему что ж?

Не свое добро. Без хозяина, известно, и товар — сирота. А земля тут — прямо золотое дно!

— Хороша?

— Аршин чернозему. А лес-то!

Правда, славный лес. Горько и свежо пахнет березами, весело отдается под развесистыми ветвями громыхание бубенчиков, птицы сладко звенят в зеленых чашах... На полянах, густо заросших высокой травой и цветами, просторно стоят столетние березы по две, по три на одном корню. Предвечерний золотистый свет наполняет их тенистые вершины. Внизу, между белыми стволами, он блестит яркими длинными лучами, а по опушке бежит навстречу тарантасу стальными просветами. Просветы эти трепещут, сливаются, становятся всё шире... И вот опять мы в поле, опять веет сладким ароматом зацветающей ржи, и пристяжные на бегу хватают пучки сочных стеблей...

— А вон и Батурино — насмешливо говорит Корней. И я уже понимаю его.

— Что, и тут плохо?

— Да уж молодые-то уехали. А старуха дом продает. Добилась до последнего.

— А как бы заглянуть туда?

— Да скажите, что, мол, дом себе для Родников присматриваю...

III

В Батурине — это большая деревня, но уж известно, что такое «барская» деревня! — в Батурине тихо. Скучно лоснится на солнце мелкий длинный пруд желтой глинистой водой; баба возле навозной плотины лениво бьет вальком по мокрому серому холсту... С плотины дорога поднимается в гору мимо батуринского сада. Сад еще до сих пор густ и живописен, и, как на идиллическом пейзаже, стоит за ним серый большой дом под бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения! От варка остались только стены, от людской избы — раскрытый остов без окон, и всюду, к самым порогам, подступили лопухи и глухая крапива. А на «черном» крыльце стоит и в страхе глядит на меня слезящимися глазами какая-то старуха. Поняв из моих неловких объяснений, что я хочу посмотреть дом, она спешит предупредить барыню.

— Я доложу-с, доложу-с, — бормочет она, скрываясь в темных сенях.

Вольно, должно быть, Батуриной выходить после таких докладов! И правда, — когда через несколько минут отворяется дверь, я вижу растерянное, старческое лицо, виноватую улыбку голубых кротких глаз... Делаем вид, что мы очень рады

друг другу, что этот осмотр дома — вещь самая обыденная, и Батурина любезным жестом приглашает войти, а другой дрожавшей рукой старается застегнуть ворот своей темной кофточкой из дешевенького нового ситцу.

Бормоча что-то притворное, я вхожу в переднюю... О, да это совсем ночлежка! Темно, душно, стены закопчены дымом махорки, которую курит бывший староста Батуриных, Дрон, не покинувший усадьбу и доньине... Направо — дверь в его каморку, прямо — комната старух, скудно освещенная окном с двойными рамами, с радужными от старости стеклами...

— Мы ведь в пристройке-с теперь живем, — виновато поясняет Батурина. — Ведь знаете, какие года-то пошли, да и теплее тут зимою...

— Но, может быть, я беспокою вас?

Старуха трясет головой и смотрит недоумевающе и вопросительно.

— Не беспокою ли я вас? — говорю я громче. Расслышав, Батурина поспешно улыбается.

— Нет-с, нет-с, — отвечает она с ласковой снисходительностью. — Пожалуйте-с.

И отворяет дверь в коридор...

Еще мрачнее в этих пустых комнатах! Первая, в которую я заглядываю из коридора, была когда-то кабинетом, а теперь превращена в кладовую: там ларь с солью, кадушка с пшеном, какие-то бутылки, позеленевшие подсвечники...

В следующей, бывшей спальне, возвышается пустая и огромная, как саркофаг, кровать... И старуха отстает от меня и скрывается в кладовой, якобы чем-то озабоченная. А я медленно прохожу в большой гулкой зал, где в углах свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столов...

Галка вдруг срывается с криво висящего над ломберным столиком зеркала и на лету ныряет в разбитое окно... Вздвигнув от неожиданности, я отступаю к стеклянной двери на рассохшийся балкон, с трудом отворяю ее и прикрываю глаза от низкого яркого солнца. Какой вечер! Как всё цветет и зеленеет, обновляясь каждую весну, как сладостно журчат в густом вишеннике, перепутанном с сиренью и шиповником, кроткие горлинки, верные друзья погибающих помещичьих гнезд!

IV

Вечер в поле встречает нас целым архипелагом пышных золотисто-лиловых облаков на западе, необыкновенной нежностью и ясностью далей.

— Дядя, дай серничка! — кричит один из мальчишек, стерегущих на парах лошадей, и, вскочив с межи, бегом догоняет тарантас.

Но Корней суров и задумчив. Он с наслаждением вытягивает мальчишку кнутом и сдержанно покрикивает на лошадей.

«О чем он думает?» — думаю я, глядя на его выгоревший на солнце картуз.

И Корней слегка повертывается на облучке и, следя задумчивым взглядом за мелькающими подковами пристяжной, начинает говорить...

— Всем не мед, — говорит он. — Не одним господам... Хрестьянский банк, мол, помогает! Да нет, в долг-то не проживешь. Купят мужики сто — двести десятин, — конечно, компанией, не сообразясь с силой, и запутляются, и норовят слопать друг друга. А пойдут свары — дело и совсем изгадится, и хоть на перемёт с обрывком лезь!

— Однако, — говорю я, — крупных-то господ осталось три-четыре на уезд — значит, расходится земля по народу.

— По городским купчишкам да лавошникам, — поправляет Корней. — По ним, а не по народу... И опять же земля без настоящего хозяина остается: им ведь только бы купить, благо дешево, а жить-то они ведь тут не станут! Ну, вот их-то, чертей, и зажать бы в тесном месте!

— Следовало бы?

Но Корней отводит глаза в сторону.

— Попойте пора, — говорит он деловым тоном.

— На Воргле попоим.

— Ну, на Воргле, так на Воргле... Эй, не рано!

Свежеет, и блеск вечера меркнет. Меланхолично засинели поля, далеко-далеко на горизонте уходит за черту земли огромным мутно-малиновым шаром солнце. И что-то старорусское есть в этой печальной картине, в этой синеющей дали с мутно-малиновым щитом. Вот он еще более потускнел, вот от него остался только сегмент, потом — дрожащая огневая полоска... Быстро падает синеватый сумрак летней ночи, точно кто незримо сеет его; в лужках уже холодно, как в погребке, и резко пахнет росистой зеленью — только изредка повеваает откуда-то теплом. В сумраке мелькают придорожные лозинки, и на них, нахохлившись, спят вороны... А на востоке медленно показывается большая голова бледного месяца.

Как печальны кажутся в это время темные деревушки, мертвую тишину которых будит звук рессор и бубенчиков! Как глуха и пустынна кажется старая большая дорога, давно забытая и неезженная! Слава богу, хоть месяц всходит! Всё веселее...

V

Воргол — нежилой хутор покойной тетки, степная деревушка на месте снесенной дедовской усадьбы и большого

села, три четверти которого ушло в Сибирь, на новые места. Дорога долго идет под изволок; когда уже становится совсем светло от месяца, тарантас шибко подкатывает по густой росистой траве к одинокому флигелю на скате котловины среди косогоров. Звон бубенчиков замирает, и нас охватывает гробовое молчание.

— Уж и глухо же тут! — говорит Корней, слезая с козел, и голос его странно звучит возле пустых стен. — Посидите тут на крылечке, а я лошадей попою и овсеца им кину.

И медленно отводит громыхающих бубенчиками лошадей под гору к колодцу. А я поднимаюсь на деревянное крыльцо флигеля и сажусь на ступеньку...

Но жутко здесь, в этой котловине, со всех сторон замкнутой холмами, спускающимися к пересохшему руслу Воргла, и бледно освещенной неверным месячным светом! Пустой широкий двор переходит в мужицкий выгон, а за выгоном чернеет семь приземистых избушек, глубоко затаивших в себя свою ночную жизнь...

— Корней, — говорю я, как только Корней показывается с лошадьми из-под горы, — надо ехать! Поедем шажком, а уж покормим дома.

Корней останавливается.

— Ай соскучились?

— Соскучился. Ну его к черту... Едем.

— Это еще милость, — говорит Корней насмешливо. — Вы бы осенью али зимой заехали!

— И как вы только живете тут!

Корней заворачивает сигарку, глядя в землю, и долго молчит. Потом сдержанно отвечает:

— Живем пока...

— То есть как «пока»? А потом-то что ж?

— Потом — что бог даст. Всё что-нибудь да будет...

— Что же?

— Да что-нибудь будет... Не век же тут сидеть, чертям оборки вить! Разойдется народ по другим местам, либо еще как...

— А как?

При свете месяца ясно видно лицо Корнея, но, опуская голову, он сдвигает брови и отводит глаза в сторону.

— Как иначе-то?

— Там видно будет, — отвечает Корней уже совсем хмуро. — Поедьте, барин, не рано!

И молча лезет на козлы.

1903

БИТВА ПРИ МОЛОДЯХ

В 1572 году произошла величайшая битва, определившая будущее евроазиатского континента и всей планеты на много веков вперед. В том сражении, унесшем более ста тысяч жизней, решалась не только судьба Руси — речь шла о судьбе всей европейской цивилизации. Но мало кто, помимо профессиональных историков, знает о этой битве...

Почему? Да потому что, по мнению Европы, эта победа была одержана «неправильным» правителем (Иваном Грозным), «неправильной» армией и «неправильным» народом...

...В 1572 году Девлет Гирей собирает невиданную по тем временам военную силу — 120 000 человек, в числе которых 80 тысяч крымчан и ногайцев, а также 7 тысяч лучших турецких янычар с десятками артиллерийских стволов — по сути спецназ, элитные войска, имеющие богатый опыт ведения войн и захвата крепостей.

Заранее пошла делёжка шкуры неубитого медведя: в пока еще русские города назначались мурзы, в еще не покоренные русские княжества — наместники, заранее делилась русская земля, а купцы получали разрешение на беспощинную торговлю.

Огромная армия должна была войти в русские пределы и остаться там навсегда.

Так оно и случилось...

6 июля 1572 года крымский хан Девлет Гирей довёл османскую армию до Оки, где наткнулся на двадцатитысячное войско под командованием князя Михаила Воротынского.

Девлет Гирей, не стал вступать в бой с русскими, а повернул вверх вдоль реки. Возле Сенькина брода он без труда разогнал отряд из двухсот бояр и, переправившись через реку, двинулся по Серпуховской дороге на Москву.

Опричник Дмитрий Хворостинин, возглавлявший пятидесятный отряд из казаков и бояр, краляся по пятам татар и 30 июля 1572 года получил разрешение атаковать врага.

Ринувшись вперед, он насмерть втоптал в дорожную пыль татарский арьергард и у реки Пахры врезался в основные силы. Опешившие от подобной наглости татары развернулись и бросились на малочисленный отряд русских всеми своими силами. Русские кинулись наутёк, а враги, устремившись за ними, преследовали опричников до самой деревни Молоди...

И тут захватчиков поджидал неожиданный сюрприз: обманутая на Оке русская армия стояла уже здесь. И не просто стояла, а успела соорудить гуляй-город — передвижное укрепление из толстых деревянных щитов. Из щелей между щитами по степной коннице ударили пушки, из прорубленных в бревенчатых стенках бойниц громынули пищали, а поверх укрепления хлынул ливень стрел.

Дружный залп смел передовые татарские отряды, словно рука, смахнувшая с шахматной доски пешки...

Татары смешались, а Хворостинин, развернув своих казаков, снова ринулся в атаку...

Османы волна за волной шли на штурм неведомо откуда взявшейся крепости, но их конные тысячи одна за другой попадали в жестокую мясорубку и обильно заливали русскую землю своей кровью...

В тот день только опустившаяся тьма остановила бесконечное смертоубийство.

Утром османской армии открылась истина во всей ее ужасающей неприглядности: захватчики поняли, что угодили в ловушку — впереди по Серпуховской дороге стояли прочные стены Москвы, а пути отхода в степь перекрывали закованные в железо опричники и стрельцы. Теперь для незваных гостей речь шла уже не о покорении России, а о том, чтобы выбраться назад живыми...

Татары пребывали в бешенстве: они привыкли не драться с русскими, а гнать их в рабство. Османским мурзам, собравшимся править новыми землями, а не умирать на них, тоже было не до смеха.

К третьему дню, когда стало ясно, что русские скорее умрут на месте, чем позволят незваным гостям убраться восвояси, Девлет Гирей приказал своим воинам спешиться и атаковать русских вместе с янычарами.

Татары прекрасно понимали, что на сей раз они идут не грабить, а спасают свою шкуру, и дрались как бешенные собаки. Доходило до того, что крымчане пытались разломать ненавистные щиты руками, а янычары грызли их зубами и рубили ятаганами. Но русские не собирались выпускать извечных грабителей на волю, чтобы дать им возможность отдышаться и вернуться снова. Кровь лилась весь день, но к вечеру гуляй-город продолжал всё так же стоять на своем месте.

Ранним утром 3 августа 1572 года, когда османская армия пошла в решающую атаку, в спину им совершенно неожиданно ударил полк Воротынского и опричники Хворостинина, и одновременно с этим из гуляй-города на штурмовавших османов обрушился мощный залп из всех орудий.

И то, что начиналось как битва, мгновенно превратилось в избиение.

На поле у деревни Молоди были порублены без остатка все семь тысяч турецких янычар.

Под русскими саблями у деревни Молоди полегли не только сын, внук и зять самого Девлет-Гирея — там Крым потерял практически всё боеспособное мужское население поголовно. От этого поражения он так и не смог оправиться, что предопределило его вхождение в Российскую империю.

Несмотря на почти четырехкратное превосходство в живой силе, от 120-тысячного войска хана не осталось почти ничего — в Крым вернулись всего 10 тысяч человек. 110 тысяч крымско-турецких захватчиков нашли свою смерть в Молодях.

Такой грандиозной военной катастрофы история того времени не знала. Лучшая армия в мире попросту перестала существовать...

В 1572 году спасена была не только Россия. В Молодях была спасена вся Европа — после такого разгрома о турецком завоевании континента речи быть уже не могло.

Битва при Молодях — не только грандиозная веха русской истории. Битва при Молодях — одно из величайших событий европейской и мировой истории.

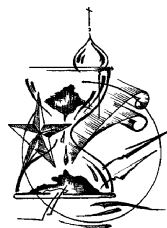
Возможно, именно поэтому она была так тщательно «забыта» европейцами, которым было важно показать, что это именно они разгромили турок, этих «сотрясателей вселенной», а не какие-то русские...

ВЕЛИКИЕ МУЖИ РОССИИ

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нашокин

340 лет назад, в 1680 году, в Крыпецкой обители под Псковом на 75-м году жизни преставился инок Антоний. В миру, под именем Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нашокин, он прославился как выдающийся государственный деятель и гениальный дипломат (хотя подобный эпитет к дипломатам применяют не часто). Наиболее яркий период его деятельности пришёлся на эпоху Алексея Михайловича Тишайшего, царствовавшего в очень не тишайшее время.

1648 год — «соляной бунт» в Москве. 1649 — отмена «урочных лет», усиление крепостного права. 1650 — восстания в Новгороде и Пскове из-за отправки русского хлеба в Швецию в счёт погашения долгов. 1652 — издание патриархом Никоном первых постановлений об изменении церковных обрядов, положивших начало национальному расколу. 1654—1667 — тяжёлая война с Польшей, 1656—1658 — одновременная война со Швецией. 1662 — «медный бунт» в Москве. 1668—1776 — восстание монахов Соловецкого монастыря, не принявших реформ Никона. 1670—1671 — восстание Степана Разина под

знаменем возврата к старой вере, фактически — против усиления крепостного гнёта с разорением большей части территории страны.

Но, несмотря на драматизм эпохи, страна развивалась, население прирастало, строились церкви, железоделательные и медеплавильные заводы, основывались новые города и крепости (Пенза, Симбирск, Охотск, Иркутск, Чита, Абакан и др.), интенсивно осваивалась Сибирь, русские землепроходцы вышли к Тихому океану. Росли торговые обороты, а английским купцам была запрещена беспошлинная торговля во внутренних городах России (1649). Имеретинский царь присягнул на верность русскому царю (1650), Левобережная Украина вернулась в состав России (1654).

К некоторым из этих событий Ордин-Нащокин имел прямое отношение. Родился он в 1605 году в бедной помещичьей семье под Псковом, но стараниями отца хорошо познал математику, латынь и немецкий, позднее — польский и молдавский языки. Любознательность, тяга к знаниям, способность схватывать на лету, вычленять главное в сложной ситуации в сочетании с упорством и трудолюбием сохранялись у него всю жизнь.

В конце 1630-х гг., перебравшись из родных Опочек в Псков, он быстро приобрёл известность своей образованностью, знанием языков и «немецких нравов» и стал получать дипломатические поручения. В 1642-м, ещё при царе Михаиле Фёдоровиче, когда страна только оправилась от потрясений Смутного времени, участвовал в размежевании границы со Швецией по Столбовскому миру (1617) и после ожесточённых переговоров сумел вернуть государству спорные земли.

Осенью того же года, когда были обострены русско-турецкие отношения, он возглавил посольство к молдавскому князю с целью выяснить, существуют ли намерения о совместных действиях Польши и Турции против России. Тонкий ум и обаяние личности обеспечили блестящие результаты. Говоря современным языком, Ордин-Нащокин собрал исчерпывающие разведанные об обстановке на южных и западных рубежах России, да к тому же установил дружественные государственные отношения с православным Молдавским княжеством. Здесь Ордин-Нащокин сработал не только как дипломат, но и как разведчик и аналитик. По итогам поездки он рекомендовал правительству направить посольство в Стамбул, которое в 1643 г. заключило столь необходимый мирный договор с Турцией.

В 1644 г. выполнил ещё одно поручение. Проверив слухи о намерении совместного вторжения в Россию Польши и Да-

нии, он успокоил своё правительство: Польша занята внутренними разборками, а Дания — войной со Швецией, и им обоим не до вторжения.

В 1645 году царь Михаил умер, появилось новое правительство, Афанасий Лаврентьевич оказался не у дел и уехал в своё псковское имение. Там застало его Псковское восстание, и там же он вновь проявил своё дипломатическое искусство, сумев даром убеждения во многом погасить конфликт. Во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. он был назначен воеводой в Ливонии и сумел заключить крайне необходимое перемирие, по которому за Россией сохранялись ранее завоеванные земли в Ливонии, за что получил младший, но для незнатного дворянина очень высокий думский чин думного дворянина.

Вершиной его успеха стало заключение в 1667 г. после 8-месячных упорных переговоров Андрусовского перемирия сроком на 13 лет, закрепившего за Россией Смоленск, Северские земли с Черниговом, Левобережную Украину с Киевом и окончательно положившего конец польской экспансии на востоке. Успех был тем более велик, что 13-летняя война с одним из сильнейших государств Европы (а Польша, после объединения с Литвой ставшая Речью Посполитой, находилась тогда в расцвете своего могущества) основательно истощила Россию. И по справедливости царь Алексей Михайлович наградил Ордин-Нащокина высшим (из четырёх) думским чином — боярина и назначил главой Посольского приказа (министром иностранных дел). «Гремевшая в Европе слава тринадцатилетнего перемирия, которого желали все христианские державы, — писал современник дипломата, — воздвигнет Нащокину благороднейший памятник в сердцах потомков».

В ту эпоху у России были три важнейшие геополитические задачи: на севере — возвращение выхода к Балтийскому морю, захваченного Швецией, на западе — возвращение русских земель, захваченных Литвой-Польшей, на юге — уничтожение разбойничьего Крымского ханства. Третью задачу пока отложили, ограничившись надёжным укреплением южных рубежей. Оставались две.

Ордин-Нащокин, зная, что для одновременного решения обеих задач сил у России недостаточно, считал первоочередной «северную» задачу (но — не распахнутое настезь «окно в Европу», а дверь с засовом), для решения которой необходим союз с Польшей (у которой были свои счёты к Швеции). Он был убеждённым сторонником внедрения в России передовых достижений Запада в области науки, техники, образова-

ния, городского самоуправления и т.д. Потому и полагал, что без своих балтийских портов и без своего флота Россия в этих вопросах будет отставать от Запада. И он был столь же убеждённым сторонником сбережения русской культуры, духовности и национальных традиций.

Стремительная карьера Афанасия Лаврентьевича (из мелких дворян — в министры!), разумеется, вызвала зависть родовитых бояр. Плелись интриги, сыпались доносы, которые, в конце концов, сделали своё дело: в 1671 г. он был отстранён от службы, вернулся в родные места, а на следующий год постригся в монахи.

Он изображён на горельефе памятника «1000-летие России» в Великом Новгороде, но ни в Пскове, ни в Москве памятник ему так и не поставили.

Василий Никитич Татищев

270 лет назад, 15 июля (ст. ст.) 1750 года, в возрасте 64 лет скончался Василий Никитич Татищев — военный, инженер, географ, экономист, организатор промышленности, государственный деятель. И он же — основоположник исторической науки в России.

Человек энциклопедических знаний, большого государственного ума и неиссякаемой энергии, свободно владевший несколькими языками, он выглядел гигантом в ряду своих современников. Оценили это лишь спустя многие десятилетия.

Выходец из родовитых, но мелкопоместных дворян, В. Н. Татищев в чине поручика участвовал в Северной войне, был ранен под Полтавой (1709), воевал в Прутском походе (1711), был замечен Петром I и в 1712 г. направлен за границу для изучения «инженерных и точных наук», а заодно и для выполнения ряда секретных поручений. Вернулся он обогащённый знаниями и книгами (привёз целую библиотеку по инженерному и артиллерийскому искусству) и был назначен ответственным за всё артиллерийское хозяйство армии.

В 1720 г. получил новое назначение — руководить промышленным освоением Урала. Там он образовал первый орган заводского управления — Горную канцелярию и в её подчинении два первых горнозаводских округа. По его инициативе на р. Исеть был построен казённый железодельный завод, а вокруг него вскоре возник Екатеринбург (назван в честь Екатерины I). Устроил на р. Егошиха медеплавильные заводы, рядом с которыми выросла Пермь. Распорядился открыть словесные и арифметические школы для детей ра-

бочих, служащих и священнослужителей при всех горных заводах Урала. Создал на Урале первую в России мастерскую по огранке камня.

В отстаивании государственных интересов Татищев был человеком решительным и бескомпромиссным, что не раз создавало ему неприятности по службе. На Урале он вступил в конфликт с любимцем Петра горнозаводчиком Н. Демидовым, по жалобе которого был отозван и отдан под суд, но был полностью оправдан.

В 1727—1733 гг. возглавлял Монетную контору, которая ведала всем монетным делом в стране (бумажных денег тогда не было) и, по существу, была государственным банком, министерством финансов и судебным органом по делам о фальшивомонетчиках одновременно. Деятельно участвовал в совершенствовании денежного обращения в стране. Тогда же он написал свой историко-экономический труд «Произвольное и согласное рассуждение о правлении государственным...»

В результате происков «великого казнокрада» Бирона, фаворита императрицы Анны, В.Н. Татищев был отдан под суд за «злоупотребления», но ни осужден, ни оправдан не был, а был вновь направлен на Урал начальником всех казённых заводов. За три года (1734—1737) Василий Никитич создал там несколько новых предприятий и городов, построил много дорог, да ещё написал «Общее географическое описание всея Сибири». Тогда же он составил и разослал во все губернские и провинциальные учреждения Казанской и Сибирской губерний анкеты с приложением инструкции для землемеров (геодезистов), содержавшие более 100 вопросов, для сбора и систематизации географических, экономических, исторических и культурных сведений на местах. Впоследствии академик В.И. Вернадский назвал эти анкеты «первой в России самостоятельной творческой работой в области естествознания». На основе заполненных анкет В.Н. Татищев написал научную работу «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи...»

В 1737 г. генерал-бергмейстера Татищева назначили начальником Оренбургской комиссии, которая управляла неспокойной территорией между башкирами и казаками. В круг обязанностей комиссии входило строительство укреплённой пограничной линии по р. Яик (Урал), заселение строившихся крепостей, наделение поселенцев землёй, организация разведки и добычи полезных ископаемых, строительство заводов, налаживание политических и экономических связей со Средней Азией и мн. другое.

Со всеми этими задачами Василий Никитич, как всегда, блестяще справился. Он завершил строительство Воскресенского медеплавильного завода, укрепил Орскую крепость (будущий Орск), перенёс Оренбург на более удобное место, снарядил первый торговый караван в Хиву и Бухару. А кроме того — создал библиотеку, госпиталь и несколько школ, навёл порядок в работе подчинённых и решительно пресёк многочисленные злоупотребления. Однако подавлять полыхавшее тогда башкирское восстание военной силой отказался, предлагая вести с населением переговоры, а казнить лишь особо опасных вождей. С такой позицией он, естественно, был отозван и в 1739 г. вновь попал под следствие. Вины за ним не нашли, но в Петропавловской крепости он провёл больше года.

В 1741 году после смерти Анны и свержения Бирона в должности начальника Калмыцкой комиссии В.Н. Татищев выполнял сложную дипломатическую миссию: улаживал конфликты между калмыцкими князьками, а затем 4 года служил Астраханским губернатором.

Кочевая жизнь, напряжённая и ответственная работа, зависть и интриги придворных, несправедливые гонения властителей подорвали здоровье Василия Никитича. Последние пять лет он провёл в своём подмосковном селе Болдино, которые посвятил главному делу жизни — «Истории Российской». Над ней он начал работать ещё в 1720-е годы, тщательно исследуя и систематизируя летописи и архивные бумаги и вводя в научный оборот много исторических документов, часть которых была впоследствии утрачена. В 1739-м он показывал написанное в Академии наук, но поддержки от немецких учёных, коих тогда в Академии было засилье, естественно, не получил. При Елизавете обстановка изменилась, но завершить работу учёному не довелось — «История» была доведена до 1577 года и издана уже при Екатерине II. Она стала первой и на протяжении полувека (до «Истории» Н.М. Карамзина) книгой по истории Отечества с древнейших времён.

За день до смерти к нему прискакал курьер с наградой — орденом Александра Невского, но Василий Никитич ордена не принял, сказав, что умирает. Похоронен он в своём селе на Рождественском погосте (совр. Солнечногорский р-н Московской обл.). Его надгробие было обнаружено в 1970-е гг.

Он оставил после себя много трудов в самых разных областях знаний — не только по истории и географии, но и по металлургии и горному делу, денежному обращению и экономике, механике и математике, фольклору и лингвистике,

праву и педагогике и даже палеонтологии (работа «О мамонтовой кости» была дважды издана в Швеции).

Его имя носят несколько населённых пунктов и улиц в городах, военный корабль, гора на Урале, малая планета, гимназия в Екатеринбурге. Памятники ему стоят в Екатеринбурге, Перми, Тольятти и Солнечногорске. Вот только восстановить его усадьбу, находящуюся в руинах, ни у кого не доходят руки.

Вячеслав Михайлович Молотов

Родился Вячеслав Михайлович Скрябин, взявший впоследствии партийный псевдоним Молотов, в семье приказчика в слободе Кухарка Вятской губернии. Больше, чем сделал он для возрождения экономической мощи и международного авторитета Советской империи, сделал только Сталин. Не зря в 1930—1940-е годы он считался вторым человеком в государстве. Это он в своём радиовыступлении перед страной 22 июня 1941 года произнёс бессмертные слова: *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»*

Ещё учась в реальном училище, был арестован и сослан за революционную работу. Вернувшись из ссылки, сдал экстерном экзамены и поступил в Петербургский Политехнический институт, но учёбу не окончил. В 1912 г. стал секретарём редакции большевистской «Правды» и членом Русского бюро РСДРП(б), тогда же познакомился со Сталиным. В 1915-м вновь арестован и сослан в Иркутскую губернию, откуда сумел бежать. В 1917 г. стал членом Военно-революционного комитета по подготовке вооружённого восстания. Когда после Октябрьского переворота большевики ввели партбилеты, Молотов получил билет №5.

Далее он — член ЦК ВКП(б) (1921 г., избран по предложению Ленина), член Политбюро ЦК (1926—1956), глава правительства (1930—1941), министр иностранных дел (1939—1947, 1953—1956). В годы войны — член Ставки Верховного Главнокомандования, 1-й заместитель председателя Госкомитета Обороны СССР и, кроме того, куратор танковой промышленности.

Выдвинувшийся на вершину власти благодаря выдающемуся государственному уму, огромной работоспособности и неподкупной преданности делу коммунистического строительства, никогда не занимавшийся политическими интригами, В.М. Молотов выступил против авантюристической политики Н.С. Хрущёва, в том числе против огульной дискредитации имени Сталина, против необдуманного освоения

целины, против передачи Крыма Украине, за что в 1957 г. был снят со всех постов, а в 1962-м исключён из партии (восстановлен в 1984-м). В 1956 году в Тбилиси прошла массовая демонстрация с лозунгами: «Долой Хрущёва! Молотова — во главе КПСС!» Его именем были названы города, географические объекты, десятки заводов и колхозов, сотни улиц, но после 1957 г. память о нём была тщательно стёрта и нигде не восстановлена до сих пор. Даже в родной Кухарке (ныне г. Советск Кировской обл.) нет улицы его имени.

Уже после смерти Молотова, начиная с горбачёвщины, его пытались и пытаются оболгать и очернить ещё раз, назвав выдающийся дипломатический успех в деле заключения договора о ненападении с фашистской Германией «позорным пактом Молотова—Риббентропа».

9 марта этого года исполнилось 130 лет со дня рождения Вячеслава Михайловича. Уместно вспомнить, что писали о нём разные люди в разное время.

«Молотов был субъективно честен, исключительно работоспособен, умён и не имел заметных пороков. Он был единственным, кроме Сталина, членом Политбюро, который обладал популярностью в народе и особенно среди интеллигенции» (диссидент-антисоветчик Ж.Медведев).

«Молотов существовал неизменно как постоянная величина, пользовавшаяся в нашей среде <...> наиболее твердым и постоянным уважением и приоритетом» (писатель К.Симонов).

«Все были в восторге от его простоты, доступности: пожел испачканную машинным маслом руку работницы... С интересом слушал объяснения слесаря... Интересовался жильем мастера... Спросил о зароботке, состоянии снабжения в городе. Всё это было необычно и ново для нас» (член Политбюро, председатель Совмина РСФСР В.И. Воротников о посещении Молотовым Куйбышевского авиационного завода в 1955 г.).

Ярый враг СССР госсекретарь США Д. Даллес назвал Молотова величайшим дипломатом XX века.

«Он в числе первых воочию увидел эгоистичность конкретных целей в политике США... направленных на завоевание доминирующего положения в мире. ...Он известен многим... как человек весьма эрудированный. Я не раз в этом убеждался» (министр иностранных дел А.А. Громыко).

«Он был, очевидно, разумным и тщательно отшлифованным дипломатом, который составил бы достойную компанию таким политикам, как Мазарини, Талейран или Меттерних. Его улыбка, дышавшая сибирским холодом, его тщательно взве-

шенные и часто мудрые слова, его любезные манеры делали из него идеального выразителя советской политики в мировой ситуации, грозившей смертельной опасностью» (премьер Великобритании У. Черчилль).

«В. Молотов, судя по архивным документам, блестяще представлял взаимосвязь геополитических измерений и самых различных дипломатических ходов и был искуснейшим дипломатом с ярко собственной манерой жёсткого переговорщика. Он обладал великолепным умением разгадывать намерения оппонента, что и есть искусство дипломата, парировать его остроумной аргументацией, как и вести тщательно взвешенный обмен козырями и пешками. Запись его бесед с Бирнсом и Бевинсом [министрами иностранных дел США и Англии — В.Г.] — интереснейшее чтиво не только для историка» (Н. Нарочницкая, историк, специалист по международным отношениям).

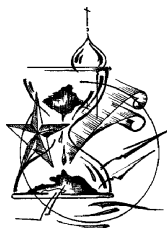
«Вячеслав Михайлович был очень сильным организатором. Настоящим... Решения принимались быстро... Молотов вообще не терпел многословия...» (М. Смиртюков, заместитель заведующего секретариатом Совета министров СССР).

Михаил ШЕГЛОВ,
председатель Общества Русской культуры
Республики Татарстан

А СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН?

Натолкнул меня на этот вопрос один мой земляк, самодеятельный историк-любитель. Потратив массу времени и усилий, он нигде не нашёл декрета о создании ТАССР, якобы подписанного ровно 100 лет назад Лениным, Калининым и Енукидзе 27 мая 2020 г. И действительно, хотя Интернет кишит упоминаниями этого документа (даже в пресловутой Википедии есть статья о нём со ссылкой на источник — № 115 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 29 мая 1920 года, где был опубликован текст декрета». Но нигде нет самого документа. Упорные поиски любителя-историка в архивах привели его только к предшествующему декрету документу — постановлению. Но и он оказался весьма странного вида. Нашлась только копия постановления, без подписи. Историк-любитель всё склонял меня поднять шум на всю страну, но я, понимая масштаб проблемы, ограничился постом в социальных сетях следующего содержания.

«Легитимна ли исходно татарская автономия, 100-летие которой с помпой отпраздно-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

вали в нынешней Республике Татарстан в мае 2020 г.? Как вроде бы общеизвестно, 27.05.1920 был издан Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республике». С этого момента и считается «день рождения» республики. Декрету предшествовало подписание постановления аналогичного содержания. Декрета я не видел, только текст в Интернете, а постановление есть на сайте архива Республики Татарстан. Любопытный «документ» опубликовали архивисты — ни подписи Ленина, ни подписи Калинина, а вместо подписи секретаря Енукидзе — вообще непонятно чья. Образец подписи Енукидзе можно найти в Интернете. И вот что интересно узнать: а **оригинал** этого постановления **со всеми** тремя подписями имеется? Если нет, то легитимность существования Автономной Т.С.С.Р., а значит и нынешней Республики Татарстан — под большим сомнением. И что тогда праздновали в мае 2020-го?».

После недлинной дискуссии под постом выяснилось, что подпись под документом стоит вроде бы Ю. Лутовинова — Секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, но и это не прибавляет «документу» легитимности, к тому же это постановление всего лишь «о принятии положения ТАССР».

Любопытны и результаты опроса, проведённого под постом ВКонтакте. Треть посчитали, что «путаница в документах — не главное, республика давно существует по факту», а 53% на вопрос «подложный ли документ о создании Авт. Татарской ССР лёг в основу Декрета?» ответили утвердительно: это подлог.

Но главное, пожалуй, даже не это. Звонит мне как-то тот самый самодельный историк-любитель и говорит, что документ действительно исчез!

Во всяком случае, теперь не только декрета о создании ТАССР, но даже этой «плюшевой» бумажки не найти нигде.

Кстати, о том, что легитимных официальных документов о создании ТАССР в природе не существует, подтвердил недавно никто иной как признанный глава официальной нынешней исторической школы Республики Татарстан Индус Тагиров! Это, между прочим, академик, выстраивавший десятилетиями всю историческую науку на службу современной региональной власти. Историков, работающих вне его концепций в современной Татарии нет практически нигде под страхом потери карьеры. И этот мэтр современной татарской исторической науки, эта глыба национально-региональной гуманитарной мысли говорит изданию «Бизнес Онлайн» следующее:

«Нужно исходить из факта, что Татарстан, согласно декрету от 20 мая 1920 года, состоялся. Никаких «если бы» говорить нельзя. Я вижу здесь положительное, потому что если бы такого декоративного государственного образования не было провозглашено, то невозможен был бы переход к суверенному статусу Татарстана. Кстати, сегодня борьба ведется вокруг этих вещей. Это первое. Второе — так упрощенно показывать создание республики нельзя, конечно. Были и противники, были естественные факторы, скажем, голод 1921 года».

Что мы увидели из интервью г-на Тагирова?

1. «Нужно исходить из факта». Но этот «факт», как было сказано выше, весьма сомнителен.

2. Ученым спутана дата «декрета» — 20 мая 1920 года вместо, как это широко известно, 27 мая 1920 года. Для историка это в принципе недопустимо.

3. «Никаких «если бы» говорить нельзя».

4. «Декоративное государство». И эта декорация, как говорит автор, позднее заложена в «переход к суверенному статусу Татарстана».

5. «...сегодня борьба ведется вокруг этих вещей». Каких «этих»?

6. «Упрощенно показывать создание республики нельзя, конечно». Это понятно. Но всё и всегда, даже самое сверхсложное, заканчивается итоговым документом. Так где документы, учитель?

А документов-то нету!..

Русская народная линия

Игорь КОПЫЛОВ

ЦЕЛЬ КОРОНАБЕСИЯ

Почти полгода в мире развивается безумный сценарий «борьбы с пандемией». И власти РФ играют в этом спектакле далеко не последнюю роль: ведь ограничительные меры, введённые в нашей стране (электронные коды, запреты на передвижения и проч.) по своей суровости и идиотизму сильно превосходят то, что натворили власти большинства других

стран. Соответственно, люди и экономика в России пострадали достаточно сильно. Хотя и в США, если судить по недавнему заявлению Илона Маска, 20% работающих потеряли свою работу и доходы.

Несколько месяцев при помощи СМИ, врачей и полиции властям РФ удавалось пугать и кошмарить значительную часть населения. Но рано или поздно организаторам кампании коронабесия нужно будет давать задний ход. Заболевших в мире, как они ни стараются, не больше, чем дают ежегодные эпидемии гриппа, туберкулёз и другие болезни. А первое же массовое исследование в Москве показало, что все страхи и паники властей — это либо глупость, либо тщательно отрежиссированная политическая провокация (и второе — вернее). Первое же массовое тестирование в Москве 50 тысяч человек выборочно показало, что у 12,5% есть антитела на коронавирус. То есть множество людей этой инфекцией переболело, и даже этого не заметило. То есть опасность — сильно гиперболизирована.

И идеология безумия начинает постепенно менять вектор. Оказывается, победить вирус — это уже не главное. Теперь с так называемой пандемии власти явно переключаются на другую цель — на массовую вакцинацию. О том, что вакцину вот-вот изобретут и начнут применять, СМИ пишут непрерывно. Госдума РФ спешно рассматривает поправки КОАП, согласно которым теперь можно будет сильно штрафовать, до 7000 рублей, тех людей, кто откажется от навязываемой ему вакцинации. Формально это касается не всех, а только «группы риска». Но в условиях РФ этот фиговый листок не работает. В существующей системе власти могут вписать в «группу риска» кого угодно — например, всё население любого значительного города под предлогом скученности проживания, и тогда под вакцинацию попадут поголовно все его жители.

Люди в России справедливо не доверяют властям. То, что выборы в стране регулярно фальсифицируются — это секрет полишинеля. И если раньше наш народ эти трюки молча терпел, то рано или поздно терпение кончится. Все видят, как на волне народной беды стремительно богатеют путинские олигархи, их доходы растут, как никогда. Один из главных дирижёров партии коронавируса, московский градоначальник и путинский назначенец Собянин сказал прямо, что не намерен снимать ограничений, введенных им под предлогом борьбы с вирусом, до тех пор, пока не появится вакцина. Это не просто безответственные слова, это, по сути, — призыв к совершению преступления.

Вакцинация — вещь очень опасная. В России, только по различным официальным данным, ежегодно 200—360 человек становятся инвалидами из-за вакцин. А сколько осталось бесплодными — статистика скромно молчит. Врачи и специалисты давно говорят, что принцип вакцинации может быть только добровольным и что люди должны иметь полную информацию обо всех возможных последствиях прививок. Человек должен понимать, на что он идёт. Не говоря уже о том, что вакцинация может стать одним из способов управления людьми через их зомбирование и чипизацию. Достаточно и того, что принудительная вакцинация незаконна и опасна. Как бы ни медленно раскачивалось наше общество, — но пора просыпаться.

Владимир КОРНИЛОВ

ПОЛЬША ПРЕВРАЩАЕТ ПАЛАЧЕЙ В ГЕРОЕВ

В последнее время в Польше очень полюбили различные годовщины. В прошлом году широко отмечались юбилеи расстрела польских солдат в Катыни и Варшавского восстания. В этом году, несмотря на карантин и серьёзный политический кризис в стране, намечаются торжественные мероприятия, приуроченные к столетию «чуда на Висле». Именно Польша была инициатором практически всех околоисторических резолюций Европарламента и ПАСЕ на тему ответственности за Вторую мировую войну. Именно Польша возвела трактовку истории в ранг государственной политики, создав Институт национальной памяти и наделив его фактически карательными функциями.

Благодаря стараниям правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) нынче особое внимание уделяется всевозможным годовщинам, связанным с деятельностью Армии Крайовой и ее последователей, так называемых проклятых солдат (*Zolnierze wukleci*). Память об этих бойцах, в основном погибших после войны в боях против советских «оккупантов» и местных коммунистов, возведена в культ. В 2011 году по инициативе президента страны даже введен нацио-

нальный День памяти «проклятых солдат» (с тех пор ежегодно отмечается 1 марта).

Бойцов-антикоммунистов принято представлять в качестве благородных патриотов, эдаких «воинов света», самоотверженно боровшихся против «оккупации» и павших в «неравном бою за независимую Польшу». Но вот некоторые юбилеи, связанные с «подвигами» этих вояк, Варшава отмечать не спешит, в который раз демонстрируя крайне избирательную память.

Например, 6 июня сего года следовало бы отметить 75-летний юбилей резни в деревне Вешховины (примерно 50 км южнее Люблина), совершенной польскими «героями». В этот день в 1945 году отряд Национальных вооруженных сил (пожалуй, крупнейшая подпольная организация польских националистов после роспуска Армии Крайовой) под командованием Мечислава Паздерски по кличке Серый вошел в эту деревню, преимущественно населенную православными украинцами, с целью ее «пацификации». Идея акции была проста: «Нам в Польше не нужны украинцы».

В качестве проводника отряд взял местного польского жителя, который с готовностью показывал дома украинцев. Туда приходили боевики Паздерски и методично убивали всех обитателей, насилуя перед убийством женщин. Как правило, местных жителей выводили во двор и стреляли им в голову. Некоторых, дабы не тратить патроны, рубили топорами. Всего были убиты 194 человека (по некоторым данным — 196), из которых подавляющее большинство (149 человек) были женщины и дети, младшему из них было две недели от роду. «Быть украинцем означало получить смертный приговор», — вспоминал один из очевидцев этой резни. То есть это был жесточайший акт этнической чистки — вполне в духе украинских бандеровцев, чьи злодеяния в Польше осуждаются на официальном уровне.

После методичной расправы над мирным населением этой деревни отряд «героически» разграбил их дома и удалился с наживой в леса. Правда, далеко эти бандиты не ушли. Через четыре дня советские красноармейцы совместно с польским Корпусом внутренней безопасности настигли убийц и в результате боя ликвидировали большинство из них, включая самого Серого.

Думаете, в современной Польше имена этих боевиков, на чьих руках кровь невинных детей, преданы позору? Как бы не так! Еще в 1992 году Паздерски посмертно награжден Крестом Национальных вооруженных сил — наградой, которую официально восстановил президент Польши. В Люблине ему установлена мемориальная табличка. Память боевиков Серого, наряду с другими «героями» Армии Крайовой, чтут 1 марта.

А когда польских деятелей, отвечающих за политику «национальной памяти», спрашивают о злодеяниях Паздерски со товарищи, они обычно отмахиваются. Например, один из инициаторов введения Дня «проклятых солдат» историк Акрадиуш Карбовяк преспокойно ответил: «Конечно, были и менее славные эпизоды. И то, что случилось в Вешховинах, относится к такой категории событий». Причем он оправдывает убийство тамошних коммунистов. В остальном же боевики Серого, видимо, просто «перестарались».

А ведь подобные массовые убийства мирного населения были вполне обыденными для бойцов Армии Крайовой и ее последователей. Тот же Карбовяк считает, что самым крупным было истребление мирного населения в селе Сахрынь и его окрестностях, где в марте 1944 года «героями» АК были истреблены до полутора тысяч мирных украинцев. А спустя ровно год в селе Павлокома отряд «проклятых» под командованием Юзефа Бисса вырезал 365 православных, включая детей. И таких «подвигов» было огромное множество. Причем о некоторых из них мы только начинаем узнавать. К примеру, не случайно очень нервную реакцию польских властей вызвало недавнее обнародование в России рассекреченных документов, связанных с Варшавским восстанием. Ведь помимо прочего в них содержались и показания советского офицера, контактировавшего со штабом восставших. В частности, он так описал действия там боевого крыла АК — Польского корпуса безопасности (ПКБ): «Всё украинское население, оставшееся в городе, было вырезано или расстреляно. Силами ПКБ также были уничтожены остатки евреев, которых не успели уничтожить немцы. ПКБ проводил специальные облавы на русских военнопленных, вырвавшихся из немецкого плена, стремясь захватить заложников для последующего обмена с Красной армией».

То есть АК добивала и польских евреев, которые выжили во время нацистского холокоста. Причем эти «герои» продолжали делать то же самое и после войны, истребляя по этническому признаку украинцев, евреев, литовцев, белорусов. Но, как видим, этот факт вовсе не препятствует их официальной глорификации (восхваления. — Ред.).

Упомянутый выше историк Карбовяк заявляет: «Вне зависимости от их действий, они боролись за Польшу, а некоторые из них принесли свои жизни на алтарь своей Родины, поэтому их нужно помнить. Память о защитниках Республики — это наша обязанность». Эдак и злодеяния Гитлера можно списать на том основании, что он боролся за «великий рейх», невзирая на его методы и цели.

Один из ведущих полонистов России профессор Дмитрий Карнаухов пояснил РИА Новости причины такого подхода:

«Оправдание преступлений АК укладывается в продвигаемый ПиС культ «проклятых солдат». Этот культ сейчас положен в основу навязываемой обществу новой исторической квазирелигии, а открытое несогласие с ним нередко становится поводом для травли и репрессий в отношении как польских, так и зарубежных ученых». Напомним, одной из жертв этих репрессий не так давно стал и сам Карнаухов.

Польша очень любит представлять себя в качестве основной жертвы «тоталитарных режимов XX века», постоянно внося проекты всевозможных резолюций на международном уровне. Развязав историческую войну, нацеленную на ревизию истории Второй мировой, она в то же время очень не любит, когда ей напоминают о собственных грехах и преступлениях (чего стоит только законодательный запрет на упоминание участия поляков в злодеяниях, творимых в нацистских концлагерях). Но чем громче Варшава требует покаяний и компенсаций за события прошлого, тем чаще ей надо напоминать о ее же собственной истории и обращать внимание мирового сообщества на то, каких преступников и бандитов прославляют сейчас на официальном уровне в Польше.

В конце концов, что мешает Европарламенту осудить этнические чистки, устраиваемые польскими «героями» в 40-е годы, по тому же образцу, по которому он осуждал «тоталитарные режимы»? Ответ на вопрос понятен: это не вписывается в концепцию извечной вины России. Поскольку, осуждая акты геноцида со стороны боевиков АК, поневоле оправдываешь боевые действия против них со стороны Красной армии и НКВД. И тогда признанные на Западе «жертвы» и «палачи» внезапно меняются местами. А этого, с точки зрения современной Европы, допускать нельзя.

Валерий ФИЛИМОНОВ

ВИРУСЫ — ОРУЖИЕ ТЕРРОРИСТОВ

29 июня 2020 года агентство ТАСС опубликовало обширное интервью руководителя Антитеррористического центра СНГ генерал-полковника полиции А.П. Новикова.

В нём он обратил серьёзное внимание на проблемы, связанные с новыми заявлениями вербовщиков международных террористических группировок и с опасной деятельностью американских биологических лабораторий, находящихся в непосредственной близости от границ России.

Не секрет, что всемирная террористическая сеть является важнейшей составляющей системы глобального управления, а у истоков её создания стоят спецслужбы США, Британии и ряда транснациональных структур. Без преувеличения главными террористами можно назвать негласных «хозяев мира», в чьих интересах совершаются террористические операции. В частности, это понятно из откровений шефа московского бюро телеканала «Аль-Джазира» Акрама Хузама: «В Лондоне, например, существуют фирмы, которые вербуют и готовят боевиков из любых стран и для любых целей. Это гигантский бизнес. Фирмы берутся спланировать и осуществить боевые операции в любой точке мира, и стоит одна такая операция может миллиарды долларов».

Андреас фон Бюлов, курировавший спецслужбы Германии в течение 30 лет, свидетельствует: «Все террористические операции построены по принципу «матрёшки». На виду, для обмана, находятся обычно террористы «рабочего уровня». Высший уровень — уровень «архитекторов» — разрабатывает теракты для изменения общественного мнения. До верхних эшелонов вы никогда не доберётесь».

Итак, система эта многоступенчатая, поэтому исполнители никогда не знают истинных заказчиков, разработчиков и лиц, финансирующих террористическую операцию. Главная задача системы — осуществление глобального политического руководства на практике кризисного управления или, как говорят иначе, через создание управляемого хаоса.

В наши дни как никогда нарастают угрозы эпидемиологических терактов. А.П. Новиков заявляет: «Пока государства борются за медицинскую и эпидемиологическую безопасность, ставя в качестве ключевой цели спасение жизни и здоровья своих граждан, вербовщики международных террористических группировок не просто используют и без того сложную ситуацию, привлекая новых «солдат джихада», но и множат призывы к максимальному распространению инфекции COVID заболевшими членами организации в общественных местах, государственных учреждениях и так далее».

COVID-19 — это ещё не самый страшный вирус, возможно появление намного более сильных патогенных микроорганизмов. В связи с этим А.П. Новиков отмечает: «Ситуация, в которой оказался весь мир, высветила другую пробле-

му — размещение на территории некоторых стран, граничащих с государствами СНГ, биологических лабораторий, принадлежащих зарубежным, чаще всего зарубежным, ведомствам и фондам. Особую озабоченность вызывает безопасность американских биологических лабораторий на Украине и в Грузии с учетом проблем государственного управления в этих странах. Собственно говоря, опыт настоящей пандемии может дать представление о последствиях утраты или неконтролируемой утечки биоматериалов, представляющих угрозу для жизни и здоровья человека».

По сообщению газеты «Взгляд», *«у США есть более 400 бактериологических лабораторий по всему миру, в том числе не меньше 15 — на Украине. Там работают исключительно американцы, а финансирует их Пентагон. Лаборатории размещены в Одессе, Виннице, Ужгороде, Львове (три), Киеве (три), Херсоне, Тернополе и неподалеку от Крыма и Луганска... Положениями контракта было предусмотрено предоставление помощи Украине в предотвращении распространения технологий, патогенов и знаний... которые могут быть использованы в ходе разработки биологического оружия»,* — так заявили в минздраве Украины.

Рассказал «Взгляд» и о биологических лабораториях США на Кавказе: *«В Грузии в лаборатории имени сенатора Ричарда Лугара в предместье Тбилиси развернуто Управление медицинских исследований сухопутных войск США—Грузия. Представленные экс-министром госбезопасности Грузии Игорем Гиоргадзе документы подтверждали, что в лаборатории ставились опасные опыты на живых людях. Соединенные Штаты нарушают Конвенцию о запрете биооружия, указывали по этому поводу в российском Минобороны».*

Как ранее отмечал «Взгляд», *«с утечкой из лаборатории Лугара связывали вспышку «свиного гриппа» H1N1 в январе 2019 года, когда около десятка человек умерло, а счет зараженным шел на тысячи».*

Итак, в биологических лабораториях США хранятся возбудители особо опасных инфекций, которые в случае *«неконтролируемой утечки»* могут попасть в руки злоумышленников из числа боевиков террористических организаций. Как уже было показано, последние тесно связаны со спецслужбами Запада. Без их масштабной поддержки не было бы никакого международного терроризма.

Поэтому опасения руководителя Антитеррористического центра СНГ имеют самые серьезные основания: *«Активизировались медийные центры, сочетающие распространение идеологии терроризма и экстремизма и вовлечение новых*

членов. В последнем случае вербовка — и это отмечают специалисты разных стран — облегчается не только снижением уровня жизни населения в тех странах, которые и до пандемии находились в нижних строчках экономических рейтингов, но и дополнительным эффектом длительного социального стресса — религиозной радикализацией».

В качестве действенного средства борьбы с терроризмом предлагается усиление тотальной слежки за всеми членами общества: «Технологии мониторинга и контроля за передвижением граждан создавались именно в профилактических целях относительно распространения заболевания. Следует признать, что это экстраординарные меры. Тем не менее идентификация как таковая может получить новый импульс. Практика показала, что весьма интенсивное развитие получают технологии распознавания и идентификации по результатам видеоконтроля в крупных городах и на критически важных объектах. На эту тему уже создан целый пласт размышлений и, к сожалению, домыслов. Однако очевидно, что противодействие терроризму будет развиваться с технологической точки зрения и развиваться в рамках закона. Цифровые технологии в борьбе с преступностью и терроризмом — это реальность», — констатирует генерал Новиков.

А это мы уже проходили. Например, после 11 сентября 2001 года, когда было объявлено о глобальной антитеррористической операции. *«Кто не с нами, тот с террористами! Все обязаны пожертвовать своими правами и свободами ради мира и безопасности»*, — заявили президент Буш и генеральный прокурор США Эшкрофт. Тогда под одну кальку во всех странах мира были приняты законы о противодействии терроризму и экстремизму. Ускоренными темпами началось строительство всемирной системы тотального контроля и управления населением планеты.

Сегодня по опыту Москвы в период ужесточения карантина хорошо видно, что режим поголовной слежки за перемещениями и финансовыми операциями жителей города вводился не в «рамках закона», а с грубейшими нарушениями конституционных прав и свобод добропорядочных граждан.

Получается, что человечество вновь будет поставлено перед выбором: свобода или безопасность?

«МИЛЫЙ ДРУГ» ДОРОГИХ РОССИЯН

Роман «Милый друг» был закончен и опубликован молодым автором Ги де Мопасаном в 1885 году. Ещё раньше у поэта, прозаика и публициста, которого высоко ценили признанные мастера слова Густав Флобер и Иван Тургенев, было издано с десятков разных книг. Их не очень-то замечали.

Но роман «*Bel Ami*» (название по-французски) сразу попал в центр внимание Парижа, сделал автора известным на каждом углу. Его принимали и хвалили, его отвергали и поносили, но не было равнодушных читателей.

Может, впервые во французской да и мировой литературе дерзкий и решительный Ги де Мопасан показал современное ему общество таким, каким оно было на самом деле. «Мало кто из писателей-реалистов, — отмечал критик В. Ломов в одной из статей о творчестве Мопасана, — так живописно и уничтожающе изобразил убожество и пошлость буржуа».

В советской школе, понятное дело, этот роман не изучали. Да и в университете представление о нём давали, мягко говоря, поверхностное. Всё сводилось к личности проходимца Жоржа Дюруа, который мечтал о блестящей карьере в столице и, не имея журналистских способностей, сделал её, благодаря «любовным связям».

Однако суть выдающегося произведения, конечно, куда глубже! Напомню фон, на котором описаны похождения Жоржа Дюруа.

Вокруг Парижа идёт захват, скупка земель богатыми предпринимателями, где они строят уродливые замки и особняки. В атмосфере гражданского общества Парижа такие понятия, как честь, совесть, порядочность становятся обычным товаром, как хлеб, овощи или рыба... Ради мзды, выгоды, наживы, личных удовольствий персонажи романа способны на всё, в том числе и на незаконное обогащение. Скупка по дешевке облигаций «Мароканского займа», доступная не всем, а только избранным, делает богатых ещё богаче перед тем, как французская военная экспедиция отправится в

Марокко. «Милый друг» для достижения своих целей мог войти едва ли не в каждый дом в Париже.

В наши дни роль «милого друга» исполняют очень многие государственные, частные и прочие конторы. Об этом можно провести отдельное большое исследование. Но я коснусь только одного эпизода.

С некоторых пор самое крупное финансовое учреждение страны Сбербанк и его руководитель Г.А. Греф стали рядиться в тогу «милого друга» всех без исключения «дорогих россиян». Речь идёт о том, что при оплате услуг ЖКХ это учреждение взимает комиссию буквально за оплату каждой услуги. Например, при оплате услуг «Вологодской теплосети» Сбербанк автоматически берёт с собственника квартиры от 20 до 100 рублей в зависимости от суммы платежа. Каждый месяц. И так — по всем остальным показателям, включая вывоз мусора. Здесь тоже банкирам можно поживиться.

По каким законам взимается данный оброк с граждан? Выяснить не удалось.

На первый взгляд, комиссия, вроде бы, небольшая, не стоит «мелочиться». Но не будем спешить. По самым скромным подсчётам каждый собственник жилья в РФ отдаёт в течение года учреждению Грефа 1200—1500 рублей в виде комиссии. При зарплатах в провинции — весьма существенная часть месячной зарплаты.

Теперь прикиньте, какую цифру составят поборы, если взять всех собственников в стране? Жильцы только одного дома на улице маршала Конева в Вологде, где проживает в общей сложности более трехсот собственников, «комиссуют» ежемесячно «конторе Грефа» около 15000 рублей. А сколько это по Вологодской области? А сколько по всей стране?

Жорж Дюруа, наверное, мог бы позавидовать карьере руководителя Сбербанка. Не имея особых достижений в развитии экономики страны, он, тем не менее, преуспевает из года в год и без стеснения, а главное, беспрепятственно грабит население и производство РФ. Прежде всего это касается ставок по кредитам для предприятий и граждан. Если за границей Сбербанк предлагает кредит от 2 до 6 процентов, то в РФ в разы больше — от 10 до 16 процентов.

Пора бы уже Счётной палате, засучив свои рукава, подсчитать доходы грефовской конторы от комиссий с нашей оплаты ЖКХ, а Думе уточнить, насколько они законны. И заодно узнать, куда деваются эти миллиарды — наши народные слёзы. Не только же на проекты по реформе образования, после которой подавляющее большинство граждан страны вновь станет неграмотным.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2020 год
(Июнь — июль)

В начале 1982 года, когда мне было 33, одна близкая мне женщина привезла меня к известной на ту пору цыганке-прорицательнице, которая, естественно, за приличную плату предсказывала людям их будущее. Тогда я еще не сознавал, что подобное обращение к гадалкам — дело греховное. В детстве я был не крещён, учился, как все мы, в советской атеистической школе и долгое время оставался религиозно непросвещённым. Мое крещение состоялось только в 1985 году.

Цыганка принимала посетителей, подобных нам, в своем частном доме в Подмоскowie. Стояла зима, мы приехали рано утром, еще затемно, однако возле ее дома уже собралась очередь, состоящая исключительно из женщин, поэтому я ощущал себя как-то скованно и некомфортно. Сам я никогда в жизни не решился бы на эту авантюру. Но близкая мне женщина меня зачем-то уговорила.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Когда подошла моя очередь, я прошел в дом. Через большие сени и кухню ее муж проводил меня в небольшую натопленную комнату, при этом негромко ворча: «Ходят и ходят... Надоели уже...» Пожилая и довольно благообразная женщина, но с ярко выраженными цыганскими чертами лица, слегка улыбнувшись, предложила мне присесть к столу. Спросила: когда я родился и как меня зовут? Затем взяла мою правую руку и внимательно осмотрела ладонь. После этого — с минуту вглядывалась в мое лицо. «У вас есть брат. Ваша мать жива, но она больна. Они далеко от вас», — тихо произнесла женщина.

Перед ней лежала какая-то странная раскрытая книга. Я успел разглядеть в ней непонятные рисунки, знаки и цифры. Цыганка пролистнула несколько страниц и остановила свой взгляд на открытых страницах. Минуты две всматривалась в них. «В книге вашей жизни, — вновь заговорила она, не отрывая глаз от книги, — сказано, что вы проживёте долгую жизнь — 73 года (повторюсь, мне было тогда 33. — В.Х.). Всё у вас сложится удачно, хотя будет много неприятностей и проблем. Но вы их все переживёте и добьётесь того, к чему стремитесь». Через небольшую паузу она продолжила: «У вас родится ребёнок, девочка... Вы сюда пришли с той женщиной, которая была у меня перед вами... Но с ней вы скоро расстанетесь, она не для вас... Берегите сердце... У вашей матери большое сердце. Вам тоже надо беречься. Иначе будут большие проблемы. Но я вижу, что вы сможете... Всё. Храни вас Бог».

Мы возвращались в Москву в электричке, и та близкая мне женщина всю дорогу пыталась выведать, что же мне рассказала цыганка. Прежде всего ее, конечно, интересовали наши дальнейшие отношения... Но я ничего конкретного ей не сказал.

Как-то само собой случилось, что мы действительно с нею скоро расстались.

Через шесть лет после этого у меня родилась дочь.

Время от времени я вспоминаю ту встречу с цыганкой-прорицательницей и с удивлением думаю: пока что всё сбывалось...

22 марта — день моего ангела-хранителя Валерия, одного из Севастийских воинов, умученных за Христа.

Долгое время я думал (и моя мать поддерживала эту мысль), что я был назван Валерием в честь прославленного в 30—40-е годы прошлого века Валерия Чкалова. И только уже будучи

в годах я узнал истинную причину своего имени. Я ведь родился в ноябре. А близкий к моему дню рождения по православному святкам — день другого святого Валерия, одного из 33-х Мелитинских воинов-мучеников, отдавших жизнь за Христа, — день 20 ноября. Мои родители в 1948 году жили в доме моей глубоко верующей бабушки по отцу, носившей древнее православное имя — Феврония. Именно она научила моего отца называть меня Валерием. Так что я дважды в году отмечаю свои именины — 22 марта и 20 ноября. Интересно то, что оба этих святых по имени Валерий были римскими воинами, уверовавшими в Христа и погибшими за Него по приказу римских императоров.

И опять же долгое время я думал, что у меня два ангела-хранителя. Но оказалось, что и это еще не всё. В течение каждого года Русская Православная Церковь чтит четырех святых Валериев, умученных язычниками за веру в Христа. Кроме уже названных дней — еще 6 мая и 7 ноября. И мой день рождения — 13 ноября — стоит между двух дней святых Валериев. А кроме всего сказанного есть еще и святая мученица Валерия Кесарийская, память которой чтится 20 июня.

* * *

6 июня — день рождения Пушкина. В жизни Александра Сергеевича было много разнообразной мистики. Достаточно вспомнить подробно освещенные в печати фрагменты об уроненном им обручальном кольце во время венчания, о предсказании цыганкой его гибели от высокого блондина (таким оказался Дантес), о зайце, перебежавшем дорогу, когда он из Михайловского выехал в Петербург для участия в событиях 14 декабря 1825 года, после чего он вернулся назад. Этим «зайцем» и своим суеверием Пушкин потом объяснял друзьям-декабристам свое отсутствие в этот день в Петербурге. Хотя лично я в этого «зайца» не верю, а верю в благоразумие Пушкина, прекрасно понимавшего всю бессмысленность и преступность декабристской авантюры. Известен и не менее странный факт «встречи» саней Пушкина и Наталии Николаевны, когда его везли на место дуэли к Черной речке. Ни он, ни его жена друг друга не заметили и не узнали... Ведь если бы Наталия Николаевна узнала мужа, эта дуэль, скорее всего, не состоялась бы...

Но был и еще один мистический фрагмент в судьбе великого поэта, не слишком известный читателям и редко упоминаемый в публикациях о его последних днях. Известно, что Пушкин постоянно носил перстень-талисман, подаренный ему графиней Елизаветой Воронцовой во время их рас-

ставания в Одессе в 1824 году. «Этот перстень, — сказала она ему на прощанье, — будет хранить тебя от гибели». Пушкин затем напишет стихотворение «Храни меня, мой талисман». И он действительно не был мгновенно убит на дуэли. Бог дал ему три дня для покаяния, исповеди, причащения к крови и телу Христову и прощения всех своих врагов. В эти три дня царь обещал Пушкину взять его семью на содержание, оплатить все его долги и просил его принять смерть как христианину. И Пушкин исполнил эту просьбу.

* * *

Власти очень хотят, чтобы мы проголосовали за изменения в Конституции, которую сами же они постоянно нарушают и не желают ничего слышать, когда им указывают на их действия, идущие вразрез с положениями Конституции. Хотя, конечно, все прекрасно понимают, что вроде бы «патриотические» изменения внесены в нее исключительно ради одной-единственной поправки. И всем известно, ради какой. Известно всем и то, что любым чиновникам в стране, как и полиции, на Конституцию плевать. Для них на первом месте — указ мэра или губернатора. К примеру, понятие т.н. «самоизоляции» в Конституции отсутствует, его нет ни в каком законе, и тем не менее нас штрафовали за ее несоблюдение. Так зачем же, спрашивается, голосовать за Конституцию, которую власти исполнять не собираются?

В Конституции ясно сказано: массовые мероприятия могут быть запрещены только в случае объявления в стране ЧП или ЧС. Ни то, ни другое в стране не было объявлено. Однако массовые мероприятия и даже одиночные пикеты указами московского мэра и других местных властей — запрещены. То есть налицо нарушение Конституции самой властью.

Точно так же Конституция гарантирует свободу передвижения, если нет режима ЧП или ЧС. Но нам не только ограничили свободу передвижения, но и ввели для каждого цифровые пропуска и какие-то идиотские «графики» для прогулок, о чём ни слова не сказано в Конституции. Так какой же смысл за нее голосовать, если сами власти ее игнорируют? Но «результаты» голосования, конечно же, уже известны заранее...

* * *

В ночь на 6 июня 2020 года в селе Боргадай Иркутской обл. сгорел одноэтажный дом, в котором погибли пять человек — отец семейства и четыре малолетних ребенка. Мать с сильными ожогами сумела выжить. Само собой, по сообще-

нию СМИ и иркутского следственного комитета, причиной пожара «могло стать короткое замыкание». Ничто другое, естественно, причиной стать не могло. Как они, ясновидящие, определяют «короткое замыкание» на пепелище? — вопрос, понятное дело, риторический. И отвечать на него никому не интересно и, главное, нет необходимости. Уже на следующий день про этот пожар никакие СМИ больше не вспомнят. Уж если в «Зимней вишне» всё списалось на «короткое замыкание», то здесь тем более...

* * *

9 июня в Москве неожиданно и резко отменили все карантинные ограничения — т.н. «самоизоляцию», цифровые пропуска, «графики прогулок», разблокировали социальные карты. Что-то, видимо, сработало в головах мэра и президента. Недовольство москвичей уже переходило все терпимые границы. Мосгорсуд и прокуратуру завалили исками к Собянину. Протестовали артисты, публицисты, политики, депутаты разных уровней. Социальные сети и ютуб были забиты статьями и интервью известных людей о вредительской некомпетентности властей, играющих в чужую, враждебную нам игру и пляшущих под западную дуду. Партию власти и лизоблюдских журналистов в интернете поносили последними словами. Люди выходили на отдельные пикеты с требованием отставки мэра Москвы. На 22 июня готовился противовластный «общенародный митинг»... А ведь на 1 июля было назначено голосование по поправкам к Конституции... А градус озлобленности людей всё нарастал.

И 9 июня нам вдруг объявили о «победе над коронавирусом». (Иначе как же проводить парад в июне без очередной победы?..) Вот так — в одночасье, словно позабыв о внушаемых нам через СМИ поэтапных выходах из «карантина». И из ящика вновь посыпались президентские «бункерные» обещания налоговых послаблений для отдельных категорий наших граждан и философские рассуждения о «любви к человеку»...

Люди, конечно, вздохнули с облегчением, потому что в Москву пришла жара, и продолжать дурацкую «самоизоляцию» означало для властей играть с огнем... Ну а пенсионеры наконец получили разрешение и возможность выехать на дачу, чтобы хоть что-то еще успеть посадить.

Но все-таки маразм выдохся не весь. И власти наши не были бы таковыми, если бы до конца избавились от желания хоть в чем-то поиздеваться над людьми. «Масочный режим» московская бордюрная власть решила оставить нам в каче-

стве напоминания о своём присутствии в городе. В метро, в автобусах, в магазинах и даже в парикмахерских появление без масок и резиновых печаток она запретила. Под предлогом заботы о нашем здоровье. В тридцатиградусную жару... И, видимо, ждёт, когда мы выразим ей за это большое спасибо... Наверное, деньги за покупку масочного заводика московская мэрия еще не отбила...

* * *

Америка как прошлое т.н. «демократическое» государство, по всей видимости, кончилась. Причем так быстро, как мы и не ожидали. Много было за последние годы предсказаний и серьезных статей о том, почему погибнет Америка. Назывались разные причины. Но чтобы вот так — в одночасье, по причине одного убитого полицейскими чёрного рецидивиста...

Многие в наши дни писали о том, что мир станет и уже стал другим из-за искусственно раздутой «пандемии» т.н. коронавируса. И мир уже с этим даже успел смириться. Но этого нам оказалось мало. Мир стал поистине **радикально** иным, потому что **другой** стала Америка, точнее говоря, бывшие Соединенные Штаты Америки, т.к. США — это не вся Америка.

Да, летом 2020 года Штаты стали другими, их в прежнем виде уже фактически не существует, потому что они у нас на глазах становятся *разъединенными штатами*.

Чёрная «революция» день за днем захватывает, громит и разрушает эти некогда *соединенные штаты*. Черный расизм прорвался, как гнойный нарыв, вырвался на свободу и вылился на улицы и площади американских городов, громя полицейские участки, сжигая и грабя магазины, издеваясь над белым населением и круша памятники американским рабовладельцам — бывшим историческим персонажам искусственно созданного рабовладельческого государства. А полиция опустила руки.

И белые бывших *соединенных штатов* дрогнули, прогнулись, испугались черной расистской «революции», встали на колени перед чернокожими мародерами, подонками, убийцами, ворами и моральными уродами, которые и олицетворяют эту черную «революцию».

Преступное государство мгновенно возвело в ранг ГЕРОЯ пятикратного уголовного рецидивиста по имени Джордж Флойд (грабежи, наркотики, вооруженный разбой и т.д.), излило поток крокодиловых слёз о его несчастной судьбе, до дыр исцеловало его портреты, протерло штаны на коленях и

возило по стране его труп в золотом гробу. Так не хоронили ни одного президента США. Это и есть истинный *национальный герой* Америки! Наконец-то его, *национального героя Америки*, открыли всему миру! Но проклятые белые копы его убили! Какой там Иисус Христос! Вот, вот на кого теперь надо американцам молиться! И это справедливо. У преступного рабовладельческого государства и не может быть других героев! Кандидат в президенты, демократический улюдок Джо Байден тоже встал перед ним на колени...

Черная расистская «революция» уже убила 90 американских полицейских. (Чем не украинская «небесная сотня»?..) Черная расистская «революция» заставила белых американцев каяться за прошлый белый апартеид и целовать обувь у чернокожих. Она переименовала площадь у Белого дома в символическое название: «Чёрные жизни имеют значение». Черная расистская «революция» в г. Ричмонде (штат Вирджиния) скинула с постаamenta памятник Колумбу. И правильно сделала. Ту, прежнюю Америку пора закрывать. Более преступного государства на земле нет и не было. Но сначала, перед закрытием, ей нужно встать на колени перед уничтоженными ею миллионами индейцев.

Город Сизтл (штат Вашингтон) провозгласил себя Народной Республикой и отказался признавать Трампа президентом США. Так в мире появилась еще одна «самопровозглашенная республика». Первым декретом этой республики стало открытие всех тюрем. Как сказал герой, сыгранный Сергеем Бодровым в фильме «Брат», «Америке кирдык».

Но преступное государство перед своим закатом может еще доставить этому миру много неприятностей...

В который уже раз мы являемся свидетелями очередного обмана народа. Каждому политически грамотному человеку абсолютно ясно, что «голосование» по поправкам к Конституции, намеченное на 1 июля, не имеет никакого значения для принятия этой «обновленной» Конституции. Она уже принята и утверждена всеми компетентными органами: Государственной думой, Советом Федерации, Конституционным судом. И, самое главное, — **подписана** президентом. И как бы ни прошло это «голосование», отменить утверждение и принятие «обновленной» Конституции уже невозможно. Но Путину понадобилось **моральное** одобрение российским населением инициативы В. Терешковой, т.е. — создание видимости народной поддержки. Вот для этого **морального** одобрения «обнулительной» поправки и было решено провести

т.н. «общероссийское голосование», которое не что иное, как ничего не значащая формальность и пыль в глаза нашему неисправимо доверчивому населению. «Голосование» будет по всем поправкам сразу, и порог минимальной явки не обозначен.

Конечно, можно не сомневаться, что большинство «россиян» проигнорирует этот обманный «референдум», вместо того, чтобы прийти на избирательный участок и выразить свое к нему отношение... Но пройдет какое-то время, и все отсидевшиеся дома и на даче, как и в 1993 году, будут удивлённо спрашивать: кто же голосовал за эту «обновлённо-обновлённую» Конституцию? «Да вы и проголосовали!» — скажут им потомки. Своим безразличием, своей трусостью и своим приспособленчеством.

13 июня всё, сказанное выше, открыто подтвердил глава думского комитета по госстроительству и законодательству П. Крашенинников, заявивший в Думе о том, что поправки к Конституции, одобренные Госдумой и Советом Федерации и подписанные президентом, «уже работают». Вот так, дорогие россияне, они, поправки, «уже работают» без «народного голосования». Кстати сказать, Павел Крашенинников — тот еще кремлевский законодатель... Он и в 1993 году активно и подобострастно поддержал ельцинский государственный переворот. И те «заслуги» ему в наше время, конечно же, зачтены...

То же самое сказала и глава ЦИК Элла Памфилова: «Поправки в Конституцию легитимны и не требуют, согласно действующей Конституции, мнения и одобрения народа». И уточнила, что при принятии поправок действующее законодательство вообще не предусматривает голосования россиян. И что предстоящее голосование, добавила она, — это личная инициатива президента.

* * *

Дикий Запад начал стремительное движение в свою естественную дикость — и в лидерах этого движения, как и положено, — США. Вслед за скидыванием в разъединенной Америке памятников рабовладельцам, что, конечно же, можно только приветствовать, т.к. у всех у них руки по локоть в негритянской и индейской крови, в американских школах стали изымать из библиотек книги их литературных классиков XIX века. И начали, как ни удивительно, с Марка Твена, который как раз обличал расовую сегрегацию. Но кто из современных черных «революционеров» Америки читал Марка Твена,

не говоря уже других литературных классиках? Главное то, что он касался расового вопроса — и уже поэтому виновен в унижении чёрных. И должен быть изъят из школьных программ. Всем малограмотным «революционерам» очень хочется кого-нибудь сбросить с «корабля современности»...

На месте гибели рецидивиста Джорджа Флойда в Миннеаполисе поставили «купель» в виде старой облезлой ванны. Место это теперь там — святое. Здесь начали производить «ритуалы крещения» под названием «Движение бога». Любых желающих двое «крестящих» окунают с головой в этой ванной, после чего «крещенный» становится заговоренным от всех болезней. Дремлющая дикость Америки проснулась во всём своем блеске. Здесь уже проповедают некие «христианские лидеры» и к глухим, по их словам, возвращается слух, а к слепым — зрение... Место это теперь называется «церковь Джорджа Флойда».

По всем разъединенным штатам чёрные заставляют белых вставать перед ними на колени и жгут американские флаги. По всем разъединенным штатам чёрные сваливают памятники т.н. «отцам-основателям» США — первому президенту Д. Вашингтону, автору Декларации независимости Т. Джефферсону, А. Линкольну, отменившему рабство, и Б. Франклину, завершившему войну за независимость США, хотя и никогда не занимавшему пост президента... А их портреты, между прочим, изображены на долларовых купюрах... Может, в конце концов, Америка первой откажется от долларов?..

Америка вывесила на своем посольстве в Москве флаг ЛГБТ. В том, что ныне это страна моральных педерастов — мы, нормальные люди, и не сомневались. Но она пожелала всему миру доказать свою не только моральную, но и плотскую педерастичность. Во всяком случае этого пожелали работники американского посольства, которые вряд ли проявили исключительно собственную инициативу. То есть эта демонстрация публичной американской педерастии вряд ли не была согласована с Госдепом США. И Америка сознательно хотела продемонстрировать свою именно элгэбэтэшную сущность. Но самое смешное и одновременно знаково-трагичное произошло потом: ветер сорвал с посольства официальный флаг США...

27 июня точно такую же акцию — вывешивание флага ЛГБТ — проделало посольство Великобритании в Москве. И всё, что сказано выше об Америке, теперь можно сказать и об Англии. Родовое клеймо — штука закономерная и неизживаемая. Не зря ведь в народе говорят: яблоко от яблони недалеко падает. Так же, как и яблоня от яблока... Осталось только окончательно сгнуть.

Дело идет к тому, что с течением времени радужный флаг ЛГБТ станет флагом всей содомитской Европы и всей содомитской Америки.

Ну что ж, бессмысленное «голосование» 1 июля «победно» состоялось с помощью огромного количества бюджетных денег. Бессмысленное — потому что поправки к Конституции, повторяю, были узаконены еще до этого «голосования». Но радость у властной верхушки была какая-то запредельная... И все приближенные к власти в восторге заливались «соловьями», понимая, что и они теперь будут торчать на экране и всей стране мозолить глаза и уши *пожизненно*. До радостной икоты всей кожей они почуяли, что эта *их* власть отныне *несменяема*.

О том, что чуть ли не все статьи Конституции российские власти игнорируют и нарушают, писали и говорили много. Например, 31-ю статью, **гарантирующую** право граждан на мирные митинги, демонстрации и пикетирования. По мнению же властей, в реальности никакого *гарантированного права* на это у нашего народа нет, но есть *право* власти на **запрет** митингов, демонстраций и пикетирований. Или — ее же право на снисходительное *разрешение* ограниченных по количеству подобных выступлений граждан РФ. И новые «поправки» ничего в этом смысле не меняют. Не говоря уже о том, что понятия «русский народ» во «всенародно» проголосованной Конституции так и не появилось, сколько ни ломали копий по этому поводу при обсуждении данной проблемы. Нет такого народа в «обновленной» и «сверхпатриотичной» Конституции. А эйфорически радостное словечко «государствообразующий», хитроумно и примирительно в нее внесённое, не относится ни к какому народу.

Но и с самими поправками народ тоже обманули, схитрили — как обычно, ввели в заблуждение. Когда представители власти и прокремлевские СМИ агитировали за голосование, то все уши прожужжали о том, что уж теперь-то никакой своей территории мы никому не отдадим...

Только проголосуйте за новую поправку! Ну и проголосовали, естественно. А в 67-й статье «обновлённой» Конституции сказано следующее: *«Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются»*. Так ведь в скобках-то, вот это «за исключением», — самое главное. Острова Тарабаров и Большой Уссурийский на Амуре передали китайцам именно в виде «демаркации границы». Что мешает теперь то же самое сделать с двумя, а то и с четырьмя островами Курильской гряды?.. Народ, скажут, нам разрешил, а мы исполнили...

Да и с другими «поправками» вопросов не меньше.

Уже 3 июля В. Путин по телевидению заявил о том, что страна на крайне заинтересована в притоке мигрантов. Обновлённый «патриотизм» нашей Конституции, как видим, этому не мешает.

Сразу после первоиюльского «голосования» в очередном обращении к народу Путин заявил о том, что в РФ не будет ограничений по признаку сексуальной ориентации... И это при наличии в Конституции статьи о браке между мужчиной и женщиной, за которую, задрвав штаны, с доверчивой эйфорией проголосовал российский электорат. Выходит, и за разнообразную сексуальную ориентацию он проголосовал тоже...

* * *

Белая Америка стоит на коленях и целует обувь чёрных. До подобного маразма этот мир еще не доходил. Американский памятникопад обрел еще большее неистовство в сравнении с европейским и украинским. Но у маразма пределов не существует. Теперь во всех документах американские чиновники обязаны слово «Чёрный» писать с заглавной буквы, а слово «белый» — с маленькой. По всей Америке плакаты и билборды: «Чёрные жизни имеют значение». Но плакат «Все жизни имеют значение» — там уже невозможен. За него бьют и могут убить. И эта страна учит мир демократии!.. Западные ценности — это чёрные ценности. В прямом и в переносном смысле. Уже ясно, что с Западом воевать не надо. Он изничтожит и пожрёт себя сам. Флаг ЛГБТ на посольствах США и Великобритании в Москве — это символ стремительного вырождения Запада. Это торжество дьявола. Это демонстрация «ценностей» черноты преисподней.

Чёрные в Америке уже крушат статуи Христа, потому что Христос на них — белый, а не чёрный. Они хотели бы весь мир закрасить чёрной краской.

Американские рабовладельцы завезли на свой континент чёрных рабов, и теперь потомки тех рабовладельцев получают расплату за это в виде чёрного расизма, который не будет щадить никого.

* * *

На следующий день после ареста хабаровского губернатора С. Фургала хабаровчане вышли на улицы и двинулись к центру города. У здания правительства края собралось, по подсчетам людей, более 50 тысяч человек. И все они пришли в поддержку своего губернатора. Это, конечно, было удивительно на фоне телевизионной трескотни о всенародно одобрительном голосовании по Конституции. И когда кто-то из выступающих на этом стихийном митинге спросил в мегафон у собравшихся: «Кто голосовал против поправок к Конституции?» — вся огромная толпа разом вскинула руку вверх и выкрикнула: «Я!» Вот вам и 77 процентов проголосовавших за ваши поправки, г-н президент!..

Кстати сказать, точно так же в это время народ вышел с протестом и во Владивостоке, и в Комсомольске-на-Амуре. Однако об этом все центральные СМИ промолчали.

* * *

На десятый день хабаровских протестов Путин назначил врио губернатора Хабаровского края члена ЛДПР Михаила Дегтярёва — то ли испугавшись угроз В. Жириновского покинуть всей партией Госдуму из-за ареста Фургала, то ли, наоборот, сознательно намереваясь дискредитировать Дегтярёва. Фургал был свой для хабаровчан, дальневосточный, к тому же избранный народом. А Дегтярёв — московский назначенец. Естественно, жителей Хабаровска охватило еще большее возмущение от этого властного жеста — мол, получите нашего ставленника, а ваше мнение нас не интересует.

Однако напрасно Кремль так бесцеремонно поступил с хабаровчанами. Было ясно заранее, что после такого развития событий поднимется весь город и весь край. Так и произошло. Неужели и впрямь кремлевские менеджеры настолько безразличны к настроению народа, что в своей самоуверенной безоглядности вообще потеряли чувство реальности?..

Как я и предвещал прежде, путинская авантюра с обнулением президентских сроков уже менее чем через месяц после т.н. «референдума» зримо оборачивается против него. Эта

авантюра значительно усилила, обострила общее недовольство населения всего Дальнего Востока несправедливыми, по его общему мнению, действиями Кремля. И на этом регионе, конечно же, протестные выступления не останутся.

Но вот что вызывает еще большее недоумение. В ситуации всё нарастающего народного недовольства Путин вдруг отменил шествие Бессмертного полка в этом году.. Еще одна явная недалёковидность власти.

* * *

Ставленник Кремля М.Дегтярёв оказался не готовым к общению с народом. Хабаровчане, собравшиеся на площади у администрации края, потребовали встречи с ним, но он к людям не вышел. Они начали скандировать: «Дегтярёв, выходи! Дегтярёв выходи!» Это продолжалось в течение нескольких часов. Но он перед ними так и не появился. На следующий день люди пришли вновь к стенам администрации и снова потребовали выхода к ним нового врио главы Хабаровского края. Но он опять проигнорировал их требование. И тогда они все вместе в один голос на всю площадь стали повторять: «Дегтярёв, уходи! Дегтярёв, уходи!»

Это выглядело без преувеличения позором для ЛДПР, которую тут представлял 39-летний Дегтярёв и которая очень быстро сдала своего бывшего члена партии С.Фургала.

Все эти видеосюжеты были выложены в Сетях. Но по ящику они не появлялись, их упорно скрывали. Центральная власть оказалась в растерянности — так же, как и центральное телевидение. И те и другие просто не знали, что делать, как поступить и что говорить. Обзывать ежедневно протестующие огромные массы народа «пьяной толпой» или проплаченной «пятой колонной» у них просто не хватало духу, да и к тому же это было бы чревато для властей всех уровней: явная и вопиющая ложь вызвала бы еще более бурную реакцию населения Дальнего Востока и только увеличила бы число протестующих. Поэтому и Кремль, и центральное телевидение растерянно молчали. В Кремле рассчитывали, что хабаровские протесты схлынут сами собой.

Попытка В.Соловьева в своем вечернем шоу прорвать эфирное молчание о хабаровских событиях вылилась в примитивное, дешёвое осуждение ежедневных выступлений хабаровчан в защиту своего губернатора, столь грубо схваченного, увезенного в Москву и обвиненного в неких преступлениях 15-летней давности. Даже вроде бы уважаемые соловьевские «эксперты», казавшиеся патриотами России, вдруг стали единогласно и как-то откровенно лизоблюдски оправ-

дывать, мягко говоря, странные действия центральной власти по отношению к С.И. Фургалу, два года назад получившему 79 процентов голосов на губернаторских выборах. И ведь проиграл ему кандидат от партии «Единая Россия»...

Происходившее летом в Хабаровске и Хабаровском крае — это было яркое проявление воли русского народа — пока в пределах одного региона. И власть не знала, ЧТО с этим делать. Власть была в растерянности. Вот что бывает, когда оскорбленный народ огромной массой просто выходит на улицу. Власть оказывается бессильной.

Один из плакатов на площади в Хабаровске был таким: «Достали оскалом Ксюши и шпагатами Волочковой!»

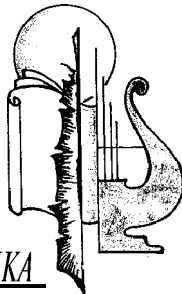
Снова горят леса по всей Сибири и по всему Дальнему Востоку. И с каждым днем площадь пожаров только разрастается. Но о поджигателях в СМИ предпочитают помалкивать, потому что эти поджигатели большей частью — китайцы. Как же иначе, ведь у Кремля с Китаем такие прекрасные отношения...

ТОТ СВЕТ, КОТОРЫЙ ВЕЧЕН

*О книге духовной лирики Валерия Хатюшина
«Вино и хлеб»*

Есть Бог, есть мир; они живут вовек.
А жизнь людей мгновенна и убога.
Но всё в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.
Николай Гумилёв

Слова, вынесенные в эпитафию, принадлежат одному из самых значительных поэтов Серебряного века и в полной мере могут так же охарактеризовать личность творческую. Романтик и путешественник, воин и патриот Отечества «в его минуты роковые», Николай Гумилёв по-настоящему осознал собственную миссию поэта и достиг вершинной зрелости своих стихов именно тогда, когда прошел через испытания Первой мировой войны. Но каждому времени — своё. Непростое наследие досталось и нынешним художникам, которым необходимо осмыслить гораздо больший исторический период и великих обретений, и великих потерь. У меня в руках новая книга нашего современника, известного русского поэта Валерия Хатюшина «Вино и хлеб» — книга, ставшая поводом задуматься о судьбе России, о человеческих судьбах, тесно сопряжённых с праведным поиском истины и веры.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валерий Васильевич Хатюшин — лауреат Международных литературных премий и конкурсов, автор шеститомного собрания сочинений, что подтверждает его незаурядный талант поэта, прозаика, публициста, критика, редактора известного национал-патриотического журнала «Молодая гвардия». Так, вслед за книгой любовной лирики «Напряжена душевная струна...», достаточно сложной в жанровом плане, у него появилась и книга духовной лирики, посвящённая многогранной нравственно-философской и религиозной проблематике. Здесь Валерий Хатюшин предстаёт поэтом глубоких раздумий, тонких метафизических предчувствий. Он предельно честен по отношению к себе и к читателю. Ведь подлинная исповедь — это разговор не столько о победах и достижениях, сколько о грехах, о падениях и безднах, из которых нужно вымалывать человека. Отсюда и отношение к книге — молитвенное. В ней явственно ощущается высокая исповедально-автобиографическая степень искренности.

Между тем, от сборника к сборнику что-то меняется в поэтической интонации и манере автора. И новый сборник, безусловно, свидетельствует о наступившей золотой поре его творческой зрелости, когда можно и надо собирать благословенные плоды. Уникальная особенность литературы и состоит в том, что когда мы оглядываемся назад, то вполне точно понимаем, почему та или иная книга стала знаковой, важной и обсуждаемой, как это было с предыдущей книгой Валерия Хатюшина «Напряжена душевная струна...», и что, собственно, сегодня происходит с новой — «Вино и хлеб». Но, пока мы смотрим вперёд или просто по сторонам, мы не всегда можем угадать, что станет знаковым событием в литературной жизни. Для подобной ретроспективы взгляда необходимо время. Книга «Вино и хлеб» вмещает в себя творческий полёт души длиной в 50 лет — своеобразный итог поэтической деятельности автора, наглядно показывающий результаты более чем полувекового труда. Перед нами — действительно зрелые стихи, вершина поэзии Валерия Хатюшина, обнажившая его трагический стоицизм и утверждающая незыблемость вечных ценностей Православия.

Как известно, горизонты конечной цели жизни любой личности — Бог. А между её рождением и её смертью лежит преодоление пропасти между Ним и миром. Таково и выкристаллизованное долголетним творчеством главное философско-духовное кредо, таковы мировоззренческие поиски и таков опыт внутреннего развития поэта Валерия Хатюшина, заключающий в себе весь драматизм происходящего, нечто судьбоносно-трагическое. Да, именно трагическое мироощу-

шение и помогает художнику осознать сложности человеческой жизни и судьбы. Поразительно, но о вещах талантливых, в чём-то близких к совершенству, что замечено многими литераторами, писать крайне тяжело и, надо признаться, практически нечего. Хотя у них есть одна необъяснимая особенность — они заставляют мыслить, пристальнее вглядываться в этот противоречивый мир, заставляют думать о вечном, непреходящем.

Хочется сказать, что В. Хатюшин в очередной раз нас убеждает: реализм — самый адекватный и правильный способ постижения правды жизни. Поэт строго придерживается русской классической традиции, по-прежнему оставаясь ей верен. Его реалистично-критические произведения впечатляют не только своей искомой актуальностью, но и эмоционально-сильной, пронзительной лирой. «Вино и хлеб» — в самом названии уже прочитывается невероятная ассоциативность связей, метафора некоторых основных творческих целей: тело и дух, плоть и кровь, земля и небо, поэзия и душа. Поэзия тоже может быть и амброзией души, и крепко выдержанным вином, и плотью слова, и тяжёлым в поте лица добываемым духовным хлебом. Не зря сборник имеет и такое концептуальное оформление, звучащее потаённым смыслом. «Вино и хлеб» — книга жизни человека, его бытия и духа, от начала и до конца прожитой и осмысленной в Боге. Подобное случается крайне редко: открываешь книгу — и строки начинают самостоятельно звучать, не переставая удивлять. Как мало люди берут из того, что им дано на земле! Вот первые две строфы стихотворения «Вино и хлеб», что символично стало и одноимённым названием книги:

*Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.*

*Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.*

Сразу чувствуешь духовную насыщенность слова, граничащую с неким философским восторгом, ощущаешь, что находишься в магнетически притягательном поле поэтической речи. Горестно-трагическим признанием напрасно истраченных лет, когда смысл исполнения христианской мо-

рали, христианских заповедей был погран тобою, пронизаны и завершающие строфы:

*Я знаю, кто спасал меня —
чья кровь и тело чьё.
И отсвет горнего огня
изжёт лицо моё...*

*Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...*

(8 января 2017)

Не в этом ли кроется основное противоречие в каждом самостоятельном единичном человеке, так страстно принимающем мир материальный и так легко забывающем о мире духовном? Эти стихи созвучны исповеди, возможно, запоздалой; тем и горше, тем и больней она, будто прорыв многолетней немоты. И лишь когда иссякнут последние слова, тогда, как откровение свыше, на человеческую душу нисходит благодать, и невысказанные слова становятся молитвой, чтобы остаться в ней навсегда.

«Чего хотеть всезнающей душе?»

Представляя в новой книге многогранную духовно-нравственную проблематику, автор верно избрал хронологическое построение, структура книги не имеет тематических разделов, она свободна для читательского домысливания и интерпретаций. Он всегда указывает дату написания каждого своего стихотворения, а даты, безусловно, помогают выстроить духовную биографию художника — от его изначальных поисков до зрелого роста философской мысли. Заметим, что поэзия В. Хатюшина лишена абстракций, она вполне конкретна и ориентирована на эстетически-художественные традиции ясности, точности и красоты. Его творческое кредо понятно и подчинено главной задаче — придать смысл человеческой жизни, найти ответы неразрешимых вопросов: куда и зачем идёт человек. Как видим, поэт никоим образом не стремится к популярности. Включённые в данный сборник стихи по преимуществу носят автобиографический характер: в них много исповедального, выстраданного, остро прочувствованного. Его произведения отличает высокая нота личной боли и отчаяния. Но терзания израненной и одино-

кой души, тягостные и бесплодные думы, что лишают сна, как всякому большому поэту, не дают права В. Хатюшину замыкаться на себе. Мы не слышим в его стихах ни жалоб на судьбу, ни роптаний, ни плача. Он идёт от личного к общезначимому. Учитывая столь важный момент, книга выстроена интересно интонационно. Убедителен авторский взгляд, в чём-то даже отстранённый, с неким холодком пушкинского совершенства, когда «ты сам свой высший суд». Здесь нет надрыва; несмотря на внутренние эмоционально-сильные переживания, художник внешне спокоен. Вино должно выстояться, зерно созреть и стать хлебным колосом, а мысль должна быть твёрдой и выверенной, острой, как разящий врага меч, и в то же время она должна быть одухотворённой и мудрой. И поэт идёт извечным путём зерна, что заронил в его сердце Творец:

*Чего хотеть всезнающей душе?
Какого ждать никчемного итога?
Когда слова все сказаны уже,
когда никто не нужен, кроме Бога.
Когда твоё молчанье слышит Он.
Когда не надо ни любви, ни света...
<...>*

*Не жди любви. Лишь Он — твой главный суд.
И лишь к Нему в веках твоя дорога.
Ты победил, Ему вручив свой труд,
коль вырвался из этих грешных пут
и ближе стал к Нему хоть ненамного.*

(15 апреля 2016)

Так способен написать лишь человек, познавший саму суть жизни, пришедший к главному моменту истины, высвечивающей конечный итог всех наших исканий и устремлений, которым всегда является Бог. Поэт совершает выход из плоскости бытия в пространство духа, постигая науку причастности ко всему сущему. Идея человека — путь к Богу как магистральный смысл существования на земле — вот тот могучий ствол, который питают корни и крона единого древа жизни, где религия, искусство и наука составляют одно великое целое. Поэтому книгу «Вино и хлеб», в которой автор следует классическому образцу поэтики, можно считать подлинным озарением его таланта.

Отдавая должное столь блестящей лире В. Хатюшина, не стоит пытаться доказать его поэтическую исключительность. Думаю, что для читателя и критика гораздо важнее другое, —

попытаться проникнуть в смыслы самих текстов, ведь не сразу душа их автора обрела веру, понимание христианских заповедей и не сразу приняла Божьи законы. Полагаю, что именно такой объективной правды желает и сам писатель. В стихах «Стансы» В. Хатюшин обращается к читателю, помогая ему и себе разобраться, «в чём назначение бытия», где вполне доступно объясняет некоторые положения Писания, разумеется, делая их собственную трактовку: «И Богу будешь ты угоден, / душой доверившись Ему, — / тогда лишь истинно свободен, / когда не нужен никому» (16 мая 2007). Да, душа должна отторгать то, «что в жизни ущербно и зыбко», — подтверждает поэт и в другом стихотворении, ведь отпустив не только материальное, но и земную любовь даже к самым близким людям, — всё, к чему она так привязана, лишь тогда душа становится свободна и угодна Богу. «Бог есть Любовь», — сказано в Евангелии (1 Ин. 4; 8). Мы часто употребляем это библейское изречение, не задумываясь о том, насколько оно содержательней и глубже наших обычных представлений об истинной любви. Впрочем, и живём так, как будто бессмертно наше тело, а не душа.

Весьма необычно подходит В. Хатюшин и к основному вопросу философии: «Что первично: дух или материя?» — рассматривая в первую очередь саму категорию души, когда далеко не все вещи в полной мере постижимы наукой и человеческим разумом, когда томится душа по чему-то таинственному и неведомому:

*Нет, не избежать нам признанья,
что взор наш к небу обращен.
Пусть атеизм вошел в сознанье,
но в душу не проникнул он.
И что над нами в самом деле
нет высшей силы никакой —
мы разум приучить сумели.
Но что поделаем с душой?*
(«Душа и разум», 1987)

Оказывается, можно соизмерять библейские откровения и с нашим бытием и можно пытаться прожить по написанному в Святой Книге книг. К примеру, в стихах «Испытание» автор заведомо знает, что нужно душе: «Одни живут на свете для блаженства, / другим дается жизнь как испытанье. / Лишь та душа достойна совершенства, / что в этот мир приходит для страданья» (1994). Если бы человек осознавал это с годами, он не считал бы себя таким несчастным, но самые про-

стые истины постигаются им сложнее всего и позже всего. Именно душа — живой и неиссякаемый источник божественного света в человеке, открывающий то сакральное, что разум как раз отрицает. «Насытится ль когда-нибудь душа, / наступит ли предел моим желаньям / и, охладев к неведомым скитаньям, / смогу ли жить легко и не спеша?» — душа неотступно зовёт человека за собой, неслучайно поэт озаглавил эти стихи «Зов» (1979).

Нужно отметить художественную плотность цитатного плана, выразительную афористичность строки В. Хатюшина. «Время движется, тучи стущаются, / не щадя на земле никого, / так вот к небу душа приближается, / в неразрывную вечность его» (1976), — подобное понимание предназначения души пришло к поэту в тридцать лет, уже достаточно осознанный возраст, чтобы понять, что душа неподвластна времени, что жизнь земная лишь очередной этап, очередное испытание, приближающее её к вечности. Тернист путь добродетели. Слaab человек, он хочет спастись от страха бессмысленной смерти, не в силах поверить в иное, в то, что в вечной жизни смерти нет. Но всё дано соединить и примирить лишь в Боге: простое с великим, сиюминутное с постоянным, временное с вечным, конечное с бесконечным... «Душа поникла, прежней нет отваги, / в глазах не стало бывшего огня. / Ночная лампа, чистый лист бумаги — / всё, что осталось в жизни у меня», — но только она и спасёт, подскажет единственно верное решение, только она одна и поведёт дальше. У жизни духовной, в отличие от мирской, нет пределов. Бог и душа стоят рядом, и служить своей стране, Родине — значит служить Богу. «Каким-то чудом выжил я на свете, / несколько не озлобившись душой», — откровенно признается поэт, горько сожалея лишь о том, что «страна — разбита, / и дом унылый — холоден и пуст».

Благодатным фоном для сравнения в современной поэзии или прозе всегда будет оставаться именно классика. В. Хатюшин — поэт классической ясности. В чём же секрет его неодолимого лирического обаяния? Однозначно не скажешь. Вероятно, прежде всего — чуткая простота. Обратимся к одному элегичному шедеврy поэта, ритмической основой которого является распространенный стихотворный размер ямба:

*Когда никуда не спешишь
и смотришь вокруг безмятежно,
приходит к тебе неизбежно
души просветленная тишь.
Когда никуда не спешишь...*

*Недвижны листва и вода,
спокойны и небо, и воздух,
и трав освежающий роздых
твои исцеляет года.
Недвижны листва и вода...*

Очаровывает пушкинская мечтательная созерцательность, чистый просветлённый ход авторской речи, неспешный ритмический рисунок стиха, где чёткую форму и поэтическое изящество подчёркивает канва смысловых повторов. Неторопливо и сдержанно течёт плавная строка:

*Как время течёт сквозь тебя —
ты нервами чувствуешь и кожей,
с травой и с деревьями схожий,
любую былинку любя.
А время течёт сквозь тебя...*

*Природа глазами цветов
глядит на тебя с удивленьем,
и ты неразгаданным зреньем
взираешь на чистый покров
природы с глазами цветов.*

(23 июля 2005)

Ты постигаешь единение с миром природы, которое удивляет тем редким и чудным проникновением в глубину вещей и предметов, когда поэт близок к пониманию высшего Божественного замысла. Дыхание Создателя во всём, и в центре поэтического пространства, как в центре самого мироздания, у В. Хатюшина — человек — любимое Божье создание. Вдумчиво созерцая природу, ты созерцаешь и величие Творца. Стихи полны светлой грусти, неизъяснимой тайны глубинной жизни души. И кажется: обмакни кисточку в мягкие прозрачные краски и пиши мечтательную картину, незримо улови «души просветлённую тишь», сохрани это гениальное равновесие чувств и образа, когда твоя душа тоже начнёт впитывать, пропускать через себя покой и равновесие, что так мудро таит природа.

Однако человек устроен загадочно, порой одно настроение у него внезапно сменяется другим. Причём, гамма и диапазон чувств могут быть абсолютно разными. В ином ключе создано и стихотворение «Разлука», датированное ноябрём 1997 года. Читая стихи, становится понятно, почему эти детские воспоминания пришли к поэту буквально накануне

его дня рождения. Тут в каждой строке прочитывается и сквозит не та привычная ностальгия, что переплетается с радостными и яркими вспышками безоблачной поры детства. Наоборот, пронзительная и пульсирующая боль охватывает сердце, знакомая ситуация детства описана иначе, без прикрас, когда прежние чувства становятся невыносимой правдой сегодняшнего дня. «Разлучённый с отцом и матерью, / я у бабки в деревне рос», — лаконично рассказывает поэт бесхитростную историю. Зачем взрослый человек настойчиво возвращается в своё детство? Что ищет он там? Не потому ли, что детство является отражением взрослого мира?

*Помню: с пальцами заскорузлыми
хлеб ломающая рука...
Вечерами безмолвно-тусклыми
обнимала меня тоска.
Я дышал на окошко слёзное,
бабка тихо молилась в углу,
сквозь глухое стекло морозное
я смотрел и смотрел во мглу.
Каждый вечер с душой зарёванной,
не желавший ложиться спать
и своим одиночеством скованный,
я всё ждал, что приедет мать...*

Моноotonно текут, уходят в безвестность и забвение томительно-тяжкие дни. Не каждому взрослому под силу подобное испытание, а каково душе ребёнка?! Поистине — скорбная гармония бытия, безрадостно-печальная, где мгновения перетекают в однообразные мучительные дни, наполненные острым ожиданием. Ушло то время, кануло в лету, а сыновья любовь к матери не ушла, она осталась и живёт. Настоящий мир кроткой, сиротливой жалости и вселенской детской тоски открывается нам, это безысходное чувство маленькой души, эта вечная детская слезинка, что может быть гораздо пронзительней и обнажённой многих горестей мира. Но та давняя разлука не была последней, и по прошествии стольких лет — всё по-прежнему: «...в окне — то же горькое прошлое, / тот же тусклый вечерний свет... И навек разлучённый с дочерью, / всё молюсь я и встречи жду...» Не счесть конца разлукам, и молча плачет душа, тихо внемля молитвенным словам утешения.

Чувства детства, родины, матери, присущие человеку, соединяясь воедино, концентрирует в человеке и великое чув-

ство памяти. Продолжая тему, нельзя не обратить внимание и на поэму В. Хатюшина «Память» (1980—1982), где в зеркале судьбы простой русской женщины, бабушки Екатерины, самого дорогого и близкого для поэта человека, отражаются тысячи судеб таких же женщин-солдаток, перенёсших годы военного и послевоенного лихолетья, спасших и оборонивших Россию своей жертвенной любовью, равной которой нет и не найти в мире.

1. Бабушка

*Моя деревня... Что с тобою стало!
Тебя снега засыпали до крыши.
«Уходят люди», — бабушка сказала.
Окрест стояла дремлющая тишь.
Урюмых чувств и странных мыслей полный,
я здесь внезапной болью обожжен...
Как грустно-беден вид избы безмолвной,
где нет привычных в старости икон.
Вот здесь детей и внуков сберегала
старушка эта, холя их в тепле,
от всех несчастий бабушку спасала
крестьянская привязанность к земле.
Живет она, земную веру носит,
за благо ближних молит всех святых
и ниоткуда помощи не просит,
взрастившая без мужа пятерых,
она, одну лишь грамоту познавшая
по школе скорби русских матерей...*

Вот они истоки веры, генетически унаследованные в русском человеке. Мы потом многое обретаем с годами, а вера, это осознаешь позже, даётся человеку сразу, от рождения. И живёт, не угасает в поэте память родной земли, и бабушка, что ушла в вечность, становится, как ни печально и горько, смертной памятью и болью, пока это есть в нас, мы остаёмся людьми. Не могу удержаться, чтобы не привести отрывок из поэмы, впечатляющий своей возвышенной силой любви и скорби:

4. Похороны

*Цветок без бабушки зачах.
Покинул свет избу.*

*Четыре внука на плечах
несли ее в гробу.*

*Так осторожно, как могли,
среди берез родных
четыре внука гроб несли,
я был одним из них.*

<...>

*Могила черная ждала.
В могилу падал снег.
Ее души, ее тепла
достанет нам на всех.*

Щемит душа о невозвратном, ибо воспоминание есть не только душа пережитого впечатления — это прежде всего постоянная, неумолкающая боль памяти, память о небесной родине, которую поэт сохранит в своей душе навсегда. И деревня Починки, что затерялась где-то в российской глубинке, кроме большой Родины, — малая Родина В. Хатюшина. Хотя бывает ли Родина малой? «Куда б мы ни мчались упорно, / всё держат нас вечные корни / полей и тропинок родных. / Ну как оторвешься от них?» — прошлое, настоящее, что стремительно становится нашим будущим, целая эпоха навсегда останется в этих проникновенных стихах.

Связующие нити памяти ведут и к лирическому произведению «Семьдесят вёсен, затерянных где-то...», что завершает книгу «Вино и хлеб»:

*Помню лишь свет из распахнутых ставней...
Дом возле речки — наш низенький сруб...
Помню лишь запах черёмухи давней...
Помню лишь сладость некрашенных губ...
Было ли это иль только приснилось?
Иль промелькнуло в далёком кино?
То ль — возвратилось, как Божия милость,
юным волнением, забытым давно.*

(30 апреля 2019)

Ничего в человеческой душе, вопреки тому же Экклезиасту, не проходит бесследно. Мы покидаем этот мир, но наши души вековечной памятью будут привязаны к русским вёснам и снегам, к старому «дому над рекой», к «колодцу у плетня...», они ещё вернутся сюда... Поэзия даёт эту любовь, надежду и веру.

Не секрет, что каждому поэту хотелось бы, чтобы его строки стали неким символом эпохи, либо хотя бы её отрезка. И строки Валерия Хатюшина из его стихотворения «Пушкин»: «поэт в России, он — п о э т, / не больше и не меньше», — действительно без всякого преувеличения сегодня известны и часто цитируемы литераторами, даже не беря во внимание другие произведения автора, немалое количество которых уже вошло в сокровищницу русской литературы. Пожалуй, сказать настолько искромётно и красноречиво удаётся единицам! Вот так взять на одном дыхании, будто между делом, по-пушкински гениально изречь свою строку, вызывая у читателя лёгкое изумление. Ничего лишнего, более того — поэт покоряет поразительным гражданским лиризмом.

*Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.
Есть слово-символ, как пароль,
для всех в России, — Пушкин.
<...>*

*Когда земные времена
погрязнут в общем блуде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.
И пусть во власти высших сил
течёт веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.*

(21 июня 1998)

Сбросить Пушкина с парохода современности вместе с тысячелетней православной историей и культурой России, слава Богу, не удалось и не удастся. Возможно, благодаря именно остро отточенной патриотической строке таких поэтов, как В. Хатюшин. О вещах серьёзных, тревожащих душу, он может сказать и с гражданской болью, и с тем редким лиризмом, от которых перехватывает дыхание. Поэт, «жизнь отдавший трагической лире», оголённым нервом чувствует мир, что переполнен человеческим страданием. Вполне закономерно, что в его поэзии появляются предельно откровенные по силе внутреннего драматизма и напряжения

строки. «Я не знаю, зачем я пишу, / жизнь отдавший трагической лире, / отчего так безбожно грешу / в этом лживом, безжалостном мире <...> Да, конечно, грешно унывать, / боль свою выставляя наружу. / И совсем ни к чему открывать / спящим людям уставшую душу» (1996), — уныние не к лицу поэту, к тому же оно является тяжким грехом, но зато ему дано доверить свои чувства чистому листу, перенести душевный разлад на бумагу, переплавить боль в золотую руду драгоценного слова правды. И он как пронизательный художник слова видит своё назначение именно в том, чтобы представить полную правду о жизни, о народе, о человеческой одинокой душе.

«Кому много дано, с того много и спросится» (Лк. 12: 48), — назидает нам Священное Писание. Поэту тоже даётся больше, чем иным смертным: «Пред ним история летит / в безумной смене декораций. / Поэт, как дух и совесть наций, / на сцене времени стоит», — зримо, с выразительным артистизмом представляет В. Хатюшин образ поэта в стихах «Поэт и мир» (1979). За изречённое слово поэт будет отвечать особо, ибо «ни огнеликий Ангел света / ему обмана не простит, / ни Тот, Всевидящий, что где-то / за ходом действия следит...» А посему напрашивается вывод: у настоящего художника должны получаться прочные вещи. В. Хатюшин сохраняет главное условие цельности собственной личности, то, что есть в душе и что находит выход в творчестве. Поиски одного единственного слова, в котором сосредоточен целый мир, вмещающий муки и радости священного творчества, составляют смысл его каждого прожитого дня. И вдруг находишь в книге ещё одно совсем небольшое стихотворение, в котором вся правда и тайная боль поэта, молитвенное откровение, сделанное им в поэзии сравнительно рано, в 32 года, из коего даже не представляется возможным ничего сократить либо удалить. Вот оно, как благословение небес, что снизошло на наши души, когда лучше, чем сам поэт, никто уже не сможет сказать, потому что там бьётся его живое слово:

*Еще немного — и придёт
предел душевного разлада,
когда всё лишнее гнетет,
когда ненужного — не надо,
когда желание писать
высокой мудрости достойно...
Коль будет нечего сказать,
то и душа твоя спокойна.*

*Коль вырвать слово из неё,
прервав молчанье золотое, —
чтоб только главное, твоё,
чтоб только самое святое.*
(1980)

Судьба любого большого поэта в России по главной сути всегда трагична, всегда одинока. В. Хатюшин с ярчайшей образностью передаёт это в стихах «Изгой» (1994). «Смешон, одинок и не нужен, / поэт в этой жизни — чужой. <...> Он время грядущее знает, / но там — утешения нет... / Звезда в небесах угасает, / когда погибает поэт», — здесь каждый глагол призван усилить трагизм мировосприятия автора. Познание добра и зла — воистину проклятый дар, на который обречён поэт, тем более такой, как В. Хатюшин, поэт с явно выраженной национальной гражданской позицией. А поэт-гражданин, не будем забывать, всегда способен на поступок. Так, автор в своей критической статье «Без Божества» говорит о том, что искусство «должно быть подчинено высшим религиозным задачам», служению правде, истине, когда «выше Бога нет ничего». Писатель должен ставить своего героя перед Богом, а не перед собой — вот ведущая и ключевая задача в творчестве. Познание истины делает человека свободным, что В. Хатюшин и подтвердил в стихах «Сияет Слово, как звезда...» (2016): «Поверь, художник, в путь к Нему. / Без этой веры ты — бесплоден. / Но, не подвластный никому, / ты с Ним — воистину! — свободен», — основываясь на библейских откровениях, перефразируя высказывание от Иоанна (8: 32), поэт чётко обозначает основную идею творчества и ясно видит конечную цель.

Как явление Божией милости нисходит на человека творчество. Оно тоже — тайна сия великая есть. Но есть и та невероятная цена, которую художник платит за этот небесный дар. Просто он не даётся, его надо отработать, как и хлеб насущный. «Стократ обманут музой хитроокой, — / Всё отдал в жертву страсти неземной. / Остался я в судьбе своей жестокой / наедине с поэзией одной» (2005), — предельно убедительны эти строки поэта. Но чувство глубокого одиночества, смертельной тоски превозмогает великое чувство поэзии, спасительное и вечное. И «наш мир воскресит жизнетворное Слово», что было вначале. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», — так гласит и Евангелие от Иоанна. И Слово это было, вероятнее всего, поэтическое, как и язык Библии, такой же иносказательный, сказочно-поэтический.

Тема Родины, России остаётся по-прежнему одной из самых приоритетных тем в русской литературе. Но судьбу России Валерий Хатюшин не мыслит без Бога, не видит без веры, раскрывая общечеловеческие проблемы современности в русле православных традиций и христианской морали. Человек и Бог, Бог и Россия — ведущая и ключевая идея в творчестве поэта. Духовная стезя служения Отечеству, Православию означает и служение Богу. Мощный образ России, представленный им в произведении «Мессия» (1992), ассоциируется с Христом, когда поэт от образа России идёт к Первообразу, что не может никого оставить равнодушным, словно поднимая из сердечных глубин волну пережитого, волну накопившегося горя, невозвратимости потери того родного и дорогого, что с каждым годом всё полнится, вызывая в наших душах протест и негодование.

*Россия, Русь, откуда ты взялась?
И где пределы всех твоих страданий?
Ты до высот великих вознеслась
и оказалась вновь у смертной грани.
Святая, богоносная страна,
всем угождала, оставаясь бедной.
Судьба сплошных несчастий суждена
тебе в бессмертной доблести победной.*

Если не будет России, что станет с миром?! Стихи написаны в тяжелейший период нашей страны. 90-е годы уже прошлого столетия — момент её бессмысленного и варварского разрушения. Иуда в новом тысячелетии становится успешным человеком, праведные законы попораны, Россия вновь обескровлена. Душа поэта даёт свой отклик суровой Родине, и заключительные слова вмещают в себя невероятную концентрацию боли, ведь Родина истерзана, несчастна и нет конца её страданиям:

*Отец, вдохни еще немного сил!..
Вновь на кресте неузнанный Мессия.
Предатель всё в избытке получил.
XX век. Распятая Россия.*

Насколько же велика беда России, что русский народ давно не верит в своё светлое завтра. Не в этом ли и заключается самая большая трагедия России?!

Но только любовью и верой может спастись человек. Зло убивает, лечит одна любовь. Любовь к России занимает центральное место в поэзии В. Хатюшина. Эти произведения никоим образом не назовёшь данью моде, ведь писать о любви к России нынче тоже вошло в привычку. Весь вопрос в том, в каком ключе это преподнести. «Моя любовь давно уже не та... / Казалось мне, Россия, — ты святая. / И вдруг увидел я, что всем чужая / ты в этом мире, словно сирота. / Бесцельная, плутаешь, как во мгле. / Бурьяном заросла твоя дорога. / Россия, далеко ль уйдешь без Бога? / И есть ли путь без веры на земле?» («Родина», 1982) — поэт предельно честен, когда пишет об осиротевшей Родине, когда любит её даже такую, никому ненужную, растерянную, как сын любит состарившуюся и больную мать. Любить цветущую богатую страну и молодую радостную мать легче и привычней. Лишь святая и жертвенная любовь к отеческим корням и способна возродить веру. Русская цивилизация невозможна без языка Евангелия и Литургии, ей не выжить без Бога.

Что же питает эту незабвенную любовь к Родине? Ответы очевидны, когда обращаешься к ранним произведениям поэта, наглядный пример — стихи «Рассвет» (1972). Кажется, будто слышишь журчанье воды, птичье многоголосье, ощущаешь ещё приятную утреннюю прохладу, видишь бегущие по водной глади нежные солнечные блики — здесь всё образует поэтическую картину русского раздолья.

*Ночь уплыла. Я грустен был недолго.
Весенний воздух чист и не согрет.
Я вспоминаю: до сих пор на Волге
не приходилось мне встречать рассвет.
<...>*

*Но Волга вдаль все звуки уносила
и, величавой плавности полна,
мне силу красоты своей дарила,
той красоты, что в ней отражена.
...Полощет Волга солнечные блики
среди лесов, вдоль зелени полей,
и мы за то зовем ее великой,
что вся Россия отразилась в ней.*

Такая же широта мысли, к сожалению, сегодня исчезающая из современной литературы, такой же эмоциональный разбег чувств и образов характерен и для стихов, также отражающих величие России, — «По Онеге и Ладогe» (2017).

Просторной кистью русского художника-реалиста автор пишет своё эпическое полотно, на котором мы видим безграничность жизни, невероятную поэзию пространства. И привольно, свободно льются приподнято-взволнованные строки:

*Как широка и высока Россия!
И не по силам никаким штормам.
Наш теплоход «Княжна Анастасия»
На Север шёл навстречу холодам.
Искрились в Волге солнечные блики
среди лесов, вдоль зелени полей...
Да, мы за то зовем ее великой,
что вся Россия отразилась в ней.*

Однако сокровенное, личное соприкосновение со священной историей происходит лишь в молитве. Взору восхищённых путешественников, словно в былинном сказании, явился Храм, устоявший в лихолетьях и сохранённый истинными Апостолами Веры.

*За Русь веками молятся святые.
И крышку раки отворили нам.
А в ней лежали мощи, как живые,
и приложились мы к живым мощам.
<...>
В любом пути есть неземные знаки.
И был священный остров Валаам,
где возвышался монастырский храм,
где сотни лет в трудах живут монахи.*

Если попытаться в стихах В. Хатюшина найти и выделить все ключевые слова о Родине и России, то начинаешь понимать, что данная задача для одной статьи просто невыполнима, подобных произведений в его творчестве не счесть и тем более не процитировать. У автора есть и такие пронзительные строки: «...здесь я рождён и умру. <...> Только бы небо родное, / только бы землю — мою», написанные им в 1982 году. Тогда это была ещё единая страна. Неутихающей болью отозвалась в его душе гибель могучей Державы. Целый цикл лирико-гражданских произведений поэт посвящает России, интонации в них меняются, постепенно приближаясь к минорной ноте. В любом случае, когда нет страны, то нет и душевного покоя. «Моя печальная любовь... / Любовь к России», — скажет он и другие слова, но почти 30 лет спу-

стя, их главная суть останется прежней: при всех переменах и перестройках — любовь к России неизменна.

Глубоко символичны стихи «13 ноября 1993 года»: для страны это был день слёз, горькой памяти и стыда, который совпал с днём рождения поэта. Число 13 — роковое. 13 дней стояли насмерть и защитники Белого дома, который справедливо нарекли троянским конём новейшей российской истории, метко характеризующем сошедшую с ума либерально-сдвинутую Россию. «Стояли с непокрытой головой / под высотой небесного знамени... / Ребят погибших день сороковой / совпал с моим печальным днём рожденья. / Сгоревший Дом — как траурная тень... / Он был ушедшим им уже не виден... / На Красной Пресне в этот скорбный день / со всеми плакал я на панихиде», — и в этот траурный для России день, как отмечает автор в ремарке к стихам, над Красной Пресней многие люди были свидетелями видения в небесах образа Пресвятой Богородицы. «Нас ждёт тоска немереных дорог, / нас в прах испепелят иные грозы... / Вчера закон был с нами, нынче — Бог. / И в этот день Он видел наши слезы...» — хочется вслед за автором повторить его гениально провидческие строки, которые неотступно сопровождают нашу жизнь и судьбу: «Нас ждёт тоска немереных дорог...» Воистину — Пути Господни неисповедимы.

Но и промысел Божий не дано разгадать человеку. Недавно известный поэт Анатолий Аврутин в одном из своих критических очерков назвал Валерия Хатюшина «рыцарем русского образа». Он действительно тот «печальный рыцарь и поэт», что «грозит Божественной расплатой» и «мстит за боль страны распятой». В. Хатюшин, наравне со всеми, пожил, как он пишет, «во времена лихие», смутные, но которые не прошли для него даром, они настойчиво призвали его к актуально-обострённому гражданскому перу. Существенная черта каждой эпохи — это проходящая через неё линия излома, когда на стыке веков происходит масштабный исторический слом накопившихся десятилетиями противоречий. Трудовая биография В. Хатюшина, словно в зеркале времени, отражает и легендарную биографию некогда ещё огромной индустриально-развитой страны. Он служил в ракетных войсках в Сибири, работал на Севере, строил газопровод «Север-Центр» и КамАЗ. Одним словом, поездил по российским просторам, узнал суровую романтику жизни не из книг и кино, а реально испытал на себе. Произведение «Империя» (1997) убеждает нас в том, что любовь к Родине может быть деятельной и сильной, а перо поэта зло-

бодненным и где-то даже оправданно-резким, но вместе с тем ему чужд революционно-либеральный радикализм, впадающий в крайности.

*Я научился Родину любить.
Я знал тоску солдатских серых будней...
Возможно ль мне всё это позабыть?
Как на руинах в наше время жить,
которое чем дальше, тем паскудней?
Одна лишь цель мне может силы дать,
не жалко жизни, чтоб ее достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на Крови воздвигнуть.*

Гражданская лирика — ещё одна прочная ось творчества В. Хатюшина, достаточно круто очерчивающая потрясающую твёрдость его суждений. Всё наболеевшее, то, что уже невозможно в себе копить, что не даёт притока добру, он изливает в патриотических стихах «Солнце русских» (2001).

*Мало нас, кто упорен и смел,
кто глухое безделье презрел.
Мы готовим великий восход,
наше солнце без нас не взойдёт.*

История повторяется. Катастрофизм Русского Пути остаётся прежним, до сих пор неизжитым. И автор призывает нас не к оголтелым революционным выпадам, а прежде всего к осознаным внутренним действиям — сохранить как залог народного единства нашу уникальную Русскость. Вопреки всему, русские должны победить!

Заметную роль в творчестве В. Хатюшина играет и его критическая публицистика. Не стоит забывать, что она в XXI веке — самая влиятельная этико-эстетическая категория. Более тридцати лет Валерий Васильевич работает в журнале «Молодая гвардия», более десяти лет он является главным редактором данного национал-патриотического издания, имеющего богатую и яркую литературную историю. Раскол в нашем обществе, вызванный перестройкой, привёл и к гражданской внутрилитературной войне, к переделу литературного пространства. На страницах журнала мы находим объективное литературно-критическое осмысление действительности. Современные писатели встали перед выбором: предназначение литературы быть только художественным твор-

чеством либо продолжать великую духовную традицию, издавна связанную на Руси с просветительством, учительством, проповедничеством. В. Хатюшин близок порой в своей горячей публицистике, как и в поэзии, к нравственному ригоризму, когда ему трудно и возразить, настолько далеко он видит грядущее. Ему свойственна беспощадная прямота мысли, безусловно, имеющая право быть. Поэт смог в своих произведениях передать всю меру холодной безнадежности, столь бесповоротно им владеющей, с трезвой ясностью осознавая крушение былых иллюзий на скорое возрождение России.

Реализм и правда — отличительная черта всех русских классиков. И для В. Хатюшина здесь не может быть никакого компромисса в творчестве. Сложность нынешнего переживаемого момента сказывается и в том, что в прозе, равно как и в поэзии, крайне сложно создать произведение чисто мировоззренческое, идеологическое. В нашем, во всём разувверившемся обществе, потерявшем основные моральные ценности, давно нет чёткой магистральной государственной идеи. Поэт закономерно обращается к национальной духовной сфере, именно там должна произойти решающая битва за наше будущее. Это мощный образный ряд достаточно красноречивых произведений, проникнутых пониманием истинного спасения России: «На руинах Цхинвала» (2008) — очередной русский урок «пролитой крови»; «Страна родная» (2009), что безмолвствует «под смех мерзавцев и скотов»; «Взятие Кремля. Героическая баллада» (2009) — призыв к возрождению богатырской мощи Руси великой; «Пророчество» (1998) — глубокие метафизические прозрения, призванные разбудить самостоятельную мысль читателя, при этом поражающие отстранённой сосредоточенностью логического развития авторской мысли. Перед нами — весь драматизм перипетий чудовищно повреждённой русской души в XX веке: «...мы познаем всю горечь скитанья / без идеи, пути и названья, / только с тайною верой своей».

Эти неразрешимые противоречия не сгладились и сегодня, духовность, человечность катастрофически исчезают, хотя храмы открыты, книги доступны. Почему? Видимо, времена отречения не прошли бесследно. А отречение от собственного прошлого калечит человеческую душу. Да и полного покаяния ещё не произошло. Вернуть русской истрадавшейся душе потерянную когда-то её важную часть — духовная идея стихотворения В. Хатюшина «Первомайская Пасха» (2016).

*Пробуждение жизни в природе.
Просветление неба и глаз.
Воскресение сердца приходит
для неверием скованных нас.*

*Алый цвет первомайских полотниц!
Воздух мёдом листвы напоён!
Ветер в шуме зелёном полощет
колокольный малиновый звон!*

Пасха — воскресение души, победа жизни над смертью! Верой в духовное возрождение России, тёплой пасхальной радостью проникнуты эти стихи, зовущие к покаянию и ободряющие надеждой на милость Божию. «Именно в Пасху особо ощущаешь непобедимость России <...> Ибо совершенная любовь изгоняет страх», — уверен в одном из своих рассказов и прозаик, воцерковленный православный человек, Владимир Крупин.

Важное место в истории русской мысли, в русской литературе и культуре занимает именно религиозная философия. Достоевская Россия словами Ивана Карамазова говорит, что русские мальчики рассуждения о мире воспринимают не иначе: «Есть ли Бог, есть ли бессмертие?» И В. Хатюшин как художник не перестаёт искать абсолютное добро и смысл бытия, испытывая вечную неутолимую тоску по России. Она у него везде, особенно в теме прощания, которой он придаёт трогательную и щемящую сердце индивидуальную ноту. Весьма существенна и такая деталь: нужно уметь в жизни и творчестве сохранять мир в душе, одновременно уметь оставлять его, углубляясь в себя, и уметь затем возвращаться в него, не утратив терпения, душевного таланта отпускать и прощать, делая это милосердно и радостно.

*Осталось мне, наверное, немного.
И в листьях ветер северный вздохнет,
когда моя последняя дорога
в немую ночь угрюмо уведет.*

*И все мои по Родине кочевья,
как сны, прокрутит неба синева.
«Ну вот и всё...», — прошепчут вслед деревья,
«Прощай, прощай...», — прошелестит трава.*

*Блеснут и стихнут дальние зарницы,
устало скрипнут старые мосты...
«Ты был нам другом», — прощечечут птицы,
«Мы не забудем», — прозвенят цветы.*

«Вместо стихов мне осталась молитва»

Неистошима только синева
Небесная и милосердье Бога.
Анна Ахматова

Новое постперестроечное время, в которое мы с вами вступили, наполнено утерянными иллюзиями, несбывшимися надеждами, напрасными разочарованиями. Отрезвляющие слова поэзии В. Хатюшина не только возвращают нас к реальности, но и открывают иные горизонты души. «Когда разбиты все надежды, / одна надежда на Христа», — и не надо искать других путей, не надо обманываться, считает поэт, ибо неизбежно они окажутся лживыми. И в стихах «Немота» он правдиво говорит об этом смертельном состоянии духовной пустоты: «Сбились мы с надёжного пути, / в сердце знания нет, куда идти. / Цели нет и света нет в крови, / нет надежды, веры и любви» (2005). Через сложную и противоречивую историческую достоверность идёт он к внутреннему примирению с собой и миром. С годами в его творчестве всё более усиливаются христианские мотивы, приходит душевное просветление, что невозможно без сострадания и жалости к человеческой судьбе. Православие как раз и содержит эти исключительно высшие ценности, эти редкие нравственные качества, возвращенные верой.

Русская православная принадлежность подразумевает три начала и в литературе: православие, народность, государственность. В. Крупин как-то заметил, что «писать о священном почти невозможно, ведь только один Бог без греха». Нужно ощущать в себе невидимую ткань жизни, чувствовать её тонкую материю, которая даётся только Богом. Это и есть тот великий дар, который В. Хатюшин смог выразить в своих стихах «Дар любви»: «Я слово правды не нарушу, / стремленью верен одному — / свою еще живую душу, / как дар любви, вручить Ему» (2018).

Не удивительно, что многие произведения автора напоминают «заветный язык молитвы», к которому мы прибегаем чаще всего в трудные жизненные моменты, забывая, что он должен быть с нами и в радости. Мы не привыкли благодарить, хотя и просить о помощи — тоже труд не из лёгких.

У В. Хатюшина есть и такие стихи, есть его сокровенная «Молитва», обращённая к самому справедливому и милостивому Богу:

*Помоги мне, Господи, помоги,
от отчаянья душу мою сбереги.
Помоги мне выжить, печальный лес,
дай надежду мне, синева небес.*

.....
*Укрепите мой дух, вековые дубы,
чтобы вырваться вновь из капкана судьбы.
Дождь и ветер, не дайте ослепнуть от слёз,
не сорваться во тьму помоги мне, Христос...*
(1996)

Годы написания данного произведения — времена перестроечного хаоса, преступного развала Державы. Но каков при этом поэтический язык хатюшинской молитвы, в нём отозвалось всё, даже сама природа вторит отчаявшемуся человеческому сердцу! А настоящие стихи не пишутся в радости, такова загадочная особенность поэзии. «И сколько б я ни плакал над строкой, / какие б чувства ни были разбиты, — / с последним словом, / как в конце молитвы, / я находил надежду и покой...» (1982). Ведь по прошествии стольких лет выжившая душа как «великую награду» за перенесённые испытания просит лишь покоя, желает чистой тишины: «...только бы вымолить ясного света, / тихого света вдали...» Даровать этот вечный свет может только молитва: «Вместо стихов мне осталась молитва. / Рифмы не жаждет душа. / Сердце щемит — нарушение ритма. / Молча живу. Не греша» (2014). Здесь важен контекст, междустрачие, когда ты чётко осознаёшь своё единственное предназначение.

«Чем глубже мысль, тем естественнее стремление творца выразить её яснее, доступнее для людей», — был уверен Георгий Свиридов, по-новому открывший миру волшебство великого языка музыки. Философский поиск, столкновение противоречивых идей и мнений научили и В. Хатюшина быть предельно конкретным и точным в своих умозаключениях на пути к постижению Божественной истины. Когда, по сути, всё остальное не имеет смысла, меркнет перед любовью единственного Бога. Путь Православия испокон веку тернист и архитруден. Духовный покой, радость, мир, смирение — основные его критерии — практически недостижимы в современной жизни. Наряду с вещами очень серьёзными, касающимися высоких религиозных понятий, поэт может сказать

и о вещах обыденных, где духовное начало неотделимо от божественного и тесно переплетается с ним. Казалось бы, совсем короткое стихотворение, совсем знакомая житейская ситуация, но опять какая глубина чувственных прозрений, какие координаты духа и воли вдруг неожиданно открываются в этой блоковой строке, в этих внезапных параллелях:

*Больница. Скука. Безутешность.
Боль. Равнодушие. Темнота.
Дней и ночей пустых крошечность.
Души слепая маята.
Здесь каждый звук в себя вбираешь,
не внятный вялому уму.
Здесь полной мерой понимаешь
причастность жгучую к Нему...*
(Ноябрь 1992)

Именно отстаивание духовных ценностей, способствующее укреплению веры человека в Бога и в собственные силы, позволяет нам преодолевать любые невзгоды. Именно оно является и основной составляющей эмоциональной доминанты той поэтической реальности, что создаёт автор. Совестьливая и тихая жизнь в вере спасает человека от гибели и поднимает над бренностью земного бытия. Православная лирика — жанр благодатный, но крайне тяжёлый. В книге В. Хатюшина она насыщена разнообразной тематикой, причём автор нигде не позволяет себе фривольной трактовки библейских сюжетов. Вот и в произведении «Соблазн» (1991) автор предупреждает нас о пагубной страсти стремления к полной свободе: «Не ищите свободу, ищите себя. / Никому не доступна свобода». Но отринув законы природы, человек вновь и вновь устремляется «за призрачной тенью бесприютной свободы», упорно добиваясь её, не понимая, что многое в этом мире «от лукавого», что очередной раз его искушают, что «опять и опять наш душевный покой / соблазняют отравленным хлебом...» А ведь предпоследние, близкие к завершению, слова молитвы «Отче наш» гласят: «Но избавь нас от лукавого...» (Мф. 6: 13) Надо жить, соизмеряя свою жизнь с Его заповедями, ибо слаб человек. Аналогично «погиб, не проживший и века, / дом с названием СССР» — рухнул, не имея под собой прочной основы, того краеугольного камня, что прочно удерживает любое строение. «Имя этому камню — Христос», — камень, на котором стоит мироздание, вечный и бессмертный, уверен

поэт, о чём и говорит в произведении с конкретным и точным названием «Основа» (2017).

С противоречивой проблемой свободы тесно сопряжена и нравственная проблема покаяния, прощения и возмездия. Покаяние для русского народа сегодня приобрело особенное значение. Без покаяния нет возрождения. Но тема эта не так однозначна, как порой её пытаются интерпретировать. Просто покаяться — отнюдь не значит быть прощённым, как привыкли считать многие, тема покаяния должна быть осознана и воспринята всем русским народом, слишком долгое время пребывавшем в лабиринтах исторического беспамятства. Стихи поэта «Божий глас» (2011) не столько о последнем Русском Царе, страстотерпце и мученике, сколько о грядущем возмездии. «Всё должно когда-то сбыться. / Русский царь — есть Божий глас», — и Бог, пока ещё даёт нам время. Хотя взывать к национальному покаянию, что тоже вошло в моду, легче и проще, чем покаяться лично каждому.

История человечества, её начало — Христос, Личность, которая появилась, чтобы совершить подвиг во имя людей. Христос и крест — два мощных символа в поэзии В. Хатюшина. Земля, крестьянин на Земле — христианин, соединение имя Сына Божьего с понятием креста — крестьянин, несущий вместе с Ним Его крест. «Свет живого Креста» освещает всё пространство книги «Вино и хлеб». В русской религиозной философии утвердилась изречённая апостолом Павлом мысль о том, что человек есть ложь. В стихах «Победитель» В. Хатюшин зримо и пронзительно рисует эти библейские образы: «Была святая ночь тиха. / Предатель время выждал. / Еще до крика петуха / Пётр отречётся трижды. / Нет больше в мире ничего / до крайнего предела, / весь этот мир — лишь Крест Его, / лишь Кровь Его и Тело» (2014). Очевидно единство архетипов: Тело и Крест, Земля и крестьянин, вино и хлеб — символические божественные знаки. И «серебристые крылья креста» — тоже еще один образ автора, правда, романтический, уносящий в вечность, его бесконечный полёт души, ведь когда-то, не забывайте об этом, нам всем суждено покинуть эту землю.

Священная и надмирная тайна символа заключена и в иконе, где земное и неземное нашло своё художественное эстетическое воплощение. Пронзительные глаза икон «насквозь просматривают нас», как в стихах «В храме» (1980). Не мы, а они, великие святые, смотрят на нас. В этом их непобедимая власть над душой человеческой и в этом, вероятно, неразгаданный феномен искусства иконописи. Поэтому и голову склоняем перед иконой, находя спасение в её воз-

вышенных ликах, в их печальных и сострадательных взорах: «Глядящими со стен святыми ликами / я освещён в потемках бытия. / Наедине с иконами и книгами / остывшая проходит жизнь моя», — проникновенно напишет поэт в стихах «Наедине» (2007). Один из самых впечатляющих образов-символов христианских традиций — колокол. Колокола в русской истории, культуре, литературе означают прежде всего национальный символ России. Когда срывали и уничтожали колокола, лишали их языка, то тем самым лишали жизни и людей, оставшихся без веры. Колокольные мотивы в произведениях В. Хатюшина приобретают собственную окраску. В его стихах «Молчание» (1991) мы словно прислушиваемся к голосу вечности, пытаюсь услышать в нём величавый звон колоколов святой Руси. Молчание их означало духовную смерть народа, обречённого на мрак и забвение. «Колоколам связали языки. / Их бросили в подвалах пропадать. / Грохочущей эпохе вопреки / им велено безмолвствовать и ждать», — да, в истории нашей страны была и такая страница, наложившая свой неизгладимый отпечаток на наши души, такие же замкнутые в своём молчании и бесконечном ожидании света.

Но молчат порой не только колокола, с их немотой приходит и духовное безмолвие, страшно, когда внутри тебя замолкает твой Ангел-спаситель. Но не спеши кого-то осуждать, не вини мир в жестокости, а загляни в себя, как это мудро делает поэт:

*Голос мне слышался птицы ночной.
Ангел мой плакать устал надо мной.
Жил я в азарте бездумных утех.
Ангел отмаливал каждый мой грех.
Счастья искал я, невзгоды кляня.
Ангел прощенья просил за меня.*

.....
*Птица ночная всё чаще кричит.
Ангел мой горько и слёзно молчит...*

(2017)

Птица ночная — недобрый знак, фатальная метафора неотвратимого. Иногда две заключительные фразы стиха решают всё, они звучат безмолвным приговором за грехи, за годы безверия и нравственной пустоты.

Поэт Божьей милостью, Валерий Хатюшин стремится постичь сокровенный смысл духовной реальности, передать свой внутренний опыт. И делает это искренне, правдиво, эмо-

ционально сильно. С каждым прожитым годом становится очевидной близость его духовно-философской поэзии к религии Православия.

«Ты эту Землю сердцем отогрей»

Постигая законы развития Вселенной, находясь в поисках единства духа и материи, Валерий Хатюшин насыщает свои произведения и особым философским восприятием бытия и сознания. Уже и в стихах, написанных в 70-е годы, проявляется аналитический взгляд автора на природу различных вещей и явлений, к тому же не лишённый и проникновенной созерцательности.

*Планет безжизненных семья
летит, в ночи сияя.
Под нашим солнцем ты, Земля,
единственно живая.
И вот в тревоге каждый век
глядишь на свод лазурный.
Под этим солнцем человек —
единственно разумный.
Он всемогущ, он вопреки
своей природе может
одним движением руки
природу уничтожить.
Тогда сам Бог не защитит
своей Земли нетленной;
и шум лесов, и пеньё птиц
замолкнут во Вселенной.*
(«Живая Земля», 1976)

Если нарушается экология природы, так гениально сотворённой Создателем, то тогда неизбежно нарушается и божественная экология человеческой души. Всё тонко взаимосвязано, переплетено невидимыми нитями в жизни и в природе. «Научная картина мироздания всё время меняется, никогда не давая ни полной ясности, ни единства», — писал философ И. А. Ильин, понимая несовершенные попытки человечества приблизиться «к живой тайне материального и душевного мира». Несмотря на эту противоречивую двойственность, В. Хатюшин пытается уловить момент целого, найти свою мысль о единстве жизни во всех её сложных проявлениях, проникнуть в тайны органического мировоззрения, связывающего разрозненные элемен-

ты мира. Мы явственно слышим голос Земли, обращённый к человеку:

*Ты — голос мой, ты — вечное дыханье,
ты — разума частица моего.
Не погуби единственной попытки
всему, что есть, осмысленность придать.
Через твои страдания и ошибки
саму себя пытаюсь я познать.
Ты обретишь всесилье и блаженство
с моей холодной волей наравне,
и, сквозь свое пройдя несовершенство,
ты, человек, приблизишься ко мне.*

(«Голос», 1980)

И человек в каком-то до конца непознанном смысле является центром Вселенной, её «единственным храмом», стремясь к всеединству и вечному родству с ней:

*Зеленеет Земля.
Ее гибели нет оправданья.
И пока среди звёзд
есть единственный остров живой,
нам понять суждено:
человек — это мозг мирозданья,
он — космический нерв,
всё на свете связавший собой.*

(«Центр Вселенной», 1983)

Василий Жуковский когда-то сделал удивительную запись в своём дневнике: «Божьи звёзды будут светить посреди мрака земли...» Поразительно, но в поэтических текстах В. Хатюшина очень часто встречается слово — звезда. Звезда, что освещает поэтические небеса всех художников. Не исключение и В. Хатюшин, самозабвенно влюблённый в этот волшебный образ. Поэт соединяет в своих стихах землю и небо: «Шар земной меж звёзд печальных», — соединяет как недостижимую мечту человечества и притягательную тайну искусства. Для творческой личности важно сохранять в себе целое, чтобы узнавать и находить его в частном. Художник утверждает прекрасную реальность, ту систему счастья, которая как бы вне нас, вне его самого, когда зовёт в путь «звезда мечты», когда «лишь ей одной душа моя живая / принадлежит в погибели земной». И ведёт в неведомое, когда меркнет всё перед её светом. Но мысль. Но слово. Но магнетизм

строк: «Смирясь еще с одним переживаньем, / пойду навстречу ласковой весне. / Как прежде, с каждым новым испытанием / звезда мечты сияет ярче мне» («В невидимой дали», 2007), — магнетизм строк, будто пересекающихся с рубцовской «звездой полей. «Тоске любви, мечте безумной / останусь верен навсегда. / В полях ночных, во мгле безлунной / сияй, гори моя звезда...», — напишет он похожие строки, созвучные предыдущим, в недавних стихах «Моя звезда» (2019), правда, не вошедших в этот сборник, но пока эта звезда горит над русскими полями, поэт счастлив.

Проводимость, чувство причастности ко всему земному и небесному, способ провести сквозь себя Бытие, не закрываясь от него, но его выявляя и им же формируясь, рождая протуберанцы и стрелы, метафоры и загадки, — все эти поэтические качества автора призваны творить гармонию. «Я брёл среди людей, своей звезде послушный, / и пел я не как все, и путь мой был — иной... / Уйдя, я не уйду, мой друг неравнодушный. / Прочти мои стихи — услышишь голос мой», — и мы слышим его, открывая раздумчивый триптих «Не торопите жизнь» (2016), наполненный озарённостью красоты. Строки излучают неуловимую энергию тихого мерцания, лишь некий лёгкий отблеск совершенной красоты, потому что настоящие вещи не блестят, а мерцают. Великие вечные образы — мудрость и красота. Трудно преодолеть искушение и не привести маленький шедевр автора «Цветок звезды» — это настоящее причащение к красоте, звезда его искренного и подлинного таланта.

*В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
ее огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.
Тогда, склоняясь над зыбкой глубиью
ночной воды,
ладони свёл я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме кромешной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!*

(1977)

Но, как гласит Книга Бытия: «Светила созданы не только для освещения мира, но и для знамений» (Быт. 1; 14). Библейский образ «Звезда Полюнь» — символ наказаний Господних, описанных в Книге Откровений, у В. Хатюшина знаменует трагическую катастрофу гибели страны, за что её главных разрушителей ещё ждёт впереди кара праведная: «Звезда Полюнь, звезда печали / нас чёрной былью обожгла... / Но мы тогда не разгадали, / какую весть она несла» (1993). Как известно, незадолго до этого, в 1986 году произошла Чернобыльская трагедия. Зловещую тень Чернобыля тогда аналогично сравнивали с Апокалипсисом, вспомнив слова последней книги Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова» — пророчество о «Звезде Полюнь»: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полюнь»; и третья часть вод сделалась полюнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8: 10-11). Этот мрачный, трагедийный образ вошёл почти во все художественные произведения, посвящённые Чернобылю. Но разве Чернобыльская катастрофа и катастрофа потери страны стали для нас уроком-предупреждением?! Какие ещё потрясения уготованы нам? Когда череда несчастий минует Россию?

В этом глобальном смысле, произведения В. Хатюшина наполнены не только личным содержанием, их автор прежде всего видит многообразие отражений в мире природы и человечества. В его душе рождается такой же священный порядок, как и в душе Создателя. Ведь малое и большое, всё соединяется в Боге. Каждая выразительная деталь стиха, будь то цветок или одна единственная трепетная травинка, вместе и по отдельности создают истинное торжество красоты:

*Июльский полдень, половина лета.
Сияет солнце в синей высоте.
Цветы в полях под океаном света —
любовь Творца к тончайшей красоте.
<...>
Волнует высь упругими лучами
природы летней трепетную кровь.
В сиянье поля нежными цветами
Бог выражает нам свою любовь.*
(2008)

И совсем рядом — любимые им листопадные мотивы. Хатюшинский осенний узор прозрачен и невесом, как тонкая

кружевная паутинка, сокрытая среди листвы дерев. «Своей привычки старой не нарушу, / уйду от грусти в тихий листопад. / Мне лишь природа успокоит душу, / и незаметно по-светлеет взгляд» (1997), — во всём сквозит возвышенная грусть, нет напрасных сожалений, когда первая половина жизни осталась позади. «Мой месяц ноябрь и дождливая осень / согреют мне грудь одиноким теплом, / и в тягостном небе минутная просинь / глаза затуманит, как сладким вином. <...> Я всё потерял, всё растратил беспечно, / что зыбко и смертно в людской беготне, / но то, что владеет душой бесконечно, / на вечные веки пребудет во мне» (1996), — и эти стихи так же высвечивают суть жизненной философии поэта, его талант по-настоящему видеть и понимать скрытую глубину природы и человека. Подобные элегические настроения характерны и для другого совсем недавнего произведения, где под пером зрелого художника никогда не кончается осень, она, как на полотнах Левитана, щедро дарит нам свои краски, неспешно смещивает их и наносит на холст, на далёкие пространства земли и неба, заполняя своей немеркнувшей красотой и пространство наших душ. «Что через годы эти строки скажут? / Какую грусть в сердцах разбередят?.. / Семидесятой осени всё так же / сухие листья под ноги летят... <...> И сохранит душа не дни лихие, / а этот миг застывшей красоты — / семидесятой осени сухие / кленовых листьев красные цветы...»

Глубоко символичны и стихи «Третий снег» (2018), магически замыкающие бесконечное кольцо человеческой жизни и судьбы в круге первом, втором и третьем. Ходасевич был прав, когда философски изрёк: «Время, ветер и песок». У В. Хатюшина свой образ, где каждый жизненный круг неотступно сопровождает вечная белизна снега, навсегда заметающая «все следы и пути», что заметёт, покроет когда-то и наш последний приют на земле. Смерть — бессмертие — категории религиозно-метафизической проблематики, где явственно ощущается и дыхание мистики. «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь», — учит Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова (7: 39). Памятование о смерти благотворно, оно удерживает от греха.

Духовная лирика неотделима, тесно сопряжена в книге и с лирикой любви, по сути, ни одну свою строку поэт не написал, не вдохнув в неё свет и тепло этого житнетворного чувства. Отсюда неслучайны и такие сакральные строки: «Сбережём в душе своей бессмертной / всех, кто в мире дольнем нас любил». Лирика любви — ещё одно настоящее мерило поэтического таланта автора. В данном сборнике она анало-

гично является актуальной сквозной темой, но отличается большей экзистенциальной насыщенностью и художественно-поэтической ёмкостью. Возможно, есть нечто предопределённое и в том, что книга открывается загадочным стихотворением «В ночь перед Рождеством» (1971), завораживающим музыкально-романтической стихией удалого санного полёта, безудержно радостной, такой же бескрайней, как северные степи. Но и тем выразительней контраст, будто целая бездна пролегла между этими и совсем иными, реалистически психологичными, стихами «Смерть матери» (2009), что насквозь пронизаны сыновьей любовью к матери, сильнее которой не бывает ничего. Если даже «в большую душу западёт» другая любовь, то сможет ли она излечить её?! Неприемлемо, невыносимо связано со смертью забвение любви. Да, смерть и любовь нерасторжимы — это духовная закономерность бытия.

*Небесный блеск ночных лампад...
Весны промозглой снег и слякоть...
Ещё я долго буду плакать
над самой горькой из утрат.
Наркоза тягостный провал...
Надежд больничных упования...
Я вместе с ней переживал
ее безумные страданья.*

Трагическая невозвратимость самого родного человека, смертельная тоска и боль неминуемой потери, сковывающая разум и сердце, заполняют собой всё поэтическое пространство не только стиха, но и выходят далеко за его пределы, создавая особый, сугубо личный внутренний контекст. Наука, в сущности, не отвечает на вопрос, где пролегает грань между жизнью и смертью. Религия отвечает, а вслед за нею — поэзия, так как она адресована человеческой душе и взывает к ней почти молитвенно.

*В последний раз взглянули мы
в глаза друг другу. Сказка детства
мелькнула в памяти из тьмы
в тоске обрушенного сердца.
<...>
Как жаль тепла далеких лет!..
Тех лет теплом проникнут весь я...
В холодном гулком поднебесье
дрожал померкший звёздный свет...*

Тот звёздный свет для человека верующего — единственная спасительная ниточка от нравственной глухоты и жёсткости сердца, ведь для веры границы нет. Произведения В. Хатюшина близки и понятны именно своей беспощадной честностью и правдой, когда человек иногда падает в бездны, а иногда поднимается на немислимую духовную высоту. Пафос греха и покаяния, страдания и искушения — самый верный камертон его поэтики, обширной и разнообразной, а главное — согретой чувством неподдельной любви к человеку и творчеству.

В Священном Писании говорится: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 20-21). Обретём ли в себе это Царствие? Пока ещё Бог даёт нам этот шанс. Но война сил ада с Православием не закончилась. За Веру тоже нужно идти в бой. Поэт и гражданин своего Отечества Валерий Хатюшин остаётся на передовой линии огня, остро чувствуя ход истории, умея прозорливо сопрягать события, разделённые временем. Воля и сила художника всегда проявляется в преодолении. Книга «Вино и хлеб», соединяя времена и эпохи, излучает тот надмирный, Божий свет, что служит в русской словесности правде добра, истины, правде творческого труда. Именно этот высший свет поддерживает в нас жертвенный и благородный огонь духовности.

И в завершение — ещё благословенные строки поэта, в чём-то романтически перекликающиеся с гумилёвскими, с надеждой и верой открывающие тайну вечного:

*Мы обязательно вернёмся
под сень бессмертной красоты,
уснём однажды и проснёмся
там, где рождаются мечты...*

г. Минск

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2021 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В первом полугодии 2021 года редакция планирует выпустить следующие номера: №1-2, №3, №4, №5-6. Во втором полугодии — №7-8, №9, №10, №11-12.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на первое полугодие 2021 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1000 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2000 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 925 602 40 57 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru